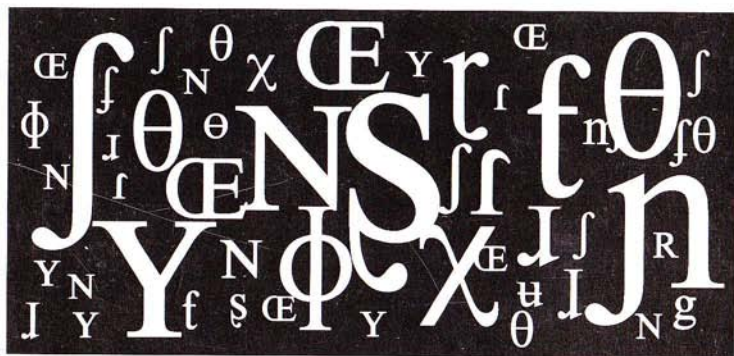

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В ЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Романская и русская
антропонимика

Ю. А. РЫЛОВ

Курс лекций по межкультурной коммуникации

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Ю. А. РЫЛОВ

**ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ
В ЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ**

Романская и русская антропонимика

*Курс лекций
по межкультурной коммуникации*

Москва

ас+ ВОСТОК
ЗАПАД

2006

Р95 **Рылов, Ю.А.**
Имена собственные в европейских языках. Романская и русская антропонимика. Курс лекций по межкультурной коммуникации / Ю.А. Рылов. — М.: АСТ: Восток — Запад, 2006. — 311, [7] с.

ISBN 5-17-038554-4 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-478-00353-0 (ООО «Восток — Запад»)

Впервые в отечественном языкознании анализируются антропонимические традиции трех европейских народов — итальянского, испанского и русского. Показано, что несмотря на видимое сходство современных антропонимических систем, в которых присутствуют личное имя и фамилия — наследуемый компонент полного антропонима, у каждой нации складываются свои особые традиции именования людей, отражающие этнический взгляд на мир и место в нем индивида. В поле зрения автора находятся проблемы типологии итальянских, испанских и русских имен и фамилий, прагматический аспект их использования, семантические и грамматические особенности антропонимов, их когнитивный потенциал, отношения антропонимов и аппелятивной лексики, а также социокультурные параметры функционирования имен собственных.

Для студентов, аспирантов, преподавателей итальянского, испанского и русского языков и широкого круга читателей, интересующихся проблемами антропонимики.

© Ю. А. Рылов, 2006

© «Восток — Запад», 2006

ПРЕДИСЛОВИЕ

Антропонимика — наука, которая занимается изучением *антропонимов*, то есть различных именовании человека — имен, фамилий, отчеств, прозвищ, псевдонимов. Это особый раздел *ономастики* — дисциплины, исследующей имена собственные в целом: географические названия, клички животных, имена небесных светил, названия периодических изданий, торговых заведений, торговых марок и т.п. Антропонимы занимают среди имен собственных особое место. В первую очередь потому, что все имена собственные (как, впрочем, и все другие слова) — продукт деятельности человека, а имя — необходимый его атрибут. В последние десятилетия наблюдается повышенный интерес к проблемам антропонимии, что связано с антропоцентрической парадигмой современного языкознания, предполагающей анализ языковых явлений — в данном случае именовании человека — с целью познания его носителя. Антропонимика — наука лингвистическая и в то же время как никакой другой раздел языкознания носит *интердисциплинарный* характер, поскольку обращается к фактам не только языкознания, но и антропологии, этнографии, истории, психологии, социологии, теории коммуникации, теологии, юриспруденции, культурологии, литературоведения. Антропонимы привлекают внимание логиков и философов, а также представителей других гуманитарных наук. *Интердисциплинарность* антропонимики обусловлена свойствами ее объекта — именовании человека, их онтологией, особым статусом в лексической системе языка, разнообразием функций, исторической изменчивостью. Не случайно название научной конференции, проведенной в 2005 году в Екатеринбурге — «Ономастика в кругу гуманитарных наук».

АНТРОПОНИМЫ КАК
ОСОБЫЙ КЛАСС СЛОВ

Изучение лингвистической стороны антропонимов невозможно без обращения к другим аспектам их проявления. В силу этого обстоятельства в романистике сложились три трактовки антропонимики и ономастики в целом как отраслей знания: как самостоятельных междисциплинарных наук, как вспомогательных наук и как раздела языкознания, точнее, лексикологии [Cano González, Kremer 2001: 869; Chambon, Swiggers 1993: 706]. Мы считаем, что антропонимика — языковедческая наука и прежде всего потому, что антропонимы — это слова, принадлежащие к категориальному разряду существительных, и интересуют лингвистов именно как слова во всем многообразии их проявлений. Такой подход к антропонимике прослеживается и в материалах упомянутой выше конференции [«Ономастика в кругу гуманитарных наук» 2005].

На наш взгляд, антропонимы — важнейший компонент лексической системы любого языка. В языковой картине мира они занимают уникальное положение. Имена — одни из первых слов, которые усваивает человек, и последние, которые он утрачивает при афатических расстройствах речи [Якобсон, 98].

Более того, имен собственных (имеются в виду не только антропонимы, но и зоонимы, топонимы, космонимы, астронимы, именованья праздников, произведений искусства, периодических изданий и т.п.) больше, «чем не только имен нарицательных, но всех остальных слов всех частей речи, взятых вместе» [Лыков, Чабанец 1999, 14]. К сожалению, конкретные цифры о соотношении антропонимической и аппелятивной лексики авторами не при-

водятся, но если принять во внимание те факты, что антропоним любого языка может стать фактом другого языка, а также то, что именование одного и того же человека может значительно варьировать в зависимости от ситуации общения и личностей общающихся, то становится очевидным, что каждый индивид встречает, знает и использует в течение своей жизни огромное количество антропонимов, вполне сопоставимое со среднестатистическим запасом аппелятивной лексики.

Известно также, что антропонимы (имена, фамилии, а также отчества — в русском языке) являются важнейшим звеном, связывающим человека с непосредственным окружением и обществом в целом. Человек живет не просто среди людей, но и среди имен, которые образуют вокруг каждого человека определенный континуум, особое национально-культурное пространство, единое для всего языкового коллектива и индивидуальное для любого отдельного его члена.

Антропонимические традиции европейских народов, несмотря на наличие значительного количества сходных черт (закключающееся в наличии *личного имени и фамилии*, то есть компонентов, один из которых является существенно индивидуальным, а другой передается по наследству), отличаются неповторимой самобытностью и оригинальностью, отражающей взгляд народа на мир и на место в нем индивида.

Так, для русских понятие фамилии связано прежде всего с семьей: все члены русской семьи носят, как правило, одну фамилию — фамилию отца. В испанской семье, состоящей из трех человек — отец, мать и сын — у каждого будет своя фамилия; при этом фамилия ребенка будет составлена из компонентов фамилий обоих родителей — первой фамилии отца и первой фамилии матери (именно в таком порядке). Детализаций тезиса о самобытности антропонимических систем на материале трех языков (ис-

панского, итальянского и русского) и составляет цель данных лекций.

«Справедливо замечено, — говорится в одной из работ по испанской ономастике, — что изучение имени дает интересные наблюдения над духом народа» [Bartell, 4]. Проявления духовной жизни народа в антропонимии разнообразны. Так, если русские дохристианские (впоследствии некалендарные) имена проявляют видимую связь человека с природой, с тотемами, с устремлениями семьи; то в эпоху христианизации Руси, когда появились новые, пришедшие с новой религией иноземные имена (см. ниже), «они стали обозначать не столько видимую связь индивида с обществом и семьей, сколько с миром невидимым и священным» [Bortolami, 439–440].

На ранних стадиях развития общества имя — неотъемлемый компонент личности, его второе «я», его душа: «Nomen, omen» («Имя — судьба»), — говорили в древности. Узнать имя человека значило сделать его безоружным перед силами зла. Именно поэтому у древних было принято пользоваться субститутами настоящего имени. Следы этих обычаев обнаруживаются и на более поздних этапах цивилизации. Например, в куртуазном романе Кретьена де Труа «Эрек и Энида» (XII в.) Эрек узнает настоящее имя жены, полученное ею при крещении, лишь в момент женитьбы.

В дореволюционной России имели хождение своеобразные именники, содержавшие характеристику носителя того или иного имени. Прочитав П.А. Флоренского: «Одним из памятников такого рода руководств, письменным закрепленным осколком целой культуры имен, можно представить известный «Реэстр о дамах и прекрасных девицах», печатавшийся в свое время на русских народных картинках при соответственном изображении» [Флоренский 1999, 188]. Вот отрывок из этого реестра:

«РЕЭСТР О ДАМАХ И ПРЕКРАСНЫХ ДЕВИЦАХ»

Постоянная дама Варвара.
 С поволокою глаза Василиса.
 Кислый квас Марья.
 Веселый разговор Аграфена.
 Великое ябедство Елена.
 Наглая спесь Маремьяна.
 Средня управа Устинья.
 Толста да проста Афросинья.
 Песни спеть Дарья.
 Хороший голос Домна.
 Худое соврать Агафья.
 Впролом сходить Улита.
 Умильный взгляд Фекла.
 Ни туды ни сюды Фетинья.
 Белые белила Авдотья.
 Скорая похотка Акулина.
 Взглянет утешит Арина.
 Промолвит накормит Марина.
 Смирная всегда Пелагея.
 Всегдашняя суета Кристина.
 Вправое устоять Зиннона.
 Обещать не солгать Софья.
 Черные глаза Улияна.
 Воровской взгляд Хавроня.
 Поскакать да поплясать Афимья.
 Красна да румяна Маланья.
 Хорошая похотка Настасья.
 Приятна в любви Наталья.
 [...]» [Флоренский 1999, 189].

В современной русской фразеологии приведенные речения не сохранились. Напротив, в испанском языке прак-

тически все имена имеют рифмованные эпитеты, иногда однословные, иногда довольно развернутые; в них представлена характеристика носителя имени, так сказать, когнитивный образ, стоящий за именем, своеобразная трактовка в фольклорном духе проблемы *nomep — omen*. Вот лишь некоторые из них:

Alberto, despierto;
 Andrijs, cortijs;
 Antonios son demonios;
 Carlos son para amarlos, pero no para cazarlos;
 Elnas, inventor de picardnas;
 Eloy, cinco enteros para hoy;
 Enrique, en negocios a pique;
 Gil, vil;
 Miguel, espadnn y cascabel;
 Nicolbs, un paso adelante, dos atrbs;
 Salvadores, reguladores, los mejores;
 Acacias traen desgracias;
 Anas son holgazanas;
 Andreas con ideas muy buenas, otras feas, al mirarlas, te mareas;
 Bertas, muy despiertas;
 Dolores, en amores, las mejores;
 Juanas, locas y vanas;
 Martas nunca estbn hartas de pasteles y tartas;
 Nuria, con viento sur, una furia;
 Magna, eterna ambrosna.

Характеристики, содержащиеся в этих присловьях, как видим, самые разнообразные, сходные по по тематике с приведенными выше русскими изречениями, хотя в значительной мере их содержание обусловлено рифмой. Что же касается формы, у русских имен подобных регулярно воспроизводимых рифмованных эпитетов почти нет, за исключением приводимых В.И. Далем:

Марья-Марина — очи голубины;

Катя-Катерина — ножка голубина.

Роман — кожаный карман;

Семка, пойдем-ка.

Более распространены паремии с рифмованными личными именами, в которых роль имени сводится к обозначению любого человека:

Фоку приставляй с боку, а Демид прямо глядит;

Ты, Исай, навверх ступай;

Дядя Моисей любит рыбку без костей;

Ивбнов, что грибов поганых;

Ерема, Ерема, сидел бы ты дома да точил веретена;

Скучно Афонюшке на чужой сторонушке;

Плешивый Тарас, моли Бога о нас!;

Позвать Ивашку, белую рубашку;

Амбросим не просит, а дарует, не бросит [Даль 1994, т. 2: 9 — 12; т.: 7, 116 — 119];

Русские рифмованные пословицы и поговорки большей частью архаичны, как говорится, «не на слуху», но самое главное, они — по сравнению с испанскими эпитетами — совсем иные по духу и атмосфере: в них не содержится характеристика носителя имени в духе *nomep — omen*, имя в них задействовано лишь для рифмы; они более универсальны в том смысле, что, как и другие пословицы и поговорки, используются в самых разнообразных ситуациях. Например, пословица *Скучно Афонюшке на чужой сторонушке* характеризует не человека по имени *Афонюшка*, а является высказыванием о том, что любому человеку плохо вдали от родного дома.

В итальянском языке нами было обнаружено — благодаря анкетированию студентов — лишь несколько рифмованных эпитетов: *Valeria, ragazza poco seria*; *Susanna, tutta ranna*. Таким образом, рифмованные эпитеты — явление, не характерное для итальянских имен, хотя в целом рифмованные поговорки, содержащие личные име-

на, явление не редкое (особенно, с именами святых — о них пойдет речь в последней лекции).

Во многих древних культурах имя считается настоящим духовным центром человека, в котором в символической форме скрывается его сущность [Tartamella, 21–22]. З. Фрейд обращал внимание на подобное восприятие имени детьми [Freud, 94]. П.А. Флоренский, говоря о детской речи, заметил, что ребенок до трех с половиной лет «не употребляет слово Я, а говорит о себе в третьем лице и называет себя по имени» [Флоренский 1999, 208]. В этом автор усматривает «наиболее близкое к райскому, наиболее далекое из естественных состояний сознания», в то время как начало использования в детской речи Я символизирует «первый прорыв первородного греха» [там же].

В настоящее время (по крайней мере, в европейских культурах) имя утратило свою магическую значимость, но приобрело важное юридическое и бюрократическое значение [Lessico universale italiano, XV, 361], хотя идея *omen*, помет продолжали волновать авторов и в XX веке. Так, П.А. Флоренский считал, что «именем выражается тип личности, онтологическая форма ее, которая определяет далее ее духовное и душевное строение» [Флоренский 1999, 211], а итальянский исследователь В.Тартамелла связывает фамилию с судьбой ее носителя, утверждая, что фамилия значительно влияет на поведение человека и, как следствие, на его статус в обществе. Указанный автор заявляет о создании новой научной дисциплины — психогномии [psicognomia], которая призвана заниматься влиянием фамилии на нашу интеллектуальную, профессиональную и общественную жизнь [Tartamella, 130 и след.].

Публикуются словари и работы, посвященные взаимосвязи между именем, характером и судьбой человека. См., например: [Ведина 2000; Минцлов 1995; Хигир 1995;

Величко 1955; Albaigis 1995, 1998; Garsna Gallarri 1998; Bortolozzo 1996; Cepeda Fuentes, Cattabani 2003; De Felice 1997]. Такие издания пользуются неизменным успехом. Интерес к ним со стороны рядового читателя объясняется стремлением избежать энтропии, упорядочить свои отношения с миром, определить свой жизненный потенциал. В этом смысле русские испытывают культурный шок, когда встречают в Америке людей, носящих имена торговых брендов или городов, то есть имена, не имеющие антропонимической традиции: *Dior, Armani, Chanel, Paris, London* и др. Совсем недавно в средствах массовой информации появилось сообщение об американском легкоатлете, ставшем чемпионом соревнований в Хельсинки, который в честь своей победы назвал новорожденного сына *Helsinki*. Мода на подобные имена распространяется и в Великобритании, где зарегистрированы имена типа *Ikea* (название торговой сети). После того, как актриса Гвинет Пэлтроу назвала свою дочь *Apple*, появились имена *Apricot, Banana* (Труд-7, 24 ноября 2005). Отметим, что в отечественной истории тоже был период, когда имена типа *Трактор, Компартия, Октябрин* не вызывали удивления, но этот этап позади — об этом речь пойдет в специальном разделе.

Как уже отмечалось выше, несмотря на внешнее сходство, заключающееся в наличии одинаковых единиц (личного имени и фамилии — компонента, передающегося из поколения в поколение), антропонимическая система каждого языка отличается своеобразием функционирования этих единиц. «Равно как и остальные элементы лексики, имена собственные не могут быть правильно интерпретированы и с пользой изучены вне их системы», — пишет К.А. Мастрелле [Mastrelle, XI]. Эти вопросы будут детально рассмотрены в последующих лекциях. Здесь же ограничимся следующим примером. Русское имя или фамилия, попадая, например, в стихию итальянских имен,

не только проходит фонетическую и грамматическую обработку, но и адаптацию функциональную. Предположим, что русская женщина по имени Светлана Ивановна Петрова вышла замуж за итальянца по фамилии Rossi и живет в Италии, ее полное имя будет зарегистрировано следующим образом: Svetlana Petrova in Rossi. Соответственно, отчество будет утрачено, утрачены будут и все диминутивы типа *Света, Светочка, Светланка* и пр.; скорее всего в обычной жизни ее будут называть Svetlana (в итальянской огласовке Zvetlana).

Предлог *in* перед фамилией мужа в составе фамилии замужней женщины (Petrova in Rossi) используется лишь в некоторых официальных документах, например, в паспорте, а в водительском удостоверении может стоять лишь фамилия Petrova. Предлог *in* обычно опускается и полное имя замужней женщины выглядит в списке сотрудников факультета, следующим образом: Petrova Rossi dottoressa Svetlana или Petrova dottoressa Svetlana. Дети же наследуют фамилию отца.

Аналогичная ситуация в Испании будет развиваться несколько иначе. Если фамилия мужа Sбnchez Garcна, то при получении испанского гражданства Светлана Ивановна Петрова будет зарегистрировано следующим образом: Svetlana Petrova de Sбnchez. Как и в Италии, отчество будет утрачено, в испаноязычной среде не будут использоваться и русские дериваты этого имени; скорее всего окружающие ее будут называть Lana (поскольку имя Светлана — в испанской огласовке Ezbedlana — довольно громоздкое и сложное для испанца) или Lucна (автору известны оба варианта). Фамилия детей от этого брака будет по существующему законодательству Sбnchez Petrova. Впрочем, мальчику можно будет присвоить и фамилию Sбnchez Petrov — при условии предоставления в Registro Civil письменного заявления и свидетельства о том, что в русском языке фамилии изменяются по родам.

Автору известен курьезный случай взаимодействия различных традиций присвоения фамилий: российская гражданка вышла замуж за гражданина Кубы и при вступлении в брак в соответствии с нашей традицией поменяла свою фамилию на фамилию мужа — Varela (это его первая фамилия); супруги уехали на Кубу, где у них родился сын, которому — уже в соответствии с кубинским законодательством — была присвоена первая фамилия отца и фамилия матери. В результате получилась фамилия Varela Varela, с которой он живет в России.

Имена собственные не только образуют свою собственную систему, но и интегрированы в лексическую систему языка в целом, поэтому они по-разному функционируют в разных языковых системах и соответствующих социумах. Так, имена известных людей, писателей, библейских персонажей и литературных героев являются достоянием всего человечества, и в то же время, например, фамилия Пушкин для русского человека имеет иной культурный и языковой «вес», чем для остального человечества, поскольку это не просто великий национальный поэт, имя которого окружает нас с детства в виде названия улиц, площадей, населенных пунктов, музеев, библиотек, но и герой некогда популярных анекдотов, атмосфера которых прекрасно воспроизведена Д. Хармсом. Фамилия поэта используется в речевых актах отката: Кто за это будет отвечать? Пушкин? (= Я за это отвечать не буду). Эта фамилия встречается и в речевых актах уличения: А это кто сделал, Пушкин? (= Это сделали Вы). Ср. примеры из «Мастера и Маргариты» М. Булгакова: «Никанор Иванович до своего сна совершенно не знал поэта Пушкина, но самого его знал прекрасно и ежедневно по несколько раз произносил фразы вроде: “А за квартиру Пушкин платить будет?”» (= Почему Вы не платите за квартиру?) или: «Лампочку на лестнице,

стало быть, Пушкин вывинтил?» (= Разве не Вы вывинтили лампочку?)... В «новоязе» новых русских эта фамилия приобрела адвербиальное значение, что-то вроде «отлично», как в следующем диалоге: — Как дела? — Пушкин! (из записи устной речи). Кроме того, эта фамилия способна к прономиллизации. Е.С.Отин пишет: «В разговорно-просторечном субстандарте, массовой городской речи фамилия *Пушкин* нередко используется в качестве коннотативного онима, развившего сопутствующие смысловые оттенки: *неопределенно, неизвестно кто; кто-то, кто-то другой...*»: Как вредить, так они первые, а как отвечать, так *Пушкин* (то есть неизвестно кто — Ю.Р.) (Максимов)? Получается, как по известной присказке — а кто отвечать будет? *Пушкин...* (Литературная газета, 2000, 5 июля) [Отин 2004: 290]. Ср. также: Это *Пушкин* в России всегда виноват... (неизвестно кто) (Н. Аришина. Томилино // Новый мир, 1999, № 9). Кстати, в подобной функции может выступать сочинительный ряд фамилий *Иванов, Петров, Сидоров*: А виноваты у нас, как всегда, *Иванов, Петров, Сидоров* (неизвестно кто) — (из записей устной речи). Полный русский антропоним *Иван Иванович Иванов* может означать *кто-то из русских*: Эй-богу, это не я писал, это любимый сердцу моему *Иван Иванович Иванов* насочинял (Горький) [Отин 2004, 166].

Вернемся к этническим особенностям восприятия онимов. Испанское женское имя *Carmen* — имя героини известной новеллы П. Мериме и оперы Ж. Бизе в России принято произносить на французский манер — с ударением на последнем слоге, хотя по-испански это имя звучит с ударением на первом слоге. Более того, в сознании испанцев *Carmen* не полное имя, а, как правило, часть полного составного имени *Magna del Carmen*, где *Carmen* — существительное мужского рода, топоним, обозначающий гору в северной части Палестины, место явления Богородицы (по-русски Кармель, отсю-

да также название ордена кармелитов), то есть Мария из Кармеля. Если испанку называют *Carmen*, то с большой степенью вероятности можно утверждать, что ее «паспортное» имя — *Magna del Carmen*. Для представителя русской культуры это имя являет собой (благодаря опере Ж. Бизе) когнитивный концепт испанки — женщины страстной и своенравной. Таким образом, наличие различное восприятие одного и того же имени в испанской и русской культурах.

Своеобразие антропонимов как лексических единиц состоит не только в их онтологическом статусе — обозначении и индивидуализации человека-носителя языка, но и во всех остальных характеристиках этих слов: семантических и грамматических. Кстати, индивидуализация человека при помощи имен собственных тоже носит не абсолютный, а относительный характер: «Сфера ее (индивидуализации — Ю.Р.) действия ограничена ближайшим бытийным контекстом (личное имя *Петр* является индивидуализирующей номинацией в рамках семьи, рабочего коллектива или других ячеек общества, но не всего общества, где носителей этого имени может быть любое множество» [Толстая 2005, 24].

Обратимся к проблеме семантики антропонимов. Обычный антропоним, как это принято считать, не обладает семасиологической функцией. Это положение, идущее от Дж.С.Милля, отграничившего денотацию от коннотации, находится в основе противопоставления имен собственных и нарицательных, то есть как имен, обладающих и не обладающих значением [Mill 1843]. О.Есперсен, напротив, признавал имена собственные наиболее коннотативными именами [Jespersen 1968, 64]. В самом деле, антропоним, будучи именем существительным, постоянно «отвлекается» «от своей прямой задачи — обозначить, «дать этикетку» индивиду и «обрастает» целым рядом семасиологических функций. Лич-

ные имена как лексические единицы обладают определенным набором сем: человек, пол, национальная принадлежность; возможны также коннотации, связанные с социальной, региональной или возрастной характеристикой человека, а также с принадлежностью человека к определенной эпохе.

Приведем несколько примеров. Испанское имя *Froilón* — если мы его встретим на страницах современной испанской прессы — может принадлежать пожилому человеку, с большой степенью вероятности происходящему из Леона: этим именем, по данным К.Гарсия-Гальярин, нарекались младенцы в период между 1900–1940 годами преимущественно в Леоне, где это имя особо почитается, так как *San Froilón* — один из святых покровителей этого города [García Gallarín, 333]. Похожую информацию несут русские имена *Митрофан* и *Тихон*, некогда наиболее распространенные в Воронежском регионе крестьянские имена, которые давались в честь наиболее почитаемых здесь святых — *Митрофана Воронежского* и *Тихона Задонского*; в настоящее время эти имена сохранились лишь у представителей самой пожилой части населения (особенно *Митрофан*); чаще эти имена встречаются в виде отчеств (как правило, носителям такого отчества как минимум 40–50 лет) и патронимических фамилий. Таким образом, антропоним «несет информацию о внешнем мире и представляет собой важный атрибут человека, сравнимый с цветом кожи, ростом или происхождением» [ibidem, 10].

Более того, каждая эпоха, каждый период истории нации, каждое поколение отмечены своим неповторимым набором онимов, отражающих изменившуюся картину мира. «Чтобы убедиться в этом, — пишет В.Мойа о быстро меняющейся антропонимической ситуации на Канарских островах, — достаточно взглянуть на некролог в газете. Несчастные усопшие носили такие имена как *Matías*,

Pascasio, Benigno, Ceferino, Luisa, Petra, Magdalena, Valentina, а также богословские *Teodoro, Heliodoro*, очень отличающиеся от имен скорбящих родственников, которые молятся за души усопших: дети зовутся *José Luis, Engel, Damián, Arturo, Aurora, Teresa, Amalia, Isabel*, а внуки — *Iván, Cristián, Sandro, Joshua, Yeray, Yira, Yaiza, Yurena, Artemi, Guacimara, Doramas*» [Moya 2000, 36]. Имена внуков, как видим, разительно отличаются от имен предыдущих поколений в силу присутствия региональных и заимствованных единиц.

Личное имя (по крайней мере, в рассматриваемых языках) связано с обозначением пола: «Слово “Анна” обозначает женщину («лицо, противоположное по полу мужчине»), носящую имя “Анна”. То есть собственное имя служит конкретизации общего понятия по признаку наименования» [Чеснокова, 104]. Сема «национальность» у наиболее распространенных личных имен может способствовать превращению имени в когнитивный концепт «типичный представитель нации»: *Matteo Rossi* — итальянец, *Pedro Lypéz* — испанец, *John Bull* — англичанин.

Вот что пишет по этому поводу Б.А. Успенский: «Будучи лишены самостоятельного значения, имена — призванные, вообще говоря, *называть*, но не *значить*, — могут быть, тем не менее, чрезвычайно значимы. Для окружающих они оказываются значимыми постольку, поскольку отражают определенную традицию наименования, принятую в той или иной социальной среде. Соответственно, имя может выступать как *социальный знак*, как социальная характеристика человека — это относится как к личному, так и фамильному имени» [Успенский, 337]. Имя может быть настолько значимым, что способно влиять на жизнь ее носителя. Б.А. Успенский приводит в качестве иллюстрации случай несостоявшегося бра-

ка в аристократической среде из-за простонародного отчества невесты — *Пахомовна*, а также факт сокрытия настоящего имени дочери знатного купца, данного ей священником при крещении (*Акулина*), которое занижает ее социальный статус, поэтому в семье ее называют *Александрой* [там же, 337–338].

Вот еще примеры из романа П.Д. Боборыкина «Китай-город» (Москва, 1957):

Его действительно звали *Федул*, но он переименовал себя потом в *Теофила*.

Ее звали *Тася* — уменьшительное от Таисии. Это мало дворянское имя ей дали по прихоти отца, который «открыл» его в святцах.

Пускаюсь в выучку к *Титам Титычам* (то есть к купцам — *Ю.Р.*), — сказал Палтусов нотой, в которой сквозила совестливость.

Вот что! — протянул приятель. — Что ж! штука весьма интересная. Мы не знаем этого мира. Теперь новые нравы. Прежние *Титы Титычи* пахнут уже дореформенной полосой.

Что касается фамилий, то известно, что фамилии типа *Рождественский*, *Вознесенский*, *Успенский* — клерикальные фамилии; фамилия *Садовский* — дворянская, в отличие от *Садувский*, которая не воспринималась как дворянская [Успенский, 343]. Фамилия известного советского поэта (и его сына-кинорежиссера) *Михалков* на самом деле — дворянская и должна произноситься *Михблков*; простонародное произношение (перемещение ударения на последний слог) объясняется стремлением ее носителей «к социальной мимикрии» [Успенский, 350]. Фамилия *Сыромятников* могла ограничивать претензии ее носителя на принадлежность к привилегированным слоям общества. Ср. пример из названного романа Боборыкина:

Родители его прозывались *Сыромятниковыми*. Это его немного стесняло; зато у него был французский язык.

По свидетельству Г.Ф. Ковалева, еще основоположник русской антропонимики Е.А. Болховитинов в 1813 году в статье «О личных собственных именах у Славенорусов» отмечал, что древнерусский именник довольно четко дифференцировал общество на элиту (князь, бояре, старшая дружина) и остальную массу. Имена знати в Древней Руси, как правило, представляли собой композиты с элементами *мир-, -слав-, тверд-, добр-, яр-, мсти-, все-*; народные же имена были разнообразны как по форме, так и по содержанию [Ковалев 1992; Ковалев 2002, 232–233]. Об этом пойдет речь ниже. В.Мойа считает, что имена *Bautista* и *Bibiano* в современном испанском обществе отражают, как правило, высокий социальный статус их носителей [Мойа 2000, 32].

Кроме того, имена могут содержать семы самых различных эмоций — от ласкательности, уменьшительности и увеличительности до презрения. Ср. дериваты итальянского имени *Carlo*: *Carlino*, *Carletto*, *Carlone*, *Carlaccio*. В русских дериватах имени тоже фиксируются самые разнообразные модальные установки, отражающие различные ситуации общения и типы отношений между людьми (ср.: *Владимир*, *Вова*, *Вовик*, *Вовка*, *Володенька*, *Вовчик*, *Володя*, *Володька*, *Вован* и др.). Эмоциональная составляющая таких именовании может сочетаться с социальной. Так, один из ранних рассказов М. Булгакова называется «Лидка»; в этом ониме заложена особая модальность, совмещающая теплое, «свойское» отношение к девочке и низкий социальный статус крестьянской дочери: если бы героиней рассказа была девочка более высокого происхождения, то форма «Лидка» вряд ли была возможной. Напротив, в рассказе И. Бунина «Зойкина любовь» суффикс *-к* имплицитно модальность не-

которой фамильярности и ироничного отношения к недоразвитой профессорской дочке.

Таким образом, «антропонимия — область языка, в которой наиболее ощутимо проявляется субъективный фактор как в выборе средств номинации, отражающих отношение номинатора к именуемому лицу, так и в употреблении антропонимов в речи, сопровождаемое их оценкой» [Смольников 2005, 21].

В свете сказанного известное высказывание К. Маркса «Я решительно ничего не знаю о данном человеке, если знаю только, что его зовут Яковом» [Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. XVII, 113], на долгие годы предопределившее в отечественном языкознании отношение к именам собственным, представляется неточным, поскольку не учитывает ни пола, ни национальности, ни социальной характеристики имени, ни нейтральности или экспрессивности именованного (ср. ит.: *Giacomo* — с одной стороны; *Soto, Laro, Russio* — с другой). Более того, для П.А. Флоренского указанное имя — *Яков* — имеет некий зловещий смысл: «От древности и до наших дней с ним, и в больших и в малых масштабах, связаны вихри, около имени *Якова* возникающие, столкновения, потрясения, коварства, заговоры; около этого имени кто-то попадает, нередко гибнет. /.../ Разумеется, таково имя *Яков* в масштабе историческом; в личном же — оно не достигает этой грандиозности»... [Флоренский 1999, 200–201]. Флоренский имеет в виду, помимо праздника святого *Якова*, во время которого в Чехии совершается приношение в жертву козла, деяния тамплиеров, создателем ордена которых был *Яков Моле*, а также *якобинизм* (*якобинство*), как идеологию французской революции, вдохновителем которой был Жан-Жак Руссо.

Закрепляясь в речи за конкретным лицом с его индивидуальными свойствами, имена собственные превращаются в индивидуальные имена собственные с уникаль-

ным набором признаков и богатым содержанием [Чесноков, 154–158; Рассел, 336–343], как, например, в распространенных в разговорной речи высказываниях типа *Света есть Света*, где имя собственное в присвяточной части обозначает характеристику человека, известную окружающим (*Света есть Света, она всегда опаздывает*). Еще богаче содержание имен героинь известных произведений: *Анна* из романа «Анна Каренина», *Мария* из поэмы «Полтава», *Ольга* из романа «Евгений Онегин» [Чеснокова 1996, 105]. Некоторые из таких имен превращаются в имена нарицательные, становятся яркими когнитивными концептами: *Плюшкин* — это образ болезненно скупого человека, *Иудушка* — выродок, для которого не существует ничего святого, *Сусанин* — ироническое обозначение проводника, *Дон Жуан* — любвеобильного повесы, а *Дон Кихот* — благородного, бескорыстного человека (в русской культурной традиции — см. подробнее в последней лекции), *Чичиков* — предприимчивого человека: «Я думал, из вас *Чичиков* выйдет, а вы — человек-рубашка» (Боборыкин). Другой гоголевский персонаж — *Акакий Акакиевич* — когнитивный концепт маленького человека. Имя *Celestina* после романа Леопольдо Аласа (Кларина) «*La Celestina*» приобрело значение *сводница*, а фамилия адвоката *Azzecagarbugli* из романа А.Мандзони «*I promessi sposi*» стала обозначением *крючкотвора, ловкача*.

Как следствие, в ряде случаев трудно, а порой и невозможно, провести границу между именем собственным и нарицательным [Моуа 2000, 30]. В результате отношения между именем собственным и нарицательным логичнее рассматривать не как отношения оппозиции, а как своеобразный континуум, единицы которого «образуют некоторую шкалу “апеллятивности” — “ономастичности” (проприальности), в соответствии с которой каждая конкретная лексическая (номинативная) единица может

быть помещена в определенной точке этой шкалы, ближе к одному или другому полюсу» [Толстая 2005, 24]. Другие ученые, отвергая отношения оппозиции между именами собственными и нарицательными, определяют их как отношения контраста: «Между контрастирующими полюсами “имя собственное” (в функции референциальной, индивидуализирующей объект) — “имя нарицательное” (в функции семантической, прописывающей объекту определенные черты) функционируют многочисленные промежуточные категории, то есть выражения, которые совмещают референциальную функцию с функцией семантической» [Бартминьский 2005, 9].

Отметим также, что коннотации омонимичных имен собственных и нарицательных не совпадают. Например, испанские личные имена *Rosa* и *Azucena* не имеет коннотаций, связанных, соответственно, с любовью и смертью, в то время как цветы *rosa* «роза» и *azucena* «лилия» в народном сознании предстают как символы любви и смерти. Аналогично личное имя *Дуня* в ситуации общения с конкретным лицом не имеет значения «некультурная, малообразованная женщина, простушка — дуня, дунька с водокачки»: «В реальной коммуникативной ситуации, где участвует конкретный носитель имени, коннотации, как правило забываются и не влияют на познание свойств объекта» [Березович 2005, 10].

Личные имена имеют в национальном пространстве устойчивые ассоциации и «эталонных» носителей. Так, по данным психолингвистического эксперимента, проведенного Е.Н. Колодкиной и Т.В. Сунцовой, имя *Святослав*, с одной стороны, идентифицируется участниками эксперимента (студентами Вятского педагогического университета) через слово *князь* или произведение, где этот князь упоминается («Слово о полку Игореве»), с другой стороны, через фамилию *Рихтер*; имя *Татьяна* ассоции-

руется с именами *Евгений Онегин*, *Пушкин*, *Ларина*, также со святой *Татьяной* — *Татьянин день*; имя *Александр* — с *Македонским* или *Пушкиным* [Колодкина, Сунцова 2000, 49–50; см. также: Ковалев 2002, 229].

Антропонимы, с одной стороны, будучи существительными, обладают целым рядом его грамматических свойств, но проявляются они весьма своеобразно. Рассмотрим отношение антропонимов к основным категориям имени существительного — рода и числа.

Во-первых, категория рода в сфере личных имен имеет иную природу по сравнению с именами нарицательными: «Имя лица — это имя, в котором категория рода в индоевропейских языках имеет лексико-грамматическое значение, т.е. указывает на реальное различие мужского или женского пола. Имя вещи — это имя, в котором категория рода имеет грамматическое значение, т.е. указывает лишь согласовательный класс слов в языке», — справедливо считает Ю.С. Степанов [Степанов 1972, 107]; более того, он предполагает в синхронном плане «первичность рода и родовых противопоставлений в именах лиц и вторичность по отношению к ним родовых противопоставлений в именах вещей» [там же].

Во-вторых, итальянские и испанские личные имена четко дифференцированы по линии рода и, в отличие от большинства нарицательных имен, регулярно образуют родовые пары: *Mario / Maria*, *Giovanni / Giovanna*, *Paolo / Paola*, *Pietro / Pietra*, *Luigi / Luigia* (*Luigina*), *Giuseppe / Giuseppa* (*Giuseppina*) (ит.); *Mario / Марна*, *Juan / Juana*, *Pablo / Paula*, *Pedro / Petra*, *José / Josefa* (исп.). В итальянском языке это явление более устойчивое и последовательное, чем в испанском, хотя в испанском языке Латинской Америки встречаются родовые пары типа *Eva / Evo* (ср. имя теперешнего президента Колумбии: *Evo Morales*), исключительно редкие в Италии.

Что касается современного русского именника, родовые пары имен — явление, которое нельзя признать регулярным: Александр / Александра, Валентин / Валентина, Валерий / Валерия. Подробнее проблема родовых пар будет рассмотрена ниже, здесь же хотелось бы привлечь внимание к нейтрализации рода у дериватов, образованных от подобных имен: *Саша, Шура, Валя, Валька, Валерочка* с равным правом могут относиться как к мужчине, так и к женщине; в зависимости от соотношенности с родом меняются их синтаксические свойства (*Саша пришел, Саша пришла*). В этом отношении данные формы напоминают местоимения первого и второго лица *я, ты*.

Отметим, что имеются итальянские и испанские имена, общие для мужчин и женщин; они не принадлежат к частотным именам и проявляют тенденцию к использованию в качестве женских имен. Это, например, *Trinita, Tripoli* (ит.), *Cruz, Trinidad* (исп.). В рассказе М. Делибеса *La mortaja* описана ситуация, когда ребенок переживал из-за того, что его отца зовут *Trinidad*:

«...Hubo un tiempo en que al nico le descorozanaba que sus amigos le dijeran de su padre que tena nombre de mujer; le humillaba que dijeran eso de su padre, tan fornido y poderoso. Acos antes... el Senderines le pregunty si *Trinidad* era, en efecto, nombre de mujer. Su padre habna respondido:

— Las cosas son segun las tomes. *Trinidad* son tres dioses y no diosas, ¿comprendes? De todos modos mis amigos me llaman *Trino* para evitar confusiones».

Что касается итальянских и испанских фамилий, то категория рода у них нейтрализована: одна и та же фамилия (*Rossi* (ит.), *Garcia* (исп.)) может принадлежать как мужчине, так и женщине (в то время как нарицательные имена, как правило, всегда относятся либо к мужскому, либо к женскому роду). Ср.: *Mario Rossi / Maria Rossi,*

Juan Garcia / Juana Garcia. Тем не менее, изолированные фамилии могут дифференцировать пол, при этом фамилия мужчины в итальянском языке остается без дополнительных показателей, в то время как фамилия женщины сопровождается определенным артиклем: *Rossi / la Rossi, Moravia e la Morante, Sciascia e la Conti*. В сфере нарицательных имен подобной корреляции для выражения родовых различий — нулевой артикль в мужском роде и определенный в женском — не наблюдается. Избирательное отношение к артиклю проявляют и личные имена: в литературном итальянском языке артикль может сопровождать лишь женские имена (в диалектах картина иная): *la Maria, la Nella*, при этом возникает оттенок близости, доверия [Renzi, 393–394].

В испанском языке при фамилии — в ситуациях дифференциации пола ее носителя — могут использоваться артикли мужского и женского рода: — *Que venga Gonzblez — ¡La Gonzblez o el Gonzblez?*

В отличие от итальянских и испанских фамилий, большая часть русских фамилий изменяется по родам (*Иванов / Иванова, Ильин / Ильина*). Фамилии, не образующие пар по линии рода, имеют двойное отношение к этой категории: одни из них нейтрализованы в этом отношении (*Хитрово, Дурново, Шульга*), другие (*Бондарь, Супрун*) реализуют эту категорию в парадигме склонения: поговорил с *Иваном Бондарем* и с *Еленой Бондарь*, то есть мужские фамилии такого типа склоняются, женские — остаются неизменными. Интересен также тот факт, что русские и нерусские мужские фамилии на *-ин* имеют разные окончания в форме творительного падежа, соответственно, *-ым, -ом*: *Пушкиным, но Чаплином*.

Кроме того, мужские фамилии на *-ов* склоняются в ед. ч. как существительные (за исключением творительного падежа, где используется флексия прилагательного: *Иванов, Иванова, Иванову, Иванова, Ивановым, об Ива-*

нове), а женские — как прилагательные (за исключением именительного и винительного падежей, имеющих форму существительного: Иванова, Ивановой, Иванову, Ивановой, Ивановой, об Ивановой). Во множественном числе мужские и женские фамилии склоняются одинаково, принимая в им. падеже форму существительного, а в остальных — прилагательного. Таким образом, во-первых, два слова, образующие соотносительную пару по линии рода, обнаруживают в парадигматическом отношении различную категориальную принадлежность, во-вторых, элементы другой категориальной принадлежности содержатся и в пределах форм изменения фамилий как в единственном, так и множественном числе. Итак, своеобразная реализация категории рода русских фамилий тоже очевидна. Подробнее об особенностях склонения русских фамилий см.: [Калакуцкая 1984].

Отметим также, что в разговорной речи сочетание имени и отчества часто образует унитарный оним, в котором склоняется только отчество (обычно в краткой, так называемой аллегровой форме): Ты говорил с Иван Петровичем?, Ты заходил к Любови Ивановне?, Ты предупредил Владимира Юрьича? (вместо нормативного: Ты говорил с Иваном Петровичем?, Ты заходил к Любове Ивановне?, Ты предупредил Владимира Юрьевича?).

Не менее своеобразно реализуется и категория числа фамилий. Если множественное число нарицательных имен (столы, учителя) обозначает неопределенное множество, то множественное число фамилий, как правило, обозначает ограниченное множество: «Ивановы» — это либо все члены семьи, либо муж и жена (но не неопределенное множество Ивановых). Кроме того, итальянские фамилии — в отличие от русских — во множественном числе различаются по роду. В результате, I Santini может означать: 1) все члены семьи, 2) муж и жена, 3) мужчины этой семьи, а le Santini — только женщины. Форма мно-

жественного числа фамилии как в русском, так и в итальянском языках может переводить имя собственное в имя нарицательное по линии метафоры с негативным оттенком: реформы *гайдаров* и *черномырдиных*; *la politica degli Andreotti e dei Forlani*.

Особое отношение у антропонимов и к категории артикля. Выше уже говорилось, что при помощи артикля выражаются — весьма своеобразно — родовые различия антропонимов.

Артикль при имени может быть также знаком особой ситуации. Например, ситуацию, которая обозначена итальянским высказыванием *Questo è il Gianni della signora Maria*, следует понимать так: имеется два человека по имени Gianni, один из них — сын синьоры Марии, то есть артикль маркирует ситуацию противопоставления. На русский язык это высказывание следовало бы перевести с использованием противопоставительного союза «а»: А это Джанни синьоры Марии; поэтому нельзя согласиться с Л. Ренци в том, что здесь имеет место переход имени собственного в нарицательное [Renzi, 391]. Возможно и другое — региональное — прочтение данного высказывания: в северных диалектах, где артиклевая форма мужского имени вполне обычна, артикль при имени не является сигналом речевого акта противопоставления.

Если итальянское имя сочетается с термином родства в единственном числе, то артикль факультативен: *la nonna Elena* — *nonna Elena*; *lo zio Luigi* — *zio Luigi*. Аналогично в сочетаниях со словами *papa* и *re*: *il papa Giovanni XXIII* — *papa Giovanni XXIII*; *il re Vittorio Emanuele* — *re Vittorio Emanuele*. Со словом же *regina* артикль обязателен: *la regina Elena*. Артикль никогда не используется в сочетаниях *don Luigi*, *donna Rosa*, *Sant' Alessio*, *frate Giovanni*, *suor Antonia*, *sorella Antonia*, *maestro / mastro Andrea* (центр и юг Италии.)

В итальянском и испанском языках антропоним может сочетаться также с неопределенным артиклем, который выступает как специализированное средство транспозиции антропонима в нарицательное существительное по линии метонимии (un Raffaello — un quadro di Raffaello, un Michelangelo — una scultura di Michelangelo, un Luigi XVI — un mobile in stile Luigi XVI, un Modigliani — un quadro di Modigliani, un Manzù — una scultura di Manzù; un Goya — un cuadro de Goya, un Picasso — un cuadro de Picasso) или метафоры (questo ragazzo й un novello Picasso — этот парень второй Пикассо; es un Menéndez Pidal de la lengua — этот человек разбирается в языке как Менендес Пидаль).

Как в романских, так и в русском языке имена собственные, в отличие от имен нарицательных, обладают ограниченной сочетаемостью с прилагательными. В частности, «имена собственные в силу своей референциальной природы не допускают после себя адъективных синтагм» [Nespor, 430]. Исключения составляют два случая. Во-первых, когда имеется необходимость уточнения идентификации человека при наличии нескольких лиц с одинаковым именем: Di che Paolo stai parlando? Paolo piccolo o Paolo grande? О каком Павле ты говоришь? О Павле маленьком или Павле большом? Во-вторых, когда речь идет о постпозитивных эпитетах-прозвищах, которые присоединяются к существительному при помощи артикля: Michele il Bravo, Pepino il Breve, Alessandro il Grande (ит.) [Renzi, 398], Alfonso el Sabio, Juana la Loca (исп.). Ср. также в русском языке: Иван Грозный, Петр Первый, Екатерина Великая. Как видим, в русском языке, где стандартной позицией прилагательного по отношению к существительному является препозиция, в рассматриваемых ситуациях наблюдается постпозиция прилагательного, маркирующая, как и интеркалированный артикль, особую разновидность атрибутивных отноше-

ний, возникающую между именем собственным и его детерминативом.

Препозитивные прилагательные сопровождаются артиклем: Ho incontrato la simpatica Chiara; Lo stupido Antonio non put averlo fatto. В русском языке в таких случаях перед прилагательным тоже бывает необходим дополнительный детерминатив (например, притяжательное или указательное местоимение): Я встретил *нашу* симпатичную Машу, *Этот* глупый Иван ничего не делает.

Имена сочетаются с местоимением questo (реже quello): Che intelligente, questo Mario! Che stupida, questa Maria! В таких сочетаниях «местоимение не выполняет своей дейктической функции, так как референт четко определен, напротив, его функция заключается в том, чтобы сфокусировать внимание на референте, о котором эмфатически высказано положительное или отрицательное мнение» [Calabrese, 628]. На наш взгляд, дейктическая функция местоимения здесь утрачивается потому, что оно становится структурно необходимым, как и в русском языке: Какой умный этот Иван!, Какая глупая эта Мария!

Отметим также деривативные особенности антропонимов, отличающие их от остальных существительных. Наричательные имена довольно редко образуют краткие формы (типа «спец» < специалист, «фак» < факультет); между тем в системе личных имен, особенно русских, это скорее правило; при этом краткие формы часто образуются от супплетивных основ: Владимир > Володя, Вова, Влад; Александр > Саша, Саня, Шура; Георгий > Гоша, Жора. Именно от этих форм обычно образуются диминутивы, пейоротивы и пр.: Володенька, Володька, Вовка, Вован, Вовик; Сашок, Санек, Сашка, Шурик. В сфере антропонимической деривации используются суффиксы, не встречающиеся (или редко встречающиеся) в сфере апеллятивной лексики: Витася, Витюня, Маруся, Ольгу-

та, Анюта, Антоша, Танюха, Варюха и др. Кроме того, суффиксы мужского рода могут образовывать дериваты женских имен: Светик, Людок.

Обратим внимание также на то, что в принципе все деривативы личного имени могут относиться к одному и тому же денотату (в случаях общения с разными коммуникантами, в разных ситуациях общения, в разные периоды жизни человека), в то время как в сфере аппелятивной лексики разные дериваты соотносятся с разными денотатами: *ветерок* — слабый ветер, *ветрище* — сильный ветер.

Поражает разнообразие деривативных образований эмотивного плана, которых у русских антропонимов гораздо больше, чем у аппелятивных имен. Так, у имени *Александр* — 126 дериватов, а у имени *Татьяна* — 72 [Тихонов, Бояринова, Рыжкова 1995, 30, 630].

Итальянские краткие имена могут использоваться как официальные имена; одни из них восходят сразу к нескольким онимам: Aldo < Rinaldo, Romualdo, Capaldo, Ubaldo; Rina < Caterina, Marina, Onorina; другие — образовались от диминутивов: Gino/Gina < Luigino/Luigina, Angelino/Angelina; Dino/Dina < Armandino/Armandina, Bernardino/Bernardina (см. также ниже).

Совокупность всех форм антропонима — полный антропоним и его компоненты, то есть имя, фамилия, отчество (в русском языке), гипокористические и уменьшительные образования — образует функциональную парадигму, то есть один и тот же человек в разных ситуациях может быть назван с использованием одной из указанных форм: *Владимир Петрович Иванов / Иванов Владимир Петрович / Владимир / Володя / Вова / Владимир Петрович / Петрович / Иванов / Вовка и т.д.; Francesco Giuliani / Giuliani Francesco / Francesco / Giuliani / Franco / Fra / Cesco, ecc.; Juan Carlos Garcia Soto / Juan / Juanito / Juan Carlos / Juanco / Juan Garcia / Juan Carlos Garcia /*

Soto, etc. Перечисленные способы именования одного и того же денотата являются своеобразными ситуативными синонимами; в сфере нарицательных существительных подобных отношений нет. Полный русский антропоним в последовательности «*имя — отчество — фамилия*» можно признать инвариантом, исходным стандартным именованием русского человека, выполняющим ad hoc функцию нейтрального, хотя и редко встречающегося в повседневной практике именования; остальные формы — социально-ситуативные варианты антропонима (поскольку обычно именование человека происходит с использованием лишь отдельных компонентов полной антропонимической модели или сочетаний ее компонентов).

Отметим еще одну особенность антропонимов. Фонетическая эволюция антропонимов отличается от эволюции имен нарицательных. Например, фонетически латинское личное имя *Lupus* развивалось в испанском языке не так, как нарицательное существительное *lupus* «волк»: *Lupus* > *Lope*; *lupus* > *lobo*. Как видим, лишь эволюция нарицательного имени соответствует регулярным фонетическим законам. Ср. также: *Petrus* и *Pedro, piedra*.

Наконец, имена и фамилии становятся «невещественной памятью» этноса, когда исчезли его основополагающие характеристики — язык, расовые признаки, как в случае потомков русских поселенцев на Аляске, где в деревнях, «расположенных вдоль побережья, (...) русские имена и фамилии вполне обычны: Ефим Кожевников, Матвей Степанов, Герасим Дементьев, Елизавета Данилова... По облику все они алеуты и эскимосы, но с примесью русской крови. Россияне, прибывшие сюда, брали в жены аборигенок» (В.Песков. Аляска больше, чем вы думаете // «Роман-газета», 2003, № 17)... Важную роль в сохранении русского именика на Аляске играет православная церковь.

Итак, как с точки зрения функциональной и исторической, так и семасиологической и грамматической антропонимы предстают как совершенно особый класс слов: «В ряде языковых ситуаций поведение собственных имен настолько отлично от соответствующего поведения других языковых категорий, что это невольно наталкивает на мысль о том, что перед нами инкорпорированный в толщу естественного языка некоторый другой, иначе усвоенный язык» [Лотман, Успенский, 292].

Имена собственные не только имеют глубокую национально-культурную специфику, но и связаны с восприятием мира и определенным образом отражают его познание. Имя собственное, на наш взгляд, как и другие языковые явления, позволяет открыть «доступ к ненаблюдаемому когнитивному миру человека, структурам его сознания» [Кубрякова, 7; о когнитивной парадигме в языкознании см. также: Демьянков, 19–20; Берестнев, 47–48], а также прояснить осмысление человеком своего места в социуме. Наконец, совершенно не изучены вопросы, связанные с участием антропонимов в формировании языковой картины мира и с отражением в антропонимических системах меняющейся картины мира в целом.

Более конкретно задачи изучения имен и фамилий с этих позиций можно сформулировать в виде следующих вопросов: Как человеку дается имя? Как функционирует его имя (фамилия) в течение его жизни, в разных социумах, какова прагматика различных форм имени? В каких случаях имя/фамилия сопровождается этикетными словами и какова прагматика подобных сочетаний? В каких случаях имя используется с артиклем? Каковы отношения антропонимов с лексической системой в целом? Какие национально-культурные особенности наблюдаются в функционировании имен известных людей, литературных и библейских персонажей? Чем объясняются разли-

чия в национально-культурных интерпретациях этих имен? Центром каких ассоциативных созвездий является то или иное имя/фамилия? Эти и многие другие вопросы являются предметом настоящих лекций.

Изучение антропонимики — в силу ее междисциплинарного характера — способно обогатить и другие гуманитарные науки: социологию, историю, демографию, правоведение, этнографию, культурологию. Более того, итальянский генетик А. Пьяцца, сравнив наследственную передачу фамилии с наследственными генетическими признаками, которые передаются из поколения в поколение, пришел к выводу о том, что, передаваясь по отцовской линии, итальянская фамилия ведет себя как генетический признак, контролируемый хромосомой *Y*, то есть половой хромосомой, которая, будучи соединенной с хромосомой *X* в ядре любой нашей клетки, отличает мужской пол от женского (у которого пара половых хромосом представлена в виде *XX*). Таким образом, как утверждает А. Пьяцца, законы, которые регулируют распределение итальянских фамилий, должны быть идентичными тем, которые регулируют распределение генов, находящихся в составе хромосом *Y*. В частности, фамилии тоже подвержены действию закона «естественного отбора» — в случаях бесплодия, наличия в семье только дочерей и т.п. Наконец, заявляет А. Пьяцца, при исследовании миграционных процессов не нужно изучать под микроскопом образцы крови: достаточно сравнить число фамилий, существующих в данном регионе, с числом населяющих ее жителей [Piazza, La Stampa, 4, 11, 1987]. В.В.Покшишевский показал, что миграционные процессы можно изучать и на материале русских фамилий [Покшишевский 1965].

ЛЕКЦИИ III – IV

ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ ИТАЛЬЯНСКОЙ, ИСПАНСКОЙ И РУССКОЙ АНТРОПНИМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Как известно, в Древнем Риме полный антропоним свободных граждан состоял из трех компонентов: *praenomen*, *nomen*, *cognomen*. Эта система сформировалась в республиканскую эпоху. *Praenomen* — индивидуальное имя (ср. фр. *prénom*, ит. *prenome* — имя): *Marcus*, *Titus*, *Gaius*. Количество личных имен в классический период было настолько ограниченным (их было всего около 20), что на письме они передавались лишь начальной или начальными буквами: *A.* — *Aulus*, *Ap.* — *Appius*, *C.* — *Gaius*, *Cn.* — *Gnaeus*, *D.* — *Decimus*, *K.* — *Caeso*, *L.* — *Lucius*, *Mam.* — *Mamercus*, *M.* — *Marcus*, *M'*. — *Manius*, *N.* — *Numerius*, *P.* — *Publius*, *Q.* — *Quintus*, *Ser.* — *Servius*, *Sex.* — *Sextus*, *S. (Sp.)* — *Spurius*, *T.* — *Titus*, *Ti* — *Tiberius* [Dolz, 391]. К аббревиатуре *C.* восходит итальянское имя *Caio*, существующее наряду с менее распространенным *Gaio*. Имя выбиралось родителями и присваивалось ребенку на восьмой или девятый день жизни. Высокая частотность ряда личных имен способствовала утрате их дифференцирующей силы, что, на наш взгляд, вызывало потребность в дополнительных индивидуализаторах, например, указаний на имя отца или деда: *M.f.* (*Marci filius* — сын Марка), *M.n.* (*Marci nepos* — внук Марка).

Второй компонент полного римского антропонима — *nomen* (ит. *nome* — имя, исп. *nombre* — имя, фр. *nom* — фамилия). Это наследуемый индивидуализатор имени, разновидность фамилии, обозначающая принадлежность к клану (*gens*), которых насчитывалось около 300; наи-

более распространенные из них — *Aurelius*, *Claudius*, *Cornelius*, *Julius*, *Janius*, *Agrippinus*, *Messalinus*. Родовые имена играли особую роль в жизни римлян, поскольку именно они связывали граждан Рима с государством. По мнению Т. Моммзена, именно поэтому сенат состоял из 300 членов, конница из 300 всадников, а пехота из 3000 воинов [Моммзен 1993, 12–8].

Ограниченное количество *nomina* обусловило появление третьего компонента — *cognomen* — второй фамилии (ср. ит. *cognome* — фамилия), которая уточняла ветвь рода (клана). В роде Корнелиев такими фамилиями были *Cinna*, *Scipio*, *Sulla*, *Cossius*; в роде Юлиев — *Caesar*; в роде Клавдиев — *Neron*. Эти дополнительные фамилии произошли от прозвищ, которые маркировали особенности внешнего облика (*Cincinnatus* — кудрявый, *Barbatus* — бородатый), характера (*Lepidus* — шутник), происхождения (*Coriolanus* — из Кориол, *Sabinus* — сабинянин); со временем они стали передаваться по наследству, как и *nomina*. Официальное признание как часть полного имени *cognomen* получил лишь во времена Суллы (138–78 до н.э.). Вот примеры полного римского антропонима: *Marcus Tullius Cicero*, *Publius Virgilius Maro*, *Lucius Calpurnius Piso*, *Marcus Portius Cato*.

Кроме того, был возможен и четвертый компонент имени — *agnomen* — разновидность прозвища, которое присваивалось его носителю за заслуги или в связи с какими-либо событиями в его жизни, как в случае Сципионов (*Africanus*, *Asiaticus*, *Hispanicus*): *Publius Cornelius Scipio Africanus*. *Agnomen* убийцы Гая Юлия Цезаря был *Brutus* (*Brutus*): *Marcus Junius Brutus* [Суперанская 1990, 89–90]. *Agnomen* всех римских императоров, начиная с Гая Юлия Цезаря — *Augustus*.

В официальном языке имена использовались в следующем порядке: *praenomen*, *nomen*, *praenomen* отца или патрона и *cognomen*: *M. Tullius M.F. (Marci filius) Cicero*;

M. Tullius, M.L. (libertus — вольноотпущенник) Tiro. Таким образом, в официальном языке присутствовал еще один компонент — имя отца или имя хозяина. Наличие упомянутого компонента увеличивало дифференцирующую силу полного римского антропонима.

Раб имел только *praenomen* — имя, состоявшее из имени хозяина в родительном падеже и слова *puer* (*Lucipuer* — раб Луция, *Marcipuer* — раб Марка). С увеличением числа рабов получили распространение наименования по месту их происхождения: *Afer*, *Syrius*, *Sarradox* и др. Хозяин мог по прихоти давать рабу любое имя: *Mithridates*, *Castor*. К этим именам добавлялось имя господина в родительном падеже со словом *servus* или без него: *Primus Sullae (servus)* [Санчурский, 186]. Раб, получивший свободу, ставил перед именем, которое имел в рабстве, *praenomen* и *nomina* хозяина, как в случае двух бывших рабов Цицерона: *Marcus Tullius Tiro* и *Marcus Tullius Laurea*.

Римские женщины обычно имели только *praenomen*, представлявший собой форму женского рода от *nomina* (*Cornelia*, *Tullia*, *Claudia*, *Valeria*); в конце республиканского периода и во времена империи могли добавить к нему и *cognomen* (в женском роде): *Julia Agrippina*, *Valeria Messalina*, *Iunia Torquata*. Для более точного именованья к этой формуле или просто к имени у незамужней женщины прибавлялось имя отца, а у замужней — имя мужа в родительном падеже: *Caecilia Metelli f.*, *Caecilia Q. Cretici f.*, *Metella Crassi (sc. uxor)*, *Valeria Messalina Aurelii* [Санчурский, 185–186]. Если в семье было более одной дочери, то для их различия прибавлялись слова *Maior*, *Minor*, *Prima*, *Secunda*, *Tertia*. Имелись и уменьшительные формы: *Tulliola* [Санчурский, 185–186].

Приемные дети принимали три имени усыновителя, к которым добавлялся *cognomen* (с суффиксом *-anus*) рода, из которого происходил усыновляемый: *C. Iulius Caesar*

Octavianus — сын Октавия, усыновленный Гаем Юлием Цезарем.

Римляне имели право менять свое имя: *Regum enim vocabula immutabilia sunt, hominem mutabilia* «Только имена царей неизменны, а людей — меняются», — гласит известное латинское изречение. Ограничения в использовании этого права касались лишь изменений имени в целях обмана (присвоения имущества, почестей и т.п.). Особенно часто менялся *cognomen* на *cognomen* матери или лица, от которого ожидалось получение наследства.

В эпоху раннего христианства жители Аппенинского полуострова, принимая новую веру, сохраняли свои языческие имена. Постепенно формировался репертуар христианских имен, взятых их Ветхого (*Daniele*, *Michele*, *Geremia*) и Нового Заветов (*Petrus*, *Paulus*, *Johannes*, *Andreas*, *Maria*), к ним присоединились имена христианских мучеников: *Stephanus*, *Laurentius*, *Agnes*, *Perpetua*, *Cyprianus* и др. Такие имена добавлялись к остальным компонентам имени в качестве четвертого компонента — *agnomen*. Со временем этот компонент становится наиболее важным и, наконец, единственным. Это произошло в V веке новой эры [Dizionario ecclesiastico 1955, II, 1153].

Использование одного имени в общественной жизни создавало неудобства, и такая ситуация не могла продолжаться долго. Тем более, что на Аппенинском полуострове к XI веку христианская ономастика переживала глубокий кризис: мода способствовала распространению нескольких имен (*Johannes*, *Petrus*, *Paulus* и некоторых других), вытеснивших большую часть именника, в котором в VIII — XI вв. преобладающим был германский компонент [Lessico universale italiano 1975, XV, 361]. Единственным дифференцирующим элементом долгое время было отчество (патроним) — имя отца, присоединяемое в родительном падеже или при помощи предлога

de: Iohannes Petri, Iohannes de Pietro. Из патронимов и образуются первые фамилии в современном смысле слова; это происходит уже в IX веке.

Первые фамилии появились в Венеции; это не было случайностью; именно Венеция первой вступила на путь самоуправления, став коммуной (городом-государством). Фамилия возникла на том этапе развития общества, когда индивид и общество одинаково испытывали в ней потребность: индивид благодаря фамилии, обеспечивающей его четкую идентификацию в обществе, непосредственно включается в государственные структуры, а государству, в свою очередь, легче осуществлять контроль над своими гражданами, если они имеют фамилии. «Знаменосцами» в использовании и насаждении фамилий были нотариусы, служащие судебных органов и чиновники. Фамилии появляются вначале у знати, а затем у горожан и крестьян [Tartamella, 44–45]. В процессе «кристаллизации» фамилий важная роль принадлежит католической церкви: Тридентский собор 1563 года санкционировал обязательность регистрации при крещении ребенка не только его имени, но и фамилии. Этот обычай окончательно закрепил использование фамилии. Фамилия становится практическим инструментом запрещения кровосмесительных браков [Tartamella, 51]. Подробнее процесс формирования итальянских фамилий будет рассмотрен в отдельном очерке.

Снова обратимся к именам. Имя итальянца может быть простым и сложным, то есть состоять из нескольких имен. Обычай давать сложные имена возник в Испании и последовал, на мой взгляд, две цели: прагматическую (дифференцировать частотное личное имя) и религиозную — предоставить его носителю более одного святого покровителя. Церковь благосклонно относилась к этому обычаю. В настоящее время сложные имена даются все реже. Как правило, в обычной жизни носитель такого имени

использует первое. Именно первое имя фигурирует в различного рода списках; например, вместо полного имени Alessandro Libero Rossi, которое зафиксировано в удостоверении личности, в списке студентов, записавшихся на экзамен, может значиться лишь Alessandro Rossi; в студенческой среде его называют Alessandro, а дома — Libero. Часто только первое имя используется в электронных документах, где недостаточно места для двух имен.

Разновидностью сложных имен следует считать слитные двойные имена, одно из которых выступает в усеченной форме: Gianluca, Giancarlo, Marirosa, Maristella и др.

В Италии изменение имени и фамилии может быть разрешено лишь декретом главы правительства. Изменение имени в Италии было запрещено еще в 1555 году Энрико II. Этот запрет не касается пап: папы обычно меняют имя, данное им при крещении. Данный обычай восходит к X веку. Первый папа, поменявший имя — Ottoviano dei Conti di Tuscolo; будучи избранным папой в 955 году, он захотел называться Giovanni XII. С тех пор лишь немногие папы не меняли своего имени: Adriano VI — 1522 г., Marcello II — 1955 г. Чаще всего папа выбирает себе имя в честь какого-либо святого, особо им почитаемого, либо в честь папы, который в свое время назначил его кардиналом [Dizionario ecclesiastico 1955, 11, 1153].

Имя, как известно, служит, в первую очередь, для обозначения человека в семье. Исключение составляют имена коронованных особ (Vittorio Emanuele). В Италии, в отличие от Испании, не принято называть только по имени популярных певцов, артистов, спортсменов; только по имени известны немногие артисты, например, Totò, Mina, Romina. Вне семьи главным дифференцирующим компонентом является фамилия. Фамилия отца передается

ребенку *ipso iure* в момент рождения. Что же касается имени, в итальянском законодательстве предусмотрена свобода выбора имени. При этом кажется удивительным тот факт, что в Италии — центре католического мира, где начиная с XII — XIII вв. было принято нарекать ребенка при крещении именем какого-либо святого [Dizionario ecclesiastico 1955, II, 1153. По другим источникам наречение ребенка именем святого становится обязательным в XVI в.: Benvenuti 1990, VI], было и в значительной степени остается возможным использование в качестве личного имени самых разнообразных образований.

Так, в качестве официальных имен широко используются гипокористические формы: Reno — Rena, Renzo — Renza, Gianni — Gianna, Gino — Gina, Sandro — Sandra и др. Святых с такими именами нет, хотя для некоторых форм (Gianni) можно восстановить исходное имя и соответствующего святого (Giovanni); для других же форм это сделать трудно, так как Reno может восходить как к Loreno, так и к Moreno, Nazzareno; Aldo — к Cataldo, Rinaldo, Ubaldo. Очень распространенное имя Gino может быть производным от диминутивных форм на -ino: Luigino, Biagino, Giorgino, а также Angelino, Giovannino.

Более того, словарь личных итальянских имен Э. Де Феличе [De Felice 1992, 1997], составленный на основе телефонных справочников всей Италии, фиксирует как принятые в итальянском социуме имена, изобретенные авторами литературных и музыкальных произведений: Desdemona, Otello, Jago, Aramis, Aida, Radomes и др. Использовались в качестве личных имен и фамилии героев Рисорджименто: Garibaldi (женский вариант Garibaldina), Menotti, Ricciotti, а также фамилии известных революционеров, политических деятелей, ученых: Marat, Robespierre, Lenin, Stalin, Marx, Engels, Lincoln, Washington, Darwin. Так, в начале восьмидесятых годов

имена Lenin, Lenino (итальянизированный мужской вариант), Lenina (женский вариант) носили, соответственно, 50, 25 и 150 итальянских граждан; Stalin, Stalino — 5 и 20; Marx, Marxina — 25 и 40; Lincoln — 100; Darwin, Darvino, Darvina — 50, 50 и 50 [De Felice 1997].

В качестве личных имен могли выступать также топонимы, что связано с теми или иными историческими событиями или фактами. Например, имя Varna (мужской вариант Varno) присваивалось ребенку в честь болгарского порта Варна, где дислоцировался флот союзников (Франции, Англии и Королевства Сардинии), сражавшихся против России во время Крымской войны 1853 — 1854 гг. Эти имена в начале восьмидесятых годов имели 550 итальянцев. Имя Odessa, напротив, символизировало солидарность с восставшими в начале века жителями этого города (200 итальянок). Ряд имен, восходящих к топонимам и гидронимам, связан с Рисорджименто: Nizza (родина Гарибальди), Voltumo (река, где состоялось решающая для Гарибальди битва).

Наконец, личными именами могут быть и, так сказать, слова с символическим значением: Liberta, Avanti, Comunardo, Germinal и др.

Подробнее типология итальянских личных имен будет рассмотрена ниже. Сейчас же мы хотим лишь подчеркнуть сам факт существования и функционирования указанных единиц в качестве официальных, законных имен. Тем более любопытно, что большинство имен подобного типа имеют «свой день» в католическом календаре. Так, итальянцы, носящие имена Otello, Desdemona, Jago, отмечают свои именины, соответственно, 25, 26, 27 ноября. См. статьи, посвященные данным именам, в: [Tagliavini 1972]. Иногда день в католическом календаре назначается тому или иному светскому имени «по созвучию». Например, именины Амалий отмечаются 12 декабря. Святой с таким именем нет, но есть две святые муче-

ницы по имени *Ammonagia*, которые поминаются именно в этот день.

Интересна в этом смысле история имени *Napoleone*, получившего распространение в Италии благодаря императору Наполеону Бонапарту. В 1981 году это имя носили 2900 итальянцев. Святого с таким именем не существует. Тем не менее, в католическом календаре имя Наполеон отмечается дважды: 15 августа и 27 июля. Дело в том, что когда Наполеон находился у власти, его окружение стремилось найти святого покровителя императору с таким странным именем, до той поры не известным во Франции. Был обнаружен мученик *Neopolus* из Александрии, поминаемый 2 мая, но чествование названного святого было перенесено на 15 августа — день рождения Наполеона. И хотя официально церковь никогда не признавала данный перенос, календари рекомендуют почитать святого Неопула именно в этот день. Был обнаружен и другой святой, имя которого созвучно имени Наполеон — блаженный *Nevelone*, поминаемый 27 июля. Его имя существовало в нескольких вариантах: *Nepolone*, *Nepoleone*. По мнению К.Тальявини, имя *Napoleone* произошло именно от последнего варианта путем выравнивания в *Napoleone* под воздействием народной этимологии — созвучию с *Napoli* (Неаполь) [Tagliavini 1972, 11, 249].

Нет в Римской Мартирологии и святой по имени *Laura*, но есть *San Lauro*, чествуемый 9 октября; в этот день отмечают именины все представительницы женского пола по имени Лаура. Имя *Laura* — женский вариант имени *Lauro* (лавр) — стало популярным благодаря Петрарке. Петрарка не только «играет» словами *Laura* и *l'aura* (дуновение), но и часто «приближает» Лауру к лавру (*lauro*) [Tagliavini 1972, 11, 356].

В большинстве же случаев причина «назначения» того или иного дня для чествования некоторых имен совер-

шенно не ясна. Так, 1 апреля — именины Аиды; библейское имя *Noemi*, которого нет в Римской Мартирологии, отмечается 14 или 15 декабря; мифологическое имя *Diana* — 10 июня; мужское имя *Plinio*, восходящее к латинской родовой фамилии (*nomen*) — 23 ноября.

Итак, в Италии, несмотря на сильное влияние католической церкви, существовала значительная свобода в наречении детей светскими именами, особенно в XIX и XX вв. В этом коренное отличие от Испании, где проявлялась жесткая регламентация в данной сфере.

Тем не менее, в современном итальянском законодательстве зафиксирован ряд ограничений, касающихся именования ребенка. Так, новорожденному нельзя присвоить имя живых родителей, а также живых братьев и сестер. Нельзя в качестве имени использовать фамилию и географическое название, хотя, как указывалось выше, этот обычай использовался довольно широко в период между эпохой Рисорджименто и Второй мировой войной: в начале восьмидесятых годов в Италии проживало свыше 500 итальянцев по имени *Garibaldi*, 1 700 — *Menotti*, 1 000 — *Ricciotti* [De Felice 1997]. Не разрешается давать детям имена неприличные, а также оскорбляющие религиозные и национальные чувства [Novissimo digesto italiano 1965, XI, 302–303].

Женщина, выходя замуж, не меняет своей фамилии и пользуется фамилией мужа как дополнительной в прагматических целях: использование фамилии мужа подчеркивает ее семейное положение или принадлежность к какому-либо клану. Фамилия мужа, как указывалось, вносится в удостоверение личности с предлогом *in*: *Maria Colacchi in Napoletano*; в других документах наличие фамилии мужа не обязательно. После замужества на работе женщина продолжает пользоваться своей прежней фамилией, но для соседей и для друзей мужа — она *La Napoletano*.

К фамилии усыновленного ребенка добавляется фамилия усыновителя: Alessandro Rossi Napoletano. Детям, родители которых неизвестны, давались фамилии типа Esposito, Casadei, Innocenti, Trovato, Venturi, Proietti; это довольно распространенные фамилии. Достаточно сказать, что фамилия Esposito по распространенности занимает 6 место. С 1889 г. законодательством запрещено давать детям подобные фамилии.

Теперь обратимся к истории антропонимической ситуации в Испании. Коренные жители Иберийского полуострова имели только индивидуальные имена, иногда сопровождавшиеся именем отца. Римляне принесли на Иберийский полуостров свои традиции именования людей, которые «пали» с падением империи [Godoy Alcántara, 6]. Как и в Италии, наступает эпоха использования лишь одного имени. Церковь нарекала человека только одним именем при крещении и при принятии христианской веры. Принимая при крещении новое имя, неопит как бы «порывал с прошлым» [Dauzat, 31]. Такой обычай наречения людей только одним именем просуществовал до раннего средневековья. Впрочем, А. Доза считал, что фамилия в том или ином виде не прекращала своего существования, но играла ограниченную роль [Dauzat 1946, 32]. Как бы то ни было, начиная с IX века имя регулярно сопровождается индивидуализаторами. Причина их использования очевидна: стремление четко обозначить человека, поскольку ономастическая мода значительно сузила репертуар имен. «Повторяемость одних и тех же имен в одной и той же местности несомненно способствовала появлению дополнительных именовании, позволявших избежать путаницу» [Dnez Melcyn, 35]. Если в документах IX века такие индивидуализаторы появляются лишь в 6.8% случаев от общего числа использования антропонимов, то в X веке — в 27.6%, а в XI — в 57.8%

[Dnez Melcyn, 28 — 32]. Таким образом, в XI веке доминирующей моделью антропонима, используемой в документах, становится «имя + дополнительный индивидуализатор».

Типология дополнительных индивидуализаторов личного имени весьма сложна. Во-первых, индивидуализаторы — патронимы могли вводиться при помощи слов *cognomento*, *prolis*, *filius* (*filio*, *fijo*, *fi*): *Johannes cognomento* (прозвание) *Abavita*, *Baroncellus cognomento* *Alvinus*; *Stefanus prolis* (потомство) *Leo*, *Gelvira prolis* *Fredinandi*, *Unisco prolis* *Menendo*; *Aresindo filius* *Olemudi*, *Dicember filius* *de Abulfreri*, *Sandini filio* *Censoi*, *Juannes fijo* *de Peidro Diez*, *Joan fi* *de Joanes Alvaro*, *Sancho fijo* *de don Pedro* [Dnez Melcyn, 38–43]. Как видно из примеров, после слова *prolis* встречается как генитив, так и исходная форма, слово *filius* сочетается как с генитивом, так и с предлогом *de*, присоединяющим исходную форму. *Cognomento* и *prolis* выходят из употребления к началу XII века, в то время как *filius* используется до конца XIII века.

Патронимы присоединялись к личному имени также в форме генитива. «Патронимический» генитив встречается в документах X — XIII вв. [Dnez Melcyn, 43–68]: *Pelagius Froylae*, *Petro Froile*, *Maria Alfonsi*, *Rudericus Alvari*, *Fernando Aprilis*, *Juan Vincentis*. Окончание генитива *-i* переходило в *-e* (*Estevan Alexandre*, *Pere Guillerme*) или вообще усекалось: *Alfonso Fernand*, *Pere Bernalt*, *Garcia Zorraquin*. Несколько позже патроним стал присоединяться к имени при помощи предлога *de*: *Martin de Pietro*, *Gonzalo de Marcos*. Наконец, патронимы могли следовать за личным именем в исходной форме в виде приложения, часто согласованного по линии рода: *Peydro Gil*, *fijo de Gil Ferrandes*; *Ferrant Alfonso*, *fijo de Alfonso Galindez*; *Illana Martin*, *fija de Martin de la Nava*; *Petrus Analsus*; *Bellida Ximena*; *Pelagio Dominicus* [Dnez Melcyn,

87 — 90]. Модель фамилии-несогласованного приложения со временем становится ведущей. Иногда присоединяемый компонент не являлся именем отца: Johannes Martinus, filius Roderici Garsie [Dñez Melcyn, 88].

В эту же эпоху появляются патронимы, ставшие со временем наиболее яркой особенностью корпуса испанских фамилий. Речь идет о патронимах с формантами -az, -ez, -iz, -oz, -uz, происхождение которых не совсем ясно. Одна из наиболее распространенных теорий возводит их к усеченной форме генитива; хотя так можно объяснить Rodriguez < Roderici < Rodericus, Dnaz < Dziati < Didaci < Didacus, но не Gumez < Goma [Dñez Melcyn, 128 — 136]. Из указанных формантов наиболее устойчивым оказался -ez: Lypez, Píñez, Martínez, González; от остальных формантов в современном языке осталось немного следов (например Dnaz, Ortiz); как правило, эти суффиксы были вытеснены -ez, несмотря на то, что в X — XIII веках они имели довольно широкое распространение, особенно -iz: Periz, Rodriguiz, Alvariz, Martiniz, Gonzalíz, Alvaroz, Blascoz, Sanzuz [Dñez Melcyn, 213–222].

Любопытно то, что несколько позже на Руси получают распространение патронимические именованья на -ец: Яковец (сын Якова), Якимец (сын Якима), Рябец (сын Ряба) [Суперанская 1990, 85]. Данный формант также привносил отрицательно-уничижительный оттенок в имя, которое давалось часто не по отцу: Павел — Павелец (плохой Павел). В испанском языке суффикс -ez не имел дополнительных коннотаций [Gray, 163–166]

Кстати, в современном испанском языке тоже существует морфема с патронимическим значением -н, присоединяемая обычно к семейному имени (часто это имя первенца по мужской линии) [García Gallarín 1998]: Y al mismo Teufilo, por ser hijo del difunto Arsenio, le solemos llamar Arsenin; y de la misma manera, a тн, que me llamo

Telmo, me llaman Cayn, porque Cayo es uno de los nombres de mi padre (J.I.Ferreras, Laberinto I). A самого Теофиля, поскольку он сын покойного Арсенио, мы обычно называем Арсенин, а меня — мое имя Тельмо — называют Кайн, потому что Кайо — одно из имен моего отца.

Особое место в типологии формировавшейся фамилии занимают образования, восходящие к прозвищам, тоже появившиеся в X веке. Особенность таких индивидуализаторов в том, что они возникли не в лоне семьи, а являются результатом, так сказать, коллективного творчества. В первую очередь, прозвища отражали внешние данные индивида (Domingo Chico, Enneko Grande, Esidro Gordo, Rudericus Barba, Juan Amarello, Petro Moro, Juan Vocudo, Pelagio Calvo) или его моральные качества (Petro Alegro, Lope Alegna, Pedro Amargor, Michael Malo), особенности поведения (Pedro Salton, Domingo Corredor). Близки к ним прозвища-зоонимы: Martin Caniello, Johan Cordero, Juan Corva, Martin Porco. В качестве прозвищ-индивидуализаторов используются топонимы (Zabata, Toledo, Villalobos, de Palencia, de Villaria) и этнонимы (Castellano, Catalan, Gallego, Aleman, Sarrazin), а также наименования должностей (Capellanus, Abad), обозначения рода занятий (Campanero, Clerico, Monaco, Escudero, Guerrero, Camarero, Fabro, Pastor, Zapatero), титулы (Conde, Rey, Fidalgo) [Dñez Melcyn, 226–248]. Ряд прозвищ являются обозначениями предметов внешнего мира: Yvan Cebola, Pedro Espina, Garcia Botas, Pedro Manga. Имеются также прозвища, отражающие, по всей видимости, какие-либо события из жизни индивида или его характеристику, часто представленные сложными словами или фразами: Domingina Buenarina, Dominicus de mi vida, Lupus Faz que quieres, Pedro Tazaferro, Martin Paraiso [Dñez Melcyn, 263 — 282]. Прозвища могли присоединяться при помощи компонен-

тов *que uocant, dictus: Elderico que uocant Caluone, Pelagius Roderici dictus Taurus* [Dolz, 407].

Трудно сказать, стали ли вышеприведенные индивидуализаторы личного имени фамилиями, передающимися по наследству в каждом конкретном случае (все процитированные именованя подлинные, они извлечены из светских и религиозных документов IX–XIII веков), но факт остается фактом: большая часть моделей индивидуализатора личного имени (за исключением содержащих компоненты *cognomento, prolis, filius*) стали фамилиями и существуют по сей день, пройдя этапы фонетической и морфологической эволюции, а также несколько этапов эволюции функциональной: от необязательности наследования дополнительного индивидуализатора по линии отца до обязательного закрепления двух наследуемых фамилий — отца и матери.

Рассмотрим функциональную эволюцию фамилии подробнее. Традиция передачи части имени отца по наследству закрепляется лишь в позднее средневековье, но не всегда регулярно и без четких регламентаций. Например, живший в XV веке архитектор Juan de Herrera имел родителей, имена которых были Pedro Gutierrez de Maliaco и Magna Gutierrez de la Vega, деда же по отцовской линии звали Ruy Gutierrez de Maliaco de Herrera; именно часть имени последнего и использовал внук в качестве дополнительного индивидуализатора [Dolz, 408]. Только после Тридентского собора (1563 г.) при крещении ребенка стала обязательной регистрация фамилии отца. С Тридентским собором, однако, процесс формирования испанской фамилии не завершился, что объясняется развитием исконно испанской традиции использования двух фамилий.

Едва возникнув, дополнительный индивидуализатор имени — прообраз фамилии в современном смысле слова — очень быстро теряет свою дифференцирующую

силу. Это происходит из-за того, что подавляющая часть таких фамилий — патронимического происхождения, а поскольку в обращении было ограниченное количество повторяющихся имен, то и, соответственно, повторяемость фамилий тоже была высокой. «Во многих документах встречаются имена с одной и той же фамилией». Таким образом, та же самая причина, что вызвала потребность в первой фамилии, востребовала появление второй. В самом деле, в пределах одного документа, по свидетельству Г. Диеса Мелькона, можно встретить одинаковые имена, обозначающие разные лица, например, Nunnus Alvariz в *Cartulario di S. Pedro de Arlanza* или Nunno Alvarez в одном из документов аббатства Силос [Dhez Melcyn, 295]. Использование двух индивидуализаторов личного имени становится обычным явлением в XIII веке, хотя встречается и в более ранних документах.

Вторая фамилия на ранних этапах могла вводиться при помощи слова *filius*: Alvar Pedrez, *fi de Pedro Miguelez*, Johan Lopez, *fi de Lop el Alcande*. В дальнейшем в качестве второй фамилии используются те же модели, что и для первой: Juan Perez Ceri, Lop Sanchez Alexandre, Eita Gomiz Zorraquin, Juan Perez Anxo, Fernan Perez Ponz, Pero Perez Ferraz, Domingo Tabano de Mayorga, Garci Roiz Barba, Juan Perez Alegre, Dominico Johannes Amargo [Dhez Melcyn, 294–307].

Параллельно с формированием двойных фамилий происходит становление традиции двойного личного имени. В ряде случаев трудно сказать, чем является дополнительный индивидуализатор — именем или фамилией: Peydro Gil, Ferrant Alonso, Pertus Analsus, Domingo Tabano de Mayorga, Domenico Johannes Amargo (данные антропонимы приводились выше). Высказывается также мнение, что антропонимы с *cognomento* типа Leodegisis *cognomento* Iulianus, Celeri *diaconus cognomento*

Romanus, были двойными именами, а не сочетанием имени и фамилии [Dolz, 407].

По традиции римского права запрещалось менять фамилию на королевскую или благородную с корыстной целью. Крещеным арабам запрещалось принимать мусульманские имена и фамилии.

К XVI веку эта исконно испанская традиция двойной фамилии получает широкое распространение, хотя и без всякой регулярности и регламентации [Lucas Gil, 25]. В XVI и XVII века не все знаменитые испанцы имели две фамилии: отца и матери. Так, Josй Rivera в качестве второй фамилии присоединил прозвище El Espasoleto. Мигель Сервантес де Сааведра, известный в свое время как El Principe de los Ingenios y El Manco de Lepanto, был сыном дона Родриго де Сервантеса и доньи Леоноры Кортинас, то есть его фамилия должна была бы быть Cervantes Cortinas. De Saavedra, как явствует из статьи в Enciclopedia Universal Ilustrada Europea Americana [Madrid 1991], — прозвище (sobrenombre), которое отсутствует на обложке его первой книги La Galatea. Это прозвище — на мой взгляд, скорее своеобразный псевдоним — впервые используется в прошении, направленном Сервантесом папе Грегорию XIII и королю Филиппу II в октябре 1578 года. Фамилия Сааведра не была редкой в ту эпоху, но послужила просителю в качестве дополнительного отличия от других современников.

Еще один пример, иллюстрирующий неустановившуюся норму. Полное имя драматурга, известного нам как Lope de Vega — Lope Fйlix de Vega Carpio (два первых компонента — имена, два последующих — фамилии). Его родители были Fйlix de Vega Carpio и Francisca Fernбndez Flores; таким образом, фамилия драматурга должна была бы быть de Vega Fernбndez, но отсутствие четких правил наследования фамилии позволяло использование как одной, так и двух фамилий (в качестве вто-

рой использовалась либо вторая фамилия отца, либо фамилия матери).

В XVIII веке окончательно закрепляется норма давать ребенку первую фамилию отца и первую фамилию матери (именно в таком порядке). Отклонения от этого правила становятся редкими и вообще исчезают с введением в 1871 году Registro Civil (Гражданской Регистрации).

С появлением Гражданской Регистрации правила присвоения имен становятся постоянным объектом законодательного творчества. Так, по указу от 19 октября 1910 года ребенку разрешалось давать иностранное имя, но обязательно с переводом на испанский язык. По положению от 20 апреля 1911 года разрешалось давать имя, включенное в календарь любой религии, а также имена знаменитых людей, живших в различные эпохи; тем не менее запрещались имена, «обозначающие общие понятия» (conceptos generales), типа Emancipaciуn, Harmonна (Атмнна). По законодательным актам 1915 года запрещалось давать детям экстравагантные и не свойственные людям имена и превращать фамилии в имена [Bartell 1953, 11–15].

Во времена Второй республики многие из приведенных выше законодательных актов были отменены. Например, в положении от 14 мая 1932 года указывалось, что термины «экстравагантный», «не свойственный человеку», «общие понятия» расплывчаты и неясны; в результате имена типа Libertad, Democрасна получили право на существование. Было разрешено использовать в качестве имен названия цветов (Violeta), небесных тел (Sol, Luna). Тем не менее, запрещалось превращать в имена фамилии и псевдонимы.

Несмотря на почти полную свободу выбора имени, такого всплеска политического самовыражения при име-

нования детей, как в послереволюционной России, в Испании не было ни в эпоху Республики, ни после падения диктатуры. Ср. «одноразовые» имена, которые давались у нас в 20 — 30 годы: Мэлс, Лориэке, Ревнит, Вил, Маркс, Райтия, Ким, Рэм, Ген, Серп, Октябрь, Октябрина, Энгельс, Энгельсина, Коммуна, Коммунар и т. д. Из подобных имен дольше одного поколения просуществовали благодаря своему благозвучию, пожалуй, лишь Владлен и Владлен.

Во времена правления Франко снова было запрещено давать детям «абстрактные и тенденциозные имена», как и вообще любые, не содержащиеся в святцах (указы от 18 мая 1938 года, 9 февраля 1939 года). В этих документах подчеркивалось, что испанцы должны носить испанские имена. Лицам иностранного происхождения предписывалось делать перевод имени на испанский язык — перевод должен следовать за иностранным именем: Yuri (Jorge), John (Juan). Для некоторых иностранных имен делалось исключение, допускающее их использование без перевода, среди них Ivbn (с именинами на 24 июня) [Lucas Gil, 140]. Так зовут одного из героев романа М. Делибеса «Los Santos inocentes» — *secorito Ivbn*, человек, родившийся именно в эту эпоху.

Из региональных имен признавались лишь имена «испанского и адекватного звучания» (*expresión genuina y adecuada*): Arbnzazu, Iciar, Montserrat, Begoca [Barrell 1955, 11–20]. В этот период родители меняли региональные имена типа каталанского Ferrbn на Fernando, баскских Gaizka на Salvador, а Icaki, Icigo на Ignacio или придумывали «экзотическую богородицу» *Magna de Naidie*, чтобы сохранить имя *Naidie* [Albaigis Olivart, p.4].

Тогда же, помимо законодательных, существовали еще и негласные запреты на те или иные имена. Например, дать ребенку имя Sabino расценивалось как акт протес-

та: Sabino de Arana — баскский политический деятель, стоявший у истоков национального движения.

Наконец, сразу же после смерти Франко по законодательству 1977 года было разрешено давать ребенку имя на любом языке Испании, хотя и оставался запрет на имена экстравагантные, не свойственные человеку, непочтительные, вызывающие (*extravagantes, improprios de persona, irreverentes o subversivos*). На этом основании один мадридский судья отказался регистрировать имя Libertad. В результате в 1980 году появляется циркуляр, объясняющий, что «не могут считаться экстравагантными, не свойственными человеку и вызывающими имена, которые относятся к конституционным ценностям» [Albaigis Olivart 1984, 4]. Снова получили право на жизнь иностранные имена, не имеющие испанского аналога, имена исторических, мифологических и других персонажей, но с одним условием: такие имена не должны допускать сомнений о поле ребенка. Начинается настоящий «бум» иностранных имен. С 1994 года можно давать имена на любом языке. Тем не менее, остаются «вне закона» в качестве именовании человека имена животных (например *Bucifalo*), слова типа *Bombilla* «лампочка», *Toalla* «полотенце» и др. Существуют ограничения и при регистрации диминутивов и гипокористических форм в качестве полных имен. По свидетельству Х. Альбайхеса, один судья отказался регистрировать имя Lola (от Dolores), это часто происходит с именами Pepe (от Josй), Nacho (от Ignacio). Основание для отказа в регистрации — «фамильярный характер имени» [Albaigis 1995, 110].

Имеются и другие ограничения в области именования детей. В одной семье нельзя давать одно и то же имя нескольким детям, но если у детей по два имени, то одно из них может повторяться: Josй-Luis, Josй-Fernando, Magna-Luisa, Magna-Isabel. Детям разного пола можно давать

мужской и женский варианты одного имени: Juan / Juana, Mario / Магна, José / Josefa, Roberto / Roberta.

Возникает вопрос: почему существовала такая детальная регламентация относительно использования тех или иных имен? Какие процессы скрываются за этой регламентацией? С одной стороны, законодательные положения имели целью оградить ребенка от экстравагантных капризов родителей. Registro Civil призван следить за тем, чтобы не получались такие анекдотические сочетания как Dolores Fuertes de Barriga (букв.: сильные боли в брюхе) или Armando Bronca Segura (букв.: устраивая настоящую взбучку). С другой стороны, за этой регламентацией стоят определенные политические и религиозные интересы. Так, во времена диктатуры ограничения в области именования детей были призваны сохранить в неприкосновенности католический обычай давать имена, содержащиеся в святцах, подчеркнуть национальное единство и унитарный характер государства.

На мой взгляд, действенна и обратная, противодействующая сила, которая и вызывает эти акты регламентации. Несмотря на то, что Испания — страна Марий (как будет показано ниже, более половины женщин носят это имя) и Хосе, в народном духе заложено начало эстетического поиска и сопротивления регламентациям. Альбайхес говорит по этому поводу: «Сочетания, не привычные для испанцев, звучат привлекательно, что и объясняет моду на иностранные имена» [Albaigis, 1995, 78]. Тяге к необычным именам способствует, по всей видимости, ограниченный репертуар наиболее распространенных имен.

Законодательные положения в области именования людей изложены в: *Legislación sobre el Registro Civil* (Ed. Civitas, Madrid, 1977).

Итак, даже краткий обзор показывает, насколько различны тенденции, заложенные в итальянской и испанской антропонимии. Отметим следующие: расширение

итальянского именника за счет образований, не входящих в святцы, высокую дифференцирующую силу итальянского антропонима в целом и строгую регламентацию именования людей в Испании, сочетавшуюся с невысокой дифференцирующей силой имени и фамилии. Впрочем, эти ограничения в последние десятилетия не действуют.

Иначе складывалась антропонимическая ситуация на Руси. О дохристианской антропонимии мало что известно. Можно предположить, что она обладала огромным корпусом имен, которые сохранялись и в христианский период, поскольку до XVII века на Руси было принято иметь два имени — крестильное и мирское: в крещении — Иосиф, в миру — Остромир [Унбегаун 1995, 12–13]. Мирские имена своим происхождением уходят в глубокую языческую древность. Таким образом, в течение долгого времени наши предки, исповедуя христианство, которое навязывало чужую, иноязычную систему имен, следовали языческим традициям именования, сохраняли близкие и понятные имена. Эта привязанность отражает стремление сохранить ономастическую картину мира. И церковь, и государство боролись с использованием нецерковных имен. Так, Петр I специальным указом запретил употреблять их в официальных документах. Лишь когда христианские имена «обросли» ассоциациями агиографического, культурного, фольклорного, исторического характера, обрели краткие и диминутивные формы и стали восприниматься как русские, потребность в понятном имени отпала, а сами мирские (некалендарные) имена перешли, по мнению В.К. Чичагова, в разряд прозвищ [Чичагов 1959, 29]. «Можно заметить, что только в XVIII в. фактически заканчивается период «обрусения» христианских имен», — пишет С.И. Зинин [Зинин 1972, 65].

Посмотрим, что представлял из себя древнерусский именник. Словарь Н.М. Тупикова [Тупиков 1903] содержит около 5 350 имен. Среди древнерусских имен важное место занимают имена, образованные от порядковых числительных до 10: Перва, Первой, Второй, Вторак, Третьяк, Четвертак, Пятой, Пятак, Шесток, Шестак, Семак, Осьмак, Девятой, Десятой. Такие имена указывали на порядок появления в семье ребенка и вписывались в его картину мира. У римлян в период империи подобные образования использовались в качестве прозвищ, позже — в качестве имен, в христианский период некоторые из них стали календарными благодаря канонизации раннехристианских святых с такими именами: San Primo, Sant'Ottavio. Этим объясняется их наличие и в православном календаре (Прим, Октавий, Октавия) — при полном исчезновении из именника русских аналогов.

В именах содержались указания на внешний вид (*Черныш, Черный, Бел, Беляй, Беляк, Сухой, Толстой, Малюта, Голова, Головач*), поведение и характер (*Бессон, Булгак, Молчан, Смеяна*), обстоятельства и время рождения ребенка (*Богдан, Бажен, Любим, Неждан, Нечай, Поспел, Вешняк, Зима, Мороз*). Давались и «плохие», так называемые охранительные имена — имена-обереги, призванные защищать от сглаза, болезней (*Немил, Некрас, Неустрой, Ненаш, Беспута, Распута, Бяка, Злоба, Калуга «грязь»*). «Большой интерес представляют имена, связанные с животным и растительным миром: *Волк, Кот, Жеребец, Корова, Трава, Пырей, Щавей (щавель), Ветка* и другие. Внимательное изучение их позволит прочесть еще одну страницу из жизни древних славян — раннеславянский тотемизм, верование в божественность отдельных растений и животных, очевидно, преимущественно тех, которые играли особую роль в жизни наших предков. Прямых свидетельств этой стороны их духовной жизни

не сохранилось; имена должны помочь изучению этого исторического факта», — считают А.В. Сулова и А.В. Суперанская [Сулова, Суперанская 1991, 44].

Из обширного корпуса приведенных древнерусских имен было всего несколько десятков распространенных, среди них *Бажен, Баран, Белка, Белой, Беляй, Бессон, Богдан, Булгак, Бурой, Бык, Вешняк, Воин, Волк, Воробей, Ворон, Второй, Гневаш, Гоняк, Горяин, Губа, Девятой, Добрыня, Долгой, Дружина, Красной, Курбат, Лобан, Любим, Малыш, Меньшой, Молчан, Мороз, Неклюд, Некрас, Неустрой, Нехорошей, Нечай, Онтоман, Первой, Поспик, Поспел, Путило, Пятой, Русин, Семей, Сокол, Суббота, Смирной, Суморок, Сухой, Старой, Толстой, Томило, Третьяк, Ушак, Черной, Чудин, Шаран, Шестой, Ширяй, Шумило, Ярец* [там же, 46].

Особое место среди русских имен занимали княжеские имена — двусложные онимы типа *Святослав, Ярослав, Всеволод, Вячеслав, Мстислав, Ростислав, Твердислав, Ярополк, Святополк* и др., а также заимствованные имена *Олег, Ольга, Игорь*. Из древнерусских имен до наших дней дошли, помимо указанных выше, также *Борис, Глеб, Вадим, Владимир, Радомир* и др.

Многие из некрестильных имен использовались в качестве внутрисемейных, но могли выходить и за пределы семьи и сопровождать человека в течение всей его жизни [там же, 44–45]. Некрестильные имена, по всей видимости, явление неоднородное; некоторые из них давались при рождении (например имена типа *Первой*), другие — в 3 года или в 7 лет [Архипов 1989, 327]; при этом учитывались физические или моральные качества ребенка (*Булгак, Молчан*). Как указывалось, некрестильные имена со временем преобразовались в прозвища и по своей функции совпали с внесемейными именами, дававшимися человеку вне дома и семьи, помогавшими идентифицировать личность, то есть выполнявшими фун-

кцию прозвища *ad hoc*. Внесемейные имена-прозвища часто указывали на профессию, род занятий, внешность, характер: *Воевода, Пушкарь, Кузнец, Чернобород, Косолапый, Лихой, Долгой, Постник* [Суперанская 1998, 19–20; Архипов 1989, 823].

Как крестильные, так и мирские — семейные и внесемейные — имена послужили основой для образования основного корпуса русских фамилий, пройдя в большинстве случаев этап отчества.

Языческие имена, как указывалось, в христианский период сосуществовали с календарными. Из них в число календарных вошли, в основном, княжеские имена *Вячеслав, Владимир, Ольга, Борис, Глеб, Игорь, Святослав, Ярослав, Всеволод, Мстислав*. «При крещении князя и богатыри получали церковные имена и лишь впоследствии, при известных обстоятельствах, вновь звучали их дохристианские имена» [там же, 27]. Так, княгиня Ольга при крещении получила имя *Елена*, князь Владимир — имя *Василий*, его сыновья Борис и Глеб — *Роман* и *Давид*. «Любопытно, однако, что их христианские имена были забыты, и сейчас они известны как святые только под языческими именами. Произошло это довольно скоро. Уже в середине XI в. св. Владимир / Василий приводится церковью как Владимир» [Унбегаун 1989, 12].

Христианские имена еврейского, греческого и латинского происхождения проникли в русский ономастикон из Византии через южнославянское посредничество, пройдя морфолого-фонетическую адаптацию. Так, греческое окончание мужского рода *ios* менялось в основном на *-ий*, а *-os, -es* на редуцированный гласный (в последствии — ноль): *Anatolios, Iosephos, Ioannes* — *Анатоллий, Иосиф, Иван*; окончание женского рода *-e* меняется на *-ия*: *Haghne'* — *Агния*. Необходимость фонетической адаптации диктовалась наличием не только ино-

системных фонем (*φ*), но и синтагматикой фонем: не свойственные русскому языку скопления гласных (*Иоанн, Лаурентий, Диомид, Дионис, Феодор, Иоаким*) элиминировались путем добавления эпентетических согласных или заменой на одинарный гласный (*Иван, Лаврентий, Демид, Денис, Федор, Аким*). При адаптации иноязычных имен происходили и другие фонетические процессы: выпадение безударного начального слога (*Исидор > Сидор, Илларион > Ларион, Галактион > Лактион*), диссимилиация (*Меркур > Меркул*), метатеза (*Флор > Фрол*), протеза (*Ксения > Оксинья, позже Аксинья*), труднообъяснимое смягчение согласных в ударном слоге (*Matrona > Матрёна, Methodeios > Нефёд*) и т.д. См. также: [Архипов 1989, 328–330].

Христианские имена оказали влияние на развитие системы фонем. Так, становление фонемы *ф* произошло благодаря именно заимствованным именам [Никонов 1969, 61].

Иногда происходил перевод имен, как, например, в случае греческих имен *Πιστις, Ἐλλισ, Ἀγανη* — *Вера, Надежда, Любовь*.

В период адаптации христианских имен к русской языковой системе действовала — помимо фонетической адаптации — и другая тенденция, заключающаяся в поиске понятной внутренней формы или в «подгонке» иноязычных имен под русские образцы, то есть под известную картину мира. Так, мужское имя *Калина* восходит к греческому *Καλλινικ, Λυκερῆς* — к *Гликерия, Зот* — к *Зотик* (исходная форма воспринималась как диминутив), имя *Семен* ассоциировалось с *Семой* (седьмой). Имя латинского происхождения *Сильвестр* было «переосмыслено по частям, близким в произношении к знакомым словам *селиться, верста*» — *Селиверст* [Никонов 1993, 113]. «Подгонка» крестильных имен к мирским могла происходить и через дериваты: *Груша* (от *Аграфена* —

Агриппина), *Ромашка* (от *Роман*). В результате, «имя *Пятунька*, зарегистрированное в XVII в., могло быть образовано и от христианского имени *Петр*, *Петрушка*, но могло восходить и к русскому мирскому имени *Пятой*. *Харя* — и от христианского *Харитон*, и от апеллятивного имени» [Зинин 1972, 67].

Возможна и функциональная «подгонка» имен, близких по звучанию. Так, в России раннехристианский святой *Власий* (*Влас*) стал «восприемником» *Велеса*, унаследовав его функции — покровителя домашнего скота.

В Италии с именем святого Biagio (соответствующего русскому Власу), покровителя многих населенных пунктов на Юге страны, подобных ассоциаций нет, хотя животные «принимали участие» в его судьбе: когда он скрывался от преследований язычников в пещере, дикие животные приносили ему пищу. Но в Италии (как и в Испании) его почитают за то, что буквально перед тем, как его подвергли смерти, он спас мальчика от удушья, вынув рыбную кость из его горла [Cepeda Fuentes, Cattabiani 2003, 74–75]. *В Испании этому святому молятся при болезнях горла; соответственно, San Blas является покровителем ларингологов* [Albaigis 1998, 234, 239].

По данным словаря Н.М. Тупикова [Тупиков 1903], в древнерусском антропонимиконе преобладали мужские имена; в указанном словаре содержится около 5300 мужских и 50 женских древнерусских имен. В этом соотношении отражается взгляд наших предков на мир, в котором мужчине отводится ведущая роль. Более того, у древних славян было принято именовать женщин «через имена других лиц: замужней женщины — через имя мужа, девушки — через имя отца» [Чайкина 1994, 66]. В древнерусских памятниках крестильное имя женщины

упоминается редко. Обычные формулы именования женщин таковы: *Всеволожя* (жена Всеволода), *Гюргевая* (Юрьевая — жена Юрия), *Ярославна* (дочь Ярославля) [Мароевич 1981, 110]. Полная же формула именования (XV век) выглядела так: *Софья Ярославна Ростиславля Глебовича*. «В указанном примере *Софья* — личное имя, *Ярославна* — имя по отцу /.../, *Ростиславля* — имя по мужу /.../, в то время как форма *Глебовича* является формой патронима мужа в род. падеже принадлежности» [там же, 110].

Количественная диспропорция в пользу мужских имен сохраняется и в современных словарях: в Церковном календаре за 1988 год мужских имен 885, а женских — 245. В словаре Н.А. Петровского мужских имен 1 250, женских — 544 (из них 217 с пометой «редкое») [Петровский 1980]. В словаре А.В. Суперанской, наиболее полном словаре русских имен (около 7 500 единиц), учитывающем некалендарные новообразования, мужские имена изложены на 243 страницах (около 5 300 имен), а женские — на 101 (приблизительно 2 200 единиц) [Суперанская 1998]. Аналогичная пропорция мужских и женских онимов в итальянском именнике: из 18 000 имен, зафиксированным в словаре Э.Де Феличе 12 000 — мужских и 6 000 женских [De Felice 1997, 12].

Из приведенных данных напрашивается еще один вывод: итальянский именник в несколько раз превосходит в количественном отношении русский (и, по всей видимости, испанский). Тем более, что в словаре Э. Де Феличе приведены имена, реально зафиксированные в итальянских телефонных справочниках Италии за 1981 год; в то время как словарь А.В. Суперанской включает имена, давно вышедшие из употребления и не встречающиеся в реальной жизни. Так, из 50 первых имен, начинающихся на *А*, только 7 можно признать русскими именами, воспринимаемыми (порой с натяжкой) как таковые

в современном русском обществе: *Абакум (Аввакум), Абрам (Авраам), Абросим (Амеросий), Август, Августин, Авдей, Авель (Абель)*. Остальные имена не подкреплены ни узусом, ни историей, ни известными литературными произведениями; это: *Абагор, Абадер, Абаид, Абамон, Абановий, Абаталий, Абелузий, Абид, Абилий, Абкаргион, Абклюзий, Абнодий, Або, Абрега, Аброкий, Абсадий, Абуром, Авангард, Аввакир, Авделай, Авдикий, Авдифакс, Авдон, Авив, Авид, Авим, Авимелех* и др. С.И. Зинин отмечает, что значительное количество имен, рекомендованных религией, по разным причинам — из которых неблагозвучие занимало не последнее место — ни разу не было востребовано. Например: *Алгабдил, Бастолимоний, Вусурис, Гавиний, Гугциатазаз, Ебсой, Епафродит, Етимасий, Издериос, Концесс, Лампад, Нисирий, Пип, Раврава, Реститут, Теклагавварайт, Титир, Фрукт, Херимон* (мужские имена); *Аксуя, Аммонария, Бистамона, Ероттида, Кридула, Матридия, Просирия, Рогатилла, Симфороза, Трифоза, Феопистия* (женские имена) [Зинин 1972, 68]. В.А. Никонов, говоря об именах, содержащихся в святцах, утверждал, что, несмотря на огромное количество крестильных имен, их абсолютное большинство «в нашей стране не пригодились ни разу» [Никонов 1969, 55]. В результате, «из нескольких тысяч канонизованных святцами имен вошли в обращение несколько сотен, но из них только несколько десятков стали употребительными» [там же].

По нашим подсчетам, реальный русский именной XIX–XX столетий содержит не более 600 мужских и женских имен, которые повторялись (иногда периодически) у нескольких поколений русских людей. Основной же костяк имен не превышает 450. Имеются и другие точки зрения на количественный состав русского именника. Н.А. Петровский из 1 799 официальных (документальных) имен, приведенных в его словаре, не считает редки-

ми 946 [Петровский 1980]. «Если же применить более жесткий критерий, то количество относительно распространенных имен придется снизить поменьшей мере до 300», — пишет В.Д. Бондалетов [Бондалетов 1983, 140]. В самом деле, вряд ли можно отнести к нередким такие имена как *Азарий, Азат, Альвиан, Амфилохий, Анемподист, Апропиан, Ариан, Арий, Валент, Варсанофий, Венедим, Вивиан, Гаян, Евкартий, Ефрасий, Звездан, Иларий, Иосаф, Кириак, Ливерий, Лимней, Полиевкт, Полиен, Пуд, Товий, Фавст, Фалласий, Фантин, Эпиктет; Аниманса, Гаяния, Геновефа, Дасия, Дросида, Еликонида, Калида, Мамелфа, Миропия, Эннафа*, а также *Гораций, Наполеон, Рикс* и многие другие.

Таким образом, различия в количественном составе русского и итальянского именника весьма значительны. В последние десятилетия, правда, наметилась активная тенденция к сокращению итальянского именника [De Felice 1987, 194]. Тем не менее, его богатство впечатляет.

Нами были проанализированы список студентов, значившихся на отделении славистики Римского университета «La Sapienza» в 1996 г., и список студентов, обучавшихся на 2–4 курсах факультета романо-германской филологии Воронежского университета в 2000 г. Итальянский список состоял из 466 студентов; на этой же цифре мы остановились и в русском списке. В итальянском списке обнаружено 221 имя, в русском — 81. В результате, одно итальянское имя обслуживает чуть более двух человек (2,1), а русское — почти 6 (5,75). В итальянском списке 107 женских имен использовались по одному разу. Среди них *Adele, Adriana, Agnese, Aline, Annamaria, Angelina, Annalisa, Assunta, Catia, Bianca, Concetta* и др. В русском списке по одному разу встречаются 16 имен: *Алиса, Ася, Арина, Алина, Альбина, Вероника, Дина, Зоя, Инесса, Карина, Лада, Лилия, Майя, Рита, Станислава,*

Ядвига. Подробный анализ данных списков см. в следующей лекции.

Очевидно, что русские и итальянские имена имеют различную семиотическую нагрузку. Кроме того, приведенные факты не могут не свидетельствовать об особенностях итальянского национального характера, в частности о стремлении итальянцев подчеркнуть индивидуальность каждого человека, выделиться из общей массы. Что касается испанского именника, то именно низкая семиотическая сила имени — в силу распространенности ограниченного круга имен — привела в свое время как к появлению традиции нескольких имен, так и к традиции двух фамилий.

Наиболее яркий компонент русского полного антропонима — отчество, совершенно не понятная с точки зрения романских народов часть русской антропонимической модели.

По всей видимости, отчества существовали уже в дохристианский период, по крайней мере, в высших слоях общества: князь *Владимир Святославич*. Отчество — наследуемая в одном поколении часть именования человека. Таким образом, в полной русской антропонимической модели два компонента, переходящих к детям от отца: фамилия и отчество; при этом женщина, выходящая замуж и меняющая свою фамилию на фамилию мужа, не расстаётся с отчеством.

Русские отчества, как и романские патронимы — этап в образовании фамилий. Отчества и патронимы выполняли роль дифференциатора имени, служившего представителям одного поколения семьи. Различие отчеств и патронимов состоит в том, что русское отчество осталось и закрепилось в антропонимической системе русского языка в качестве дополнительного дифференциатора имени, в то время как в других антропонимических системах патронимы либо перешли в фамилии, либо вовсе исчезли. В

русском же языке мы имеем отчества и патронимические фамилии, составляющие основу всего корпуса фамилий. Русское отчество сохранилось в антропонимической системе в силу позднего становления и юридического оформления фамилий во всех слоях общества, особенно среди крестьянства, составлявшего большую часть населения. В самом деле, крепостному крестьянину, находящемуся в полной зависимости от феодала, фамилия практически не нужна: у него нет непосредственной связи с государством и его структурами. Сохранение патронимов в виде отчеств свидетельствует также о том, что в традиционном русском менталитете именно отцу отводится главенствующая роль в осознании индивидом своего места по отношению к другим членам социума.

Для образования отчеств использовались форманты мужского рода *-ич, -ов, -ин*, йотовый суффикс *-ъь* и женского рода *-на, -инична, -овна, -евна*: *Кузьмич, Петров, Лёвшин, Ярославье, Ярославна, Кузьминична, Петровна Алекс(е)евна*. Наиболее частотные отчества на *-ов* «были приняты в России в качестве официальных, канцелярских вплоть до XIX века: *Иван Петров Скобликов, Василий Никифоров Суслов*» [Сулова, Суперанская 1991, 154]. Подобное использование отчеств до сих пор сохраняется в просторечии и диалектах: *Иван Сергеев, Иван Петров*. Что касается отчеств на *-ович, -евич (Иванович, Васильевич)*, то ими пользовались в XV веке лишь князья, а в Петровскую эпоху — все высокопоставленные лица, на что требовалось специальное разрешение царя, хотя в повседневной жизни, в быту ограничений на использование отчеств на *-ович, -евич* не было [там же, 154–155].

Гораздо реже — по всей видимости, в случаях внебрачного ребенка или ранней смерти отца — использовались матронимы: *Олег Настасьич, Стенька Гридин сын Натальин, Лука Марфин* [там же, 155].

Фамилия, как уже указывалось, наиболее поздняя по времени юридического закрепления составляющая полной русской антропонимической модели. Первыми получили фамилии представители высшей знати (XVI вв.), обычно на основе вотчинных владений (*Курбский, Шуйский, Коломенский, Тверской, Мещерский, Владимирский, Суздальский*). Время появления первых фамилий не случайно: они появились в период объединения Руси как фактор укрепления государства, к которому различные княжеские семьи имели теперь одинаковое отношение, то есть появление фамилий явилось реакцией на изменения, произошедшие в русской картине мира. При этом фамилия не была чем-то незыблемым, неизменным, поскольку не существовало законодательных актов, регулирующих ее использование. Например, члены семьи, известной в истории России как семья Романовых, в течение XVI века трижды меняли фамилию: *Кошкины, Захарьины, Юрьевы, Романовы* [Унбегаун 1995, 16].

Следующими получили фамилии дворяне (XVII–XVIII вв.), затем представители торгового сословия и мещане (XVIII–XIX вв.). Внедрению наследуемого компонента антропонима способствовали указы Петра I. В Петровскую эпоху появилось и само слово «фамилия». В середине XIX века оформились фамилии русского духовенства, так называемые искусственные фамилии, то есть стоявшие вне магистральной линии преобразования личных имен в фамилии через этап отчества. Среди фамилий православного духовенства важное место занимают фамилии, образованные от названия религиозных праздников: *Богоявленский, Рождественский, Успенский, Срептенский, Покровский, Троицкий*.

Процесс формирования фамилий был длительным; понадобилось не одно столетие, чтобы семейные прозвища превратились в фамилии в полном смысле этого слова.

Вот что писал в середине XIX века В.И. Аскооченский, консервативный политик, родившийся в 1813 г.: «Генеалогия моя вовсе не состоит из тех лиц, которые пузаты и знаменитостью, и богатством, — подчеркивал он в своем дневнике, — мой прадедушка был поп; один из его сыновей родился в селе Аскошном, Землянского уезда, Воронежской губернии... Из благодарности к месту... мой дедушка переменял фамилию *Поповых* на *Аскошных* и повелел именоваться так всему своему потомству. Первоначально наша фамилия была *Аскошный*; но батюшка мой, как человек грамотный, заметил тут слишком неизящную народность и, следуя правилам правописания, переменял *Аскошный* в *Оскошный*. Не знаю, как это случилось, только с течением времени батюшка стал подписываться: *Отскооченский*. С этим громким прозвищем я и брат поступили в школу. Прошло немного времени, и нас стали дразнить «отскоочками»; с досады я решился еще раз изуродовать свое фамильное прозвание — и вследствие такого решения стал подписываться: *Аскооченский*». (Цит. по: Минаков А. Со всех сторон русский // Воронежская беседа, 1999–2000, Воронеж).

Из приведенной цитаты ясно, что в первой половине XIX века в России институт фамилии еще не был вполне сформирован даже среди некрестьянского населения: фамильное прозвание можно было менять и «совершенствовать» по усмотрению его носителя.

Лишь в конце XIX века в связи с переписью населения (1897 год) и введением паспортов все граждане Российской империи — в большинстве своем это были крестьяне — получили, так сказать, паспортные фамилии. Этот факт безусловно явился реакцией на изменившуюся картину мира, вызванную реформами, проводимыми царским правительством. В результате изменилось и видение своего места в мире для огромного числа русских. «Вообще, в условиях, когда фамилиями обладают не все,

наличие фамилии приобретает очевидную социальную значимость», — пишет Б.А. Успенский [Успенский 1989: 346]. Фамилия — семейное именование — стала передаваться из поколения в поколение и приобрела важнейшую функцию — юридическую.

Антропонимические традиции Италии, Испании и России имеют как сходные черты, так и ряд различий. Сходство заключается в наличии в составе официального именования человека (полной антропонимической модели) наследуемого компонента — фамилии, а также в том, что фамилия — главный дифференцирующий компонент полного антропонима (остальные его компоненты могут быть представлены инициалами); в трех языках имена используются в неофициальной сфере, а фамилии — в официальной. Семиотическая нагрузка, однако, фамилии и имени различна: в русском социуме роль имени гораздо ниже, чем, например, в итальянском. Дело не только в том, что итальянский именной гораздо шире, но и в том, что в ряде ситуаций, когда в русском языке имя не используется или используется его инициал, в итальянском мы встречаем полную форму имени — например, в телефонных справочниках (испанцы в телефонных книгах, как и русские, тоже используют лишь инициалы имени), в формулах приветствий (подробнее см. также последующие разделы).

В целом, различий в антропонимических традициях больше, чем совпадений. Например, в русских семьях возможно именование ребенка по имени родителей или старших братьев и сестер (в Италии это запрещено законодательно); в испанских семьях детям можно присваивать имена родителей (существует традиция семейных имен, передающихся из поколения в поколение), но нельзя использовать имена старших братьев и сестер. Замужняя испанка не меняет своей фамилии, но в определенных

ситуациях может пользоваться и фамилией мужа, в отличие от замужней русской, которая, как правило, меняет свою фамилию на фамилию мужа и пользуется лишь одной фамилией. Впрочем, русская женщина имеет право не менять фамилию при замужестве. Курьезный факт: в советский период при выезде зарубеж в таких случаях женщинам выдавали заграничный паспорт с фамилией мужа.

К фамилии замужней итальянки, как указывалось, в официальных документах добавляется фамилия мужа с предлогом *in*, которой она, однако, не всегда пользуется в повседневной жизни. Таким образом, статус фамилии, в частности женской, в Италии, Испании и России значительно различается.

Наличие отчества в русском языке сказывается на формулах речевого этикета, которые в романских языках обычно связаны с особыми этикетными словами: *signor — seccor, signora — seccora, don, donna — doca, etc.*, часто соответствующими русским сочетаниям «имя + отчество». Подробнее эти и другие проблемы прагматики антропонимов будут рассмотрены ниже, но сказанного уже достаточно, чтобы убедиться, что романские и русская антропонимические системы по-разному отражают видение мира и место в нем человека по отношению к другим членам социума.

ЛЕКЦИИ V – VI

ИТАЛЬЯНСКИЙ И РУССКИЙ
ИМЕННИКИ: СОСТАВ
И ТИПОЛОГИЯ ИМЕН

Вариативность имен

В итальянском и русском именниках много общих имен, связанных с одними и теми же библейскими персонажами или христианскими святыми. Среди распространенных имен можно назвать Giovanni — Иван, Pietro, Piero — Петр, Alessandro — Александр, Alessio — Алексей, Andrea — Андрей, Antonio — Антон, Giorgio — Георгий, Юрий, Egor, Michele — Михаил, Paolo — Павел, Sergio — Сергей и др. Можно выделить также имена более распространенные в настоящее время в Италии, чем в России: Giuseppe — Иосиф, Stefano — Степан, Стефан, Davide — Давыд, Simone — Семен, Matteo — Матвей и др. Кроме того, имеется целый ряд итальянских имен, не имеющих русского аналога (Vincenzo, Carlo, Bruno, Gianluca, Domenico, Franco, Francesco, Luigi, Salvatore, Angelo, Fabio и т.д.) и русских, не имеющих итальянского (Митрофан, Тихон, а также собственно славянские имена Вадим, Владислав, Святослав и др.).

Из распространенных женских имен общими являются Maria — Мария, Anna — Анна, Valentina — Валентина, Caterina — Екатерина, Giulia — Юлия, Alessandra — Александра, Elena — Елена, Valeria — Валерия, Cristina — Кристина и др. Некоторые русские аналоги воспринимаются как простонародные и устаревшие — Марфа, Фекла, в то время итальянские Marta, Tecla не имеют таких коннотаций; другие встречаются редко — Элеонора, Элиза, Симона, Вероника; соответствующие же итальянские

имена Eleonora, Elisa, Simona, Veronica являются в настоящее время модными. Целый ряд женских итальянских имен не имеет соответствий в русском языке: Alessia (женский вариант Alessio — Алексей), Franca, Francesca, Stefania; Silvia, Serena, Ilaria, Federica, Carmela и др.

Репертуар итальянских имен, как указывалось, составляет примерно 18 000 единиц. Эти данные получены Э.Де Феличе в результате сплошной компьютерной обработки телефонных справочников всей Италии за 1981 год. В итальянских телефонных книгах указывается, помимо фамилии и некоторых престижных профессий, должностей или заслуг, также полное имя абонента. Эти компоненты расположены весьма своеобразно: за фамилией следует название профессии и лишь затем — имя; все три слова не разделены знаками препинания (точка после второго компонента является сигналом аббревиатуры). Вот несколько примеров из римского телефонного справочника Pagine gialle за 1998 год:

Santeserti geom. (землеустроитель) Benito; Pieretti dt. (доктор) Enrico; Pierelli cav. (кавалер ордена) Ugo; Santillo prof. (профессор) Clemente; Melli ing. (инженер) Pietro.

Примерно около 8 000 единиц, используемых в качестве официальных имен — редкие имена. Из них большую часть представляют либо окказиональные образования, изобретенные тем, кто нарекает новорожденного (то есть имена без традиции и исторической перспективы), либо ошибочные или вариативные написания какого-либо имени [De Felice 1992, 12]. К первому типу относятся, например, мужские имена, образованные от некоторых женских: Margherito < Margherita, Anito < Anita, Olgo < Olga, Roso < Rosa, Nadio < Nadia, а также ряд женских имен, являющихся аналогами таких мужских имен, как Garibaldina < Garibaldi, Adama < Adamo, Marca < Marco. Исчезают из именника имена-топонимы: Nizza,

Varna, Odessa, Mentana, Volturno, Roma, Romo, Libia, Egitrea. В качестве примера имен второго типа приведем имя Sonia, которое встречается и в других графических вариантах: Sonja, Sonya. Аналогично: Ivan — Yvan, Vladimiro — Wladimiro, Raffaele — Raffaele. Некоторые имена, реализующиеся в ряде графических вариантов, относятся к довольно распространенным: Iolanda (112 000) — Jolanda (45 000), Iole (46 000) — Jole 28 000), Wanda (77 000) — Vanda (26 000), Wilma (32 000) — Vilma (12 000), Walter (75 000) — Valter (6 000).

Реальный именник (не включающий многочисленные окказиональные образования) по данным 1981 года представлял 10000 форм, из них 6500 мужских и 3500 женских. Указанная цифра включает все диалектальные и фонетические варианты имени, имеющие хождение в качестве официальных имен. Большая часть итальянских имен реализуется в целом ряде вариантов. Вариантами, например, имени Roberto, являются Ruperto (эта форма распространена в области Фриули — Венеция Джулия) и Ruberto; для имени Rodrigo — Roderigo, Roderico. Другой пример. Имя Nicola, распространенное по всей Италии, реализуется в целом ряде форм: Nicolo, Niccola, Niccolo, Niccolt, Niclo, Nicla — в Тоскане; Nicolas — Ломбардия, Nicolao — в Пьемонте; Nicolt, Nncolo — Сицилия; Nicco — Венето и Лигурия; Nicoloso — Сардиния. Имя Pietro широко распространено по всей Италии, при этом формы Pietrino — Pietrina характерны для Сардинии, а Piego и Piega — для Ломбардии.

Приведенные данные свидетельствуют о чрезвычайном богатстве системы личных имен, а наличие окказиональных образований — о завидной творческой стихии в этой области.

Выше уже говорилось о количественном составе русского именника. Мы пришли к выводу, что реальный рус-

ский именник, его костяк, включающий периодически повторяющиеся в разных поколениях имена, составляет около 450 единиц, не считая вариантов имени.

Вариативность имен в русском именнике имеет иную — не региональную — природу, хотя диалектальные различия в произношении имен тоже возможны. Произносительные варианты заимствованных имен в основном возникли, с одной стороны, как результат фонетической эволюции в русской языковой стихии и, с другой, как результат стремления церкви сохранить произношение иноязычных имен ближе к греческому или церковнославянскому образцу. Во время церковных реформ Патриарха Никона в середине XVII века законодательно была разрушена «сложившаяся в русском языке традиция произношения и написания календарных имен» [Суслова, Суперанская 1991, 56] и были введены их новые официальные формы. Вот несколько примеров образовавшихся вариантов: Юрий, Егор, Егорий — Георгий; Кузьма, Козьма — Косма; Ларион — Ил(л)арион; Осип — Иосиф; Остап — Евстафий; Семен, Симон — Симеон; Сидор — Исидор; Авдотья — Евдокия; Аксинья, Оксана — Ксения; Арина — Ирина; Алена — Елена; Катерина — Екатерина; Настасья — Анастасия, а также: Сергей — Сергий, Алексей — Алексий, Иван — Иоанн и др. В результате, возникло противопоставление религиозных (Алексий, Семион, Сергий, Иоанн) и светских имен (Алексей, Семен, Сергей, Иван); часть имен, однако, может быть использована в обеих функциях (Александр, Евгений, Михаил). Появилась и категория простонародных имен (Агафья, Авдотья, Лукерья, Фекла, Архип, Кузьма, Сидор). Эта категория наиболее ярко проявлялась на фоне использования западноевропейских вариантов русских имен, которое началось в Петровскую эпоху: Жан, Пьер, Никола, Стива, Китти, Мари, Мери, Нелли вместо Иван, Петр, Николай, Степан, Екатерина, Мария, Елена; не-

которые имена заменялись созвучными: *Полина* вместо *Прасковья*, *Пелагея*, *Доля* вместо *Дарья* [Суперанская 1998, 52].

Вариативность официальных имен в настоящее время явление довольно редкое. Помимо приведенных выше имен можно привести также имена типа *Наталья* — *Наталия*, *Генадий* — *Геннадий*. В предыдущие эпохи вариативность имен была намного выше. Так, «церковным формам *Елисавета* (имя писалось через «фиту») и *Елисавета* соответствует литературное *Елизавета*, а также многочисленные народные: *Алисава*, *Елисава*, *Олисава*, *Олисава*, *Елисафия*, *Илисавета*, *Лизавета*, *Лисавета*, *Лизовета*» [там же, 50]. Имя *Александр* имело следующие варианты: *Алексан*, *Лексан*, *Олексан*, *Олександр*, *Олександрт*, *Олехан*, *Алехан*, *Алехну*, отвергнутые официальной нормой. Ныне практически забытые имена, например, *Евтихий*, *Ипатий* были некогда весьма распространенными, о чем свидетельствует наличие ряда вариантов: *Евтух*, *Алтух*, *Олтух*; *Ипатий*, *Ипат*, *Евпат*, *Олпат*, *Алпат*, как и увековеченное Н.В.Гоголем имя *Акакий*, реализовавшееся в онимах: *Акатий*, *Акат*, *Окат* (ср. *Акатов* монастырь в г. Воронеже). О широкой вариативности имен в прежние эпохи свидетельствуют, в частности, патронимические фамилии, донесшие их многочисленные варианты до наших дней. Например, только от различных вариантов имени *Варфоломей* сохранились следующие фамилии: *Ахромеев*, *Вахромеев*, *Фоломеев*, *Вахрушев*, *Вахрушин*, *Бахрушин*, а от вариантов имени *Евсей* (*Авсей*, *Асей*) — фамилии *Евсеев*, *Авсеев*, *Асеев*.

Особый интерес представляют имена на *-ил* (*Михаил*, *Гавриил*, *Даниил*, *Самуил*), существовавшие еще в двух вариантах — на *-о* и на *-а* (*Михайло* / *Михайла*, *Гаврило* / *Гаврила*, *Данило* / *Данила*, *Самойло* / *Самойла*), которые являются разговорными вариантами исходных церковно-

славянских форм; именно от них, а не от исходных форм образованы фамилии *Михайлов* / *Михайлин*, *Гаврилов* / *Гаврилин*, *Данилов* / *Данилин*, *Самойлов* / *Самойлин*. Имена *Гавриил*, *Даниил* имеют также варианты с одним *и* (*Гавриил*, *Даниил*); используются в настоящее время и формы *Гаврила*, *Данила*.

Дериваты имен

Помимо вариативных форм имени имеются в итальянском языке так называемые *nomi alterati* — «модифицированные имена»; это в основном уменьшительно-ласкательные формы, которые не только вносят заряд эмоциональности в ситуации неофициального общения, но и используются в качестве официальных, «паспортных», то есть нейтральных с точки зрения модальности имен: *Robertino* < *Roberto*, *Luigino* < *Luigi*, *Luigina* < *Luigia*, *Antonella* < *Antonia*, *Carlotta* < *Carla*, *Giuseppino* < *Giuseppe*. Некоторые из таких имен являются более распространенными, чем исходные имена. Так, имя *Giuseppa* носят 200 000 итальянок, а имя *Giuseppina* — 652 000; имя *Giorgia* — 10 000, в то время как *Giorgetta* — 16 000. Имя *Nicola* в качестве женского не употребляется вообще, зато диминутивы женского рода *Nicoletta* и *Nicolina* имеют высокий индекс, соответственно, 37 000 и 25 000; имя *Antonia* менее частотно, чем *Antonietta* (соответственно, 200 000 и 300 000).

Некоторые из таких модифицированных имен известны с давних пор, что подтверждается существованием одноименных святых, например, *San Bernardo* (XII век) и *San Bernardino da Siena*; последний известен с XV века.

Модифицированные имена иногда используются в качестве заместителя исходного имени. Автору известен случай, когда человек по имени *Antonio*, в официальной

обстановке представляется Antonello, потому что так принято называть его в семье. По другой причине — более привлекательное звучание — носительница имени Rosa, которое зафиксировано в ее документах, предпочитает, чтобы ее называли Rosella, и это имя ставит на обложке своих книг, это же имя фигурирует в программах научных конференций.

В русском социуме не принято использовать диминутивные формы в качестве официального имени, но так было не всегда. Вплоть до XVIII века имели широкое хождение так называемые *полуимена*, использование которых в официальных документах было запрещено в 1701 году указом Петра I. Речь идет об образованиях типа *Ивашко, Михалко, Данилко, Гаврилка, Алешка*, которые обычно выполняли функцию нейтрального именованного, а в челобитных — уничижительного именованного (при обращении от низшего к высшему): «Перед царем все были холопы и даже именитые бояре подписывались “Ивашками” и “Васьками”», — пишет С.И.Зинин [Зинин 1972, 71]. Подобные диминутивные образования были преобладающими в документах XVII века [там же, 70–77]. Дошли они и до наших дней как нейтральные формы именованного (например, в семье или детском коллективе: *Сашка дома?*), а также как нейтральные именованного с социально заниженным оттенком (например, в сельских районах Воронежской области: *Зинку жалко, совсем замучилась*) или как фамильярные именованного с отрицательной коннотацией во взрослых коллективах: *Васька* опять на работу не вышел (продавщицы о грузчике). Суффикс *-ка* может иметь и диминутивное значение — в трехсложных женских именах: *Светланка, Маринка, Иринка* [Вежбицкая 1996, 139]. Ср. формы *Светка, Ирка*, где этот суффикс может быть как нейтральным, так и пейоративным.

Яркой характеристикой итальянского ономастикона является наличие в нем кратких — гипокористических — форм; они используются как в качестве обиходных форм при общении в быту, так и в качестве полных, официальных имен.

Ряд гипокористических образований имеет долгую историю. Например, имя Dante < Durante «стойкий, решительный» известно в этой форме с XIII века; имена Ada и Adele < Adelaide — со средних веков. Подобные онимы «обзавелись» собственными святыми, поддерживающими их авторитет. Так, наличие в Римской Мартирологии святой Риты, преставившейся в 1457 году, свидетельствует о древности данного онама и о том, что почитание этой святой способствовало популярности гипокористической формы Rita: по распространенности она опережает исходное имя — Margherita (соответственно, 17 и 18 места).

Как уже указывалось, очень часто краткие имена не «привязаны» к какому-либо одному имени, а являются производным от целого ряда имен. Многие из них имеют высокий рейтинг: Aldo (262000), Alda (41 000) < Rinaldo / Rinalda, Romualdo / Romualda, Capaldo, Ubaldo; Rina (133 000) < Caterina, Marina, Onorina; имя Rino (53 000) можно трактовать как мужской вариант от Rina, а также как краткую форму от мужских диминутивов Arturino, Salvatorino. От диминутивов образовались и гипокористические формы Gino/Gina (190 000/ 128 000) < Luigino / Luigina, Angelino / Angelina; Dino, Dina (94 000/80 000) < Armandino / Armandina, Bernardino / Bernardina и др.

Особенно много гипокористических форм у традиционно наиболее распространенных мужских имен: Giovanni > Gianni, Zani, Ianni, Vanni; Antonio > Tonio, Toni, Toto, Totr; Giuseppe > Veppe, Peppe, Pino; Francesco > Franco, Cesco, Cecco, Chicco, Checco, а также у их женских аналогов: Giovanna > Gianna, Vanna, Zana, Ianna;

Antonia > Tonia, Tona; Giuseppina > Giusi, Geppina, Beppa, Beppina, Peppa, Pina, Peppina; Francesca > Franca, Chicca. К часто встречающимся онимам подобного типа относятся Sandro / Sandra (35 000, 9 000) < Alessandro / Alessandra, Lino / Lina (75000 / 200 000) < Angelino / Angelina, Renzo (121 000) < Lorenzo, Nello / Nella (45 000 / 61 000) < Antonello / Antonella. В отдельных случаях исходное имя является очень редким, а гипокористическая форма — более обычной: Anunziato (1 400) > Nunzio (27 000), Ermenegilda (7 000) > Gilda (32 000). Еще раз напомним, что речь идет о кратких формах, используемых и в качестве обиходного и в качестве полного имени.

Имеются также случаи омонимии полного имени и гипокористической формы. Так, Franco это полное имя германского происхождения, засвидетельствованное в Италии с IX века в латинизированной форме Francus, а также гипокористическая форма от Francesco. Аналогично Enzo — полное имя, соответствующее современному немецкому Heinz, а также краткая форма от Lorenzo и Vincenzo.

Разнообразны краткие формы имени в русском языке. Несмотря на наличие общих формантов *-а, -я, -ша*, можно утверждать, что в каждом случае краткое имя имеет свою историю. Ср.: *Ваня — Иван, Петя — Пётр, Лёня — Леонид, Костя — Константин, Саша — Александр, Алеша, Леша — Алексей, Гриша — Григорий, Юра — Юрий, Дима — Дмитрий; Катя — Екатерина, Люба — Любовь, Люда — Людмила, Оля — Ольга, Маша — Мария, Наташа — Наталья.*

В России не принято использование кратких форм в качестве официального имени. «Саша Шнейдер в отношении пожилого, даже старого человека — разве это не противное сюсюканье, делающее вид, будто этот рисовальщик почему-то всему свету “Саша”, хотя на самом-

то деле и того, что человек должен видеть в человеке, сплошное большинство в этом, якобы нежно любимом, “Саше” конечно, не видит», — пишет П.А.Флоренский по поводу такого употребления краткого имени [Флоренский 1999, 228]. Онимы *Саша* Черный, *Саша* Соколов на обложке книги для большинства русских звучат как нечто экстравагантное, если не вызывающее. Гипокористические же формы имен на эстрадных афишах, то есть в сфере массовой и молодежной культуры, воспринимаются более или менее как артистическая вольность: Женя Белоусов, Маша Распутина, Таня Буланова.

Женские краткие и диминутивные имена чаще используются в общественной сфере и легче становятся официальными именами (Ася, Рина, Лана, Рита, Ляля, Элла — от Изабелла, Стелла), хотя в целом это явление не характерно для русского языка. Мужские же имена консервативны в этом отношении, главным препятствием здесь выступает важнейшая функция русских мужских имен — функция образования отчеств.

Э. Де Феличе выделяет в особую группу производные имена (*nomi derivati*), не давая им, однако, четкого определения [De Felice 1997, 26]. На наш взгляд, к производным именам он относит имена, содержащие форманты *-aldo, -ardo, -ero, -ого, -апо*, которые не привносят уменьшительно-ласкательных коннотаций, но связывают данное имя с целым рядом итальянских имен в основном германского или латинского происхождения, в которых указанный компонент имеется изначально, как в именах Cataldo, Ubaldo, Gerardo, Bernardo, Raniero, Adriano. При этом романский корень может сочетаться с германским суффиксом; подобные имена, по свидетельству С. Бортолами, появились уже в средние века: Domnuald [Bortolami, 450]; это свидетельствует о переплавке, взаимной адаптации разноязычных элементов в процессе формирования итальянского именника. В ка-

честве примера производных имен приведем Brunaldo, Brunero < Bruno; Andreano < Andrea, Antoniano < Antonio, Iliano < Ilio, Luciano < Lucio.

Двойные имена

Особое место в итальянском именнике и, соответственно, в картине мира занимают двойные (составные или сложные) имена, позволяющие иметь их носителям двух святых покровителей. Сложное имя — это не произвольное сочетание имен, а обычно сочетание определенных имен (хотя встречаются и свободные сочетания имен, не зафиксированные словарем Э. Де Феличе; к таким относится сложное имя Alessandro Libero, которое мы приводили выше). Ограничения в составе сложного имени, как правило, касаются первого имени. Наиболее часто первым компонентом сложного имени являются Maria, Anna, Rosa, Gianni, Giovanni, Antonio, Pietro и некоторые другие распространенные имена традиционного именника. При этом возможно как раздельное, так и слитное написание сложного имени с возможным усечением последнего слога первого имени: Giovanni Battista — Giovanbattista; Francesco Paolo — Francescopaolo; Rosa Maria — Rosamaria, Rosa Anna — Rosanna. Более того, компонентами сложных имен могут быть гипокористические — краткие — формы, тоже часто выступающие в усеченной форме, которые пишутся слитно или раздельно со вторым именем; четких правил или регламентаций на этот счет нет: Piero Luigi — Pier Luigi — Pierluigi, Gian Luca — Gianluca. При слитном написании иногда фиксируются некоторые фонетические процессы, например, ассимиляция по месту образования звуков (Giambattista, Giampiero, Giampietro — при наличии Gianbattista, Gianpiero, Gianpietro). Все это значительно расширяет объем итальянского именника.

Рассмотрим некоторые сложные имена более подробно.

В качестве первого компонента женских сложных имен Maria используется в именах, количество которых превышает 70, среди них наиболее распространены следующие имена (с числом носителей от 153 000 — Maria Teresa — до 11 000: Maria Maddalena): Maria Teresa (Mariateresa), Maria Luisa (Marialuisa), Maria Grazia (Mariagrazia), Maria Pia (Mariapia), Maria Anna (Marianna), Maria Angela (Mariangela), Maria Antonietta (Mariantonietta), Maria Rosaria (Mariarosaria), Maria Antonia (Mariantonia), Maria Cristina (Miacristina), Maria Giovanna (Mariagiovanna), Maria Concetta (Miacconcetta), Maria Assunta (Mariassunta), Maria Carmela, Maria Rita (Mariarita), Maria Stella (Mariastella, Maristella), Maria Luigia (Marialuigia), Maria Maddalena. В некоторых случаях слитное написание преобладает; например, имя Maria Anna встречается 10 000 раз, а имя Marianna — 54 000. Э. Де Феличе рассматривает последний оним в отдельной статье.

Для мужских сложных имен характерно использование усеченных гипокористических форм. Особенно часто в качестве первого компонента сложного имени используется усеченная краткая форма Gian < Gianni < Giovanni: Gian Battista (Gianbattista, Giambattista), Gian Carlo (Giancarlo), Gian Franco (Gianfranco), Gian Piero (Gianpiero, Giampiero), Gian Luigi (Gianluigi), Gian Pietro (Gianpietro, Giampietro), Gian Paolo (Gianpaolo, Giampaolo), Gian Mario (Gianmario, Giammario). Реже используется гипокористическая форма Gio < Giovanni: Gio Battista (Giobattista), Gio Batta (Giobatta). Наконец, одним из графических вариантов имени Giovanni (или Gianni), выступающим в качестве первого компонента сложного имени, может быть буква G с точкой: G. Battista [De Felice 1997, 192].

Среди сложных имен особое место занимают гибридные имена [Рылов 1997, 37] — то есть мужские имена со

вторым женским компонентом Maria (Giovanni Maria, Giovan Maria, Giovanmaria, Giovammaria, Gio Maria, Giomaria, Giommaria, Carlo Maria, Angelo Maria, Antonio Maria, Luigi Maria) и женское имя с мужским компонентом Nicola (Maria Nicola) или Josй, произносимым [iosй], [zhosй] или [dzhosй]: Maria Josй. Это имя явно испанского происхождения; возможно также, что его распространению в Италии способствовала женитьба принца Умберто Савойского в 1930 году на дочери бельгийского короля Альберто I — Марии-Жозе (Marie Josй).

В отличие от испанского, в итальянском языке гибридным компонентом сложного имени может быть и первое имя. Таковы довольно распространенные женские имена с первым компонентом Gian: Gian Carla (Giancarla), Gian Franca (Gianfranca), Gian Piera (Gianpiera, Giampiera), Gianpaola (Giampaola). Что касается мужских имен с первым компонентом Maria, то они относятся к очень редким именам: Maria Agostino, Maria Antonio, Maria Giuseppe, Maria Giovanni, Maria Luigi [De Felice 1997, 252]. Второе отличие от испанского языка заключается в том, что список гибридных имен в итальянском довольно обширен, в то время как в испанском языке он ограничен пятью именами: Josй Магна, Jesъs Магна, Juan Магна — мужские имена; Магна Josй, Магна Jesъs — женские. В Латинской Америке гибридных мужских имен больше: Carlos Магна, Luis Магна, etc.

Некоторые сложные имена по сути являются как бы унитарными именами, восходящими к обозначению одного человека: Giovanni Battista — Иоанн Креститель; Marco Antonio, Marcantonio — римский политик и военачальник, любовник Клеопатры; Marco Aurelio — Марк Аврелий, римский император; Marco Tullio — Марк Туллий Цицерон, оратор и политик. Три последних итальянских имени представляют собой сочетание латинского имени и фамилии (praenomen и nomen).

У русских традиция двух имен, как указывалось, тоже имела место и просуществовала от периода христианизации Руси вплоть до XVIII в. Но истоки и проявления этой традиции совсем иные. При рождении ребенку давалось древнерусское мирское имя, при крещении — календарное. Они не образовывали одно имя и использовались отдельно, мирское — преимущественно дома (хотя и выходило часто за пределы семьи), календарное — в общественной сфере. В документах оба имени обычно не ставились рядом: *Андрей Иванович Сам Линёв* (вторая половина XV в.); *Иван Иванович Дитя Бороздин* (конец XV в., Тверь) [Веселовский 1974]. Крестильное имя обычно предшествует мирскому, но не всегда: *Довол Григорий* (XV в.), *Догада Кондрат* (XVII в.) [там же].

В условиях относительной ограниченности христианского именника — например, в Москве в 1665 г. православных онимов было около 80 на 1 тысячу мужчин [Зинин 1972, 72–74] — мирские имена выступали в качестве дополнительного дифференциатора полного антропонима (в этом смысле ситуация на Руси напоминает ситуацию в Испании, где репертуар христианских имен тоже был довольно ограниченным). Если человек был больше известен по мирскому имени, то в документах использовалось именно оно, а обязательное каноническое имя не упоминалось вовсе: *Баланда Федоров Нестеров*, малоярославский дворянин, 1630 г.; *Баженко Михайлов сын Бобровников, пушкарь*; *Добрынка Никитин сын Дичков*; *Дичок Иванович Борков* (помещик, 1569) [Веселовский 1974]. В некоторых же документах мирское имя этого периода (первая половина XVII в.) сопровождается словом «прозвище»: *Левка, прозвище Томилко*, Ларионов сын Толковцев; *Феоктистка, прозвище Первушка*, Петров сын Попов [Зинин 1972, 63].

Истоки итальянского и русского ономастикона

Важным источником многообразия и богатства итальянского именника являются его истоки, его корни. В основе итальянского именника лежит, как указывалось выше, латинская антропонимия. Целый ряд латинских имен не прерывал своей традиции в Италии: Augusto, Colomba, Flavio, Lucio, Marco, Ottavio, Primo, Quinto, Secondo, Silvio, Tito, Valerio и др. В личные имена превратились и многие римские фамилии (как *nomina*, так и *cognomina*): Aurelio, Claudio, Fabio, Tullio, Scipio, Orazio, Mario, Massimo, Adriano, Cecilia, Camillo, Attilio, Vergilio. Все три компонента полного имени Цезаря сохранились как имена: Caio (Gaio) — редкое в настоящее время имя; Giulio и Cesare — очень распространенные имена; имеется также сложное имя Giulio Cesare, которое в 1981 году носили 2200 итальянцев.

Расширение собственно латинского именника происходило в первую очередь за счет библейских имен (ново- и старозаветных). Вначале это было не столько количественное расширение, сколько качественное, поскольку небольшое число новозаветных имен (Pietro, Paolo, Giovanni, Andrea, Lazzaro и некоторые другие) становятся настолько популярными, что вытесняют традиционные имена. Количественное же увеличение доли библейских имен, в основном старозаветных, приходит позже — из протестантской Европы: Adamo, Eva, Beniamino, Davide, Elio, Emanuele, Gabriele, Gioacchino, Rachele, Sara, Mara, Noemi, Ester и др. Впрочем, история появления и закрепления в итальянском именнике каждого имени весьма индивидуальна, поэтому мы предпочитаем говорить здесь лишь об общих тенденциях, а не об истории какого-либо конкретного имени.

Например, имена Gesù (Иисус) и Cristo (Христос) не вошли в итальянский именник (как и в русский), в отли-

чие от испанского именника, где наличествует имя Jesús, или болгарского, где имеется имя Христо, но широко используется заменитель этих имен Salvatore (Спаситель) — 490 000 носителей; это имя присутствует и в Испании: Salvador. Несмотря на отсутствие имени Gesù, в именнике есть модифицированное имя Gesuino (2 900 носителей) и производное Gesualdo (3 000 носителей), а также их женские варианты Gesuina и Gesualda (соответственно, 6 000 и 2 500 носительниц).

Греческая антропонимия присутствовала в латинском ономастиконе еще до христианизации; в византийскую же эпоху проникновение греческих имен шло наиболее активно, особенно на юге Адриатического побережья и в Сицилии, откуда они распространялись по всей Италии: Agata, Achille, Basilio, Barbara, Giorgio, Alessio, Alessandro, Nicola, Nicolo, Sergio и др. Имеются также и типичные региональные имена греческого происхождения; например, имя Calogero/Calogera используется в основном на Сицилии (55 000 человек), что объясняется почитанием San Calogero — византийского отшельника VI века.

В силу длительного германского присутствия на Апеннинском полуострове — вестготского, остготского, лангобардского, франкского, а впоследствии и австрийского — в системе итальянских имен широко представлен германский компонент, как правило, подкрепляемый авторитетом какого-либо святого: Adolfo, Adele, Alberto, Alfonso, Alfredo, Bernardo, Berta, Brigida, Carlo, Cataldo, Clotilde, Corrado, Enrico, Ermenegildo, Genoveffa, Gerardo, Germano, Ubaldo, Umberto и др. Германская антропонимия преобладала в VIII — XI вв. С конца XI века наблюдается ее постепенный спад.

Представлен в итальянском именнике и арабский компонент. Например, арабское имя Kuzman (ср. испанское Guzman, русское Кузьма) в итальянском языке преобра-

зовалось в довольно распространенные имена: мужское Cosimo и женское Cosima (соответственно, 62 000 и 16 000 носителей); более редкое Cosmo (3 600) и очень редкое Cosma — оба мужские; последнее обычно появляется в сочетании Cosma e Damiano (Косма и Дамиан).

Долгое испанское присутствие, начавшееся в конце XV века и приведшее к тому, что к концу XVI века Испания овладела большей частью полуострова (за исключением Венеции и Папской области), обеспечило наличие в итальянском именнике целого ряда испанских имен. Наиболее распространено имя Carmela (мужской вариант Carmelo), еврейское по происхождению (Кармель — гора в Палестине, по-латински Carmelus), но пришедшее в Италию из Испании, о чем свидетельствуют явно испанские диминутивы, используемые в Италии в качестве полных имен: Carmelita/ Carmelito. Имя Carmela особенно популярно на юге Италии и в Сицилии и входит в десятку наиболее распространенных женских имен (315 000 носительниц), к частотным именам относится и мужское имя Carmelo (97 000 человек). Женское имя Carmen — того же происхождения, что и предыдущие имена — и его мужской аналог Carmine имеют, соответственно, индексы 47 000 и 77 000. Значительное количество итальянцев носит имя Fernando (75 000) и Fernanda (84 000). Испанское имя Benito (54 000), сосуществующее с собственно итальянским Benedetto (33 000), получило распространение во второй половине XIX века как идеологическое имя с революционным оттенком; это имя давалось детям в честь мексиканского патриота Бенито Пабло Хуареса, возглавившего борьбу против императора Максимилиано Габсбургского; именно по этой причине социалист Alessandro Mussolini нарек своего сына Benito.

Менее популярны, но тоже достаточно распространены имена Diego, Dolores, Mercedes (23 000, 21 000,

10 000), а также Manuel, Manola, Josy и некоторые другие. Э. Де Феличе относит к испанским именам имя германского происхождения Elvira на том основании, что оно становится известным в Италии благодаря легенде о Дон Жуане, представленной также Мольером в пьесе «Дон Жуан» и Моцартом в известной опере [De Felice 1997, 143].

Значительным является присутствие в итальянском ономастиконе и французских имен. С одной стороны, это имена, которые появились в результате длительного сосуществования двух европейских народов (Antonietta, Coletta, Nicoletta, Denise, Marianne, Raoul, Reni, Yvette, Yvonne). Интересен тот факт, что имя Antonietta находится, по данным Э. Де Феличе, на 13 месте по распространенности среди женских имен, в то время как исходное — итальянское — имя Antonia — на 24.

С другой стороны, немало имен французского происхождения получило распространение в Италии, благодаря фактам исторического и — особенно — культурного характера. Так, популярности имени Carlotta способствовало то обстоятельство, что это имя — династическое женское имя Бурбонов Савойи. Имя Armando, пришедшее в итальянский ономастикон из Франции в XVIII веке, закрепилось в нем после успеха в Италии романа А. Дюма-младшего «Дама с камелиями», где, как известно, героя звали Армандом. Литературными являются женское имя Corinna, принадлежавшее женщине, воспетой в «Элегиях» Овидия, но ставшее фактом итальянского именника благодаря роману мадам Де Сталь «Corinne ou de l'Itali», а также мужское имя Ernani — героя одноименной поэмы В. Гюго. Отметим, что в свою очередь, Ernani — французская версия испанского имени Hernán (Hernando, Fernando). Последний пример показывает, что имя, заимствованное из одной культуры, может фактически восходить к другой (ср. также историю имени

Elvira). Подробнее вопрос о литературных именах будет рассмотрен ниже.

Славянский компонент, как и французский, проникал в итальянский именник либо путем непосредственного контакта итальянского и славянских народов (словен, сербо-хорватов) в зонах смешанного населения на северо-востоке Италии, либо через русскую культуру и историю. К самым распространенным именам первого типа относится имя Milena (37 000), менее распространены производные от Miroslavo/ Miroslava: Mirko (3 400), Mirco (3 100), Mirka (3 000), Mirca (1 800), Miro (1 200), Miriana (1 100). Среди славянских имен имеется ряд малоупотребительных: Milco/Milca, Drago, Ladislao, Miroslavo/ Miroslava, Marussa, Marussia. К именам второго типа принадлежат Boris; Igor, Dimitri, Ivan, Ivano, Katia, Katiuscia, Katiushka, Katiuska (так зовут автора одного из антропонимических словарей: Katiuska Bortolozzo), Nadia, Natascia, Olga, Sonia, Tania, Tatiana, Vassili, Vladimiro, Wladimiro, Ludmilla (Ludmila) и др. Как видим, русские имена часто заимствуются в гипокористической форме. Из русских имен самым популярным в Италии является женское имя Olga (125 000 носительниц), скандинавское по происхождению; мужской вариант Olgo зафиксирован словарем Э. Де Феличе в количестве 25, то есть как окказиональное имя. По мнению этого же автора, распространенности имени Olga способствовали имена женских персонажей русской литературы: Ольга из «Евгения Онегина» А.С. Пушкина, Ольга из «Обломова» И.А. Гончарова, Ольга из «Трех сестер» А.П. Чехова. Иная судьба у мужского русского имени Иван, которое носят в Италии в различных вариантах (Ivan, Yvan, Ivano) 29 000 мужчин, а соответствующее женское имя Ivana более частотно — 43 000 носительниц. К распространенным итальянским именам относится и диминутив от русского имени Надежда — Nadia (38 000) и вариант этого имени Nada

(6 000), а также литературное имя Sonia (в честь героини Ф.М. Достоевского Сони Мармеладовой — 16 000).

Обратимся к русскому именнику. Весь русский православный именник, как известно, практически является заимствованным (за исключением канонизированных княжеских имен *Владимир, Мстислав, Ростислав, Вячеслав, Людмила*). Заимствованные германские имена были на Руси и в дохристианский период (*Олег, Ольга, Игорь, Глеб*); в древности их было довольно много [Архипов 1989, 325–326]. Вплоть до XX века русский ономастикон был чрезвычайно консервативным по отношению к заимствованным (чаще всего иноконфессиональным) именам. В аристократической среде имена *Жан, Пьер, Серж, Мари, Аннет, Натали* использовались как изменители русского имени, но не как официальные имена. Лишь после революции 1917 г. в русском именнике закрепились в качестве официальных восточные имена *Руслан* (в XIX в. это литературное имя), *Казбек, Тимур, Лейла*; западнославянские *Ян, Яна, Янина, Ванда*; южнославянские *Снежана, Искра* (это имя может быть и идеологическим — от названия газеты «Искра») и западноевропейские *Альберт, Адольф, Артур, Рудольф, Юдуард, Роберт, Анжела, Анжелика, Беата, Берта, Геприетта, Жанна, Карина, Кристина, Роза, Клара, Жанна, Инесса* (последние 4 имени в 20-ых годах были идеологическими и давались в честь Розы Люксембург, Клары Цеткин, Жанны Д'Арк, Инессы Арманд) и др. Большая часть этих имен существовала в антропонимическом пространстве России у представителей неправославных конфессий, что, безусловно, способствовало их вживанию в русский именник. Тем не менее, русский именник, особенно мужской, — по сравнению с итальянским — проявляет известную невосприимчивость к иностранным именам.

Парные имена

Большинство итальянских имен образуют пары по признаку рода. Обычай давать парные имена возник в средневековье, когда на первый план выдвинулись христианские имена: ими стали, в первую очередь, имена апостолов и именно от них были образованы женские имена, образующие пару с мужскими: Iohanna, Simona, Nicola, Filippa, Jacobina, Petronilla, Paola и др. С. Бортолами приводит по этому поводу следующую легенду. Византийский император Андроник, живший в XIII веке, для того, чтобы выбрать имя новорожденной дочери, использовал следующую способ: к именам двенадцати апостолов прикреплялись свечи, и свеча, потухшая последней, «назначала» имя: в том конкретном случае это было имя Simonide. Впоследствии обычай парных имен перешел с имен апостолов и на другие имена [Bortolami, 435].

Традиция парных именованний настолько сильна в итальянском языке, что заимствованные из других языков традиционно мужские или женские имена «приобретают» на итальянской почве пару: Ivan — Ivana, Nadia — Nadio; иногда это окказиональное образование (Nadio, Olgo), а иногда — значительно превышающее исходное имя по частотности: Ivano (21 000) — Ivana (43 000).

Родовые пары имен не всегда восходят к одному и тому же имени. Так, пару номер 1 — Mario (894 000) / Maria (2 500 000) — образуют имена, различные по происхождению: Mario — от латинского *nomem Marius*; Maria, как известно, имя еврейского происхождения; данные имена различаются местом ударения. Различно место ударения и в именах Lucio / Lucia, восходящих к латинскому *preanomen Lucius*.

Имеются также только мужские и только женские имена. Например, Adamo, Marco, Luca, Garibaldo, Gaston, Gedeone, Giona, Giovenale, Eros — мужские имена;

Ancilla, Chiara, Fatima, Felmcita, Elisabetta (но: Elsa / Elso с частотностью 89 000 и 2 700), Ines, Irene, Jole, Maddalena, Margherita, Matilde, Noemm, Desdemona, Rebecca, Rosa, Sara (имя Sario — гипокористическая форма от Rosario), Susanna — женские. В некоторых случаях родовые различия не выражаются морфологически: Carmine (м. р.) — Carmen (ж. р.). Женский вариант имени иногда образуется при помощи суффикса: Salvatore — *Salvatrice*, Andrea — *Andreina*, Clemente — *Clementina*, Ercole — *Ercolina*, Ermes — *Ermentina*, Ettore — *Ettorina*. Наконец, имеются имена, общие для мужчин и женщин: Colomba, Clemente (редкое как женское имя), Celeste.

Традиция парных имен в Италии (и в Испании) настолько прочна, что родители, задумывая имя ребенку, часто выбирают, так сказать лексему, которая может быть реализована как в мужском, так и в женском варианте. Тем не менее, выбрав лексему, родители рассчитывают на определенный итог; в результате иногда у ребенка получается не совсем обычное имя, как в случае старшей дочери знаменитого певца Лучано Паваротти, которую зовут Lorenza (Lorenzo — преимущественно мужское имя): супруги Паваротти — Верони ждали мальчика (El Pans, 24. III. 1996).

В настоящее время для русского языка наличие родовых пар в системе имен не представляется явлением характерным и ограничивается незначительным числом пар, например, *Валентин — Валентина, Александр — Александра, Валерий — Валерия, Евгений — Евгения, Виктор — Виктория, Юлий — Юлия, Олег — Ольга* (в языковом сознании русских последние онимы, однако, обычно не воспринимаются как родовая пара); менее распространены пары типа *Клавдий — Клавдия, Леонид — Леонида, Федор — Федора, Алевтин — Алевтина*. Славянские имена типа *Людмил — Людмила, Свет-*

лан — Светлана противопоставлялись по роду еще в дохристианскую эпоху, но их мужские варианты в русском языке не сохранились, поскольку, по всей видимости, не были «поддержаны» авторитетом соответствующих святых. На более ранних этапах развития русской христианской антропониимии родовые пары имен были представлены гораздо шире. Пары образовывали не только редкие сейчас Агафон — Агафья, Евдокий — Евдокия, Евлампий — Евлампия, Зиновий — Зиновия, Синклитик — Синклитикия (Секлетей — Секлетейя), Ульян — Ульяна, но и Анастас(ий) — Анастасия, Василий — Василия, Елен — Елена, Екатерина — Екатерина, Наталий — Наталия, Марин — Марина, Мартин (Мартын) — Мартина и др. Родовые пары были характерны и для идеологических имен послереволюционной эпохи, что объясняется установкой родителей на определенную тематику имени будущего ребенка, а не на какие-либо иные обстоятельства: Октябрь — Октябрина, Май — Майя, Гертруд — Гертруда (герой труда), Виль — Виля, Владлен — Владлена (В.И. Ленин), Марлен — Марлена (Маркс, Ленин) и др (см. ниже).

Имя и общество

Одной из ярчайших характеристик итальянского именника является его живая реакция на разнообразные события политической и культурной жизни, происходящие как внутри страны, так и за рубежом. Проявляется это в том, что именами становятся названия событий, мест, где эти события происходили, фамилии героев этих событий и т.д. Например, имя Norvegia/o, Norge, Nobile давалось ребенку в честь походов под руководством Умберто Нобиле на Северный полюс в 1926–1928 гг., а имена Darwin и Edison, зафиксированные словарем Э. Де Феличе, являют собой своеобразный отклик на достижения науки.

Меняющаяся картина мира вносит в именник изменения такого рода особенно интенсивно в периоды решающих социальных процессов. Таким процессом в Италии было Рисорджименто — национально-освободительное движение против австрийского гнета, за объединение Италии.

Во времена Рисорджименто (1815–1870 гг.) появилась традиция нарекать младенцев фамилиями патриотов-героев, которую заложил, по всей видимости, сам Гарибальди. Его сыновей звали Menotti и Ricciotti. Первая фамилия принадлежит итальянскому патриоту Ciro Menotti di Carpi, его брату Celeste и сыну Achille. Фамилия Ricciotti носили три брата Domenico, Giacomo, Nicola, погибшие за свободу Италии. В 1981 году имя Ricciotti было у 1 000 итальянцев [De Felice 1997]. Стала именем и фамилия самого Д. Гарибальди — Garibaldi — при наличии имени германского происхождения Garibaldo, известного с VIII века. В эту же эпоху становится чрезвычайно популярным имя жены и сподвижницы Гарибальди Аниты (Anita Maria Ribeira da Silva di Morinhos), португалки по происхождению, родившейся в Бразилии. Имя Anita, будучи диминутивом португальского имени Ana, звучит по-итальянски несколько экзотически; тем не менее, оно широко используется и в настоящее время: в 1981 году его носили 75 000 итальянок, а его частично итальянизированный вариант Annita (с удвоением согласного) — 18 000 [De Felice 1997]. Имя дочери Гарибальди — Teresita (португальский диминутив от Teresa) — тоже стало идеологическим именем и в такой форме (с индексом 9 000) дошло до наших дней.

Как имена использовались и фамилии наиболее видных сподвижников Гарибальди: Bixio (Bisio, Bizio, Bigio), Cairoli, Cavalotti, Dandolo, Mameli, Nievo, в настоящее время практически вышедшие из употребления.

События Рисорджименто, особенно победы патриотов, отразились и на именнике; появились имена, восхо-

дящие к названиям мест знаменитых сражений: Voltorno, Mentana/o, Goito/a, Palestro. Использовались в качестве имен названия городов: Nizza — родной город Гарибальди, отошедший к Франции в 1860 году, Lugano — традиционное место политического убежища патриотов во времена Рисорджименто.

Активное воздействие общественных событий на именник не закончилось с объединением Италии и продолжалось вплоть до середины XX века.

С конца XIX века в среде левых радикалов стали модными в качестве имен французские фамилии Marat, Robespierre, название романа Э. Золя «Жерминаль», посвященного борьбе рабочего класса (Germinal, Germinale, Germinalina), а также имена Comunardo/a, Idea/o, Ideale, Ideal, Pensiero, Progresso, Ribello/a, Ribelle, Liberta (это имя дал своей дочери писатель Giosue Carducci, фамилия которого в радикальных кругах тоже использовалась как имя). В антиклерикальной среде использовалось имя Ateo/a [De Felice 1987, 32–33]. Позже, в XX веке появляются имена Marx, Marxina, Engels, Enghel, Engel, Lenin, Lenino/a, Uliano/a (а также Wladimiro/a, Vladimiro/a), Stalino.

Оставила свой след в ономастиконе и колониальная политика Италии: Eritrea/o, Aden, Asmara/o, Asmarino, Aduo, Aduino, Libia/o, Libiano/a, Tripoli, Tripolino/a, Algeri, Algeria, Algero, Algerino/a (Алжир — предмет колониальных амбиций Италии).

Нашла отражение в итальянском именнике также первая мировая война: Sauro — фамилия героя, его имя и фамилия используются также как сложное имя Nazario Sauro; как имена использовались фамилии военных и политических деятелей этого периода: Cadorna/o (генерал Luigi Cadorna), Sonnino/a (министр иностранных дел), Wilson (Vilson) — президент США (в честь вступления США в войну на стороне Антанты 6 апреля 1917 года);

именами стали и топонимы — театры военных действий: Adige, Adigina, Cadore, Cadorino, Carso, Mama/o, Verdun. Имя Gorizia давалось в память жертв, погибших при взятии Гориции. Наконец, детей родившихся во время войны, называли Guerrino/a, Mondino/a.

В эпоху Муссолини приходит мода на имена, подчеркивающие величие Италии: Impero/a, Imperio/a, Impero Romano, Italia, Italo/a, Italiano/a, Italino/a, Scipione, Scipio (в честь Публия Корнелия Сципиона Африканского Старшего, полководца, одержавшего ряд выдающихся побед). Получает распространение имя Venito. Становится именем слово littorio из словосочетания fascio littorio — ликторский жезл — символ власти в Древнем Риме, эмблема и символ фашизма: Littorio/a, Littorino/a, Littoriano. Популярным было и имя Balilla — прозвище юноши, который бросил камень в австрийцев в Генуе в 1746 году, что послужило началом народного восстания. Имелись также и антифашистские имена: Matteotti (фамилия депутата-социалиста, защитника демократии, убитого в Риме в 1924 году); Э. Де Феличе считает, что антифашистский смысл могли иметь имена Libero, Memore, Riscatto, Risveglio, Idea, Scintilla [De Felice 1987, 28].

В России наиболее бурно реакция ономастикона на внешние события, происходившие в стране, проявилась после 1917 г. Декрет Совета Народных Депутатов от 23 января 1918 года об отделении церкви от государства ознаменовал отмену традиционных правил именования, основывающихся на конфессиональных устоях. Новая революционная эпоха нуждалась в новых именах, которые противопоставлялись старым православным; вместо крестин получили распространение октябрины — церемония наречения младенца новым именем, представленная в фильме по повести М. Булгакова «Собачье сердце»; издавались календари, в которых печатались рекомендуемые имена: Имя *Полиграф Полиграфович*, которым на-

рекса герой упомянутой повести, было извлечено именно из одного из таких календарей. Приведем отрывок из повести:

«— Как же вам угодно именоваться?

Человек поправил галстук и ответил:

— Полиграф Полиграфович. [...]

Филипп Филиппович налился кровью и, наполняя стакан, разбил его. [...] Он повернулся на стуле, преувеличенно вежливо склонил стан и с железной твердостью произнес:

— Извините. У меня расстроены нервы. Ваше имя показалось мне странным. Где вы, интересно знать, откопали себе такое?

— Домком посоветовал. По календарю искали — какое тебе, говорят? Я и выбрал.

— Ни в каком календаре ничего подобного быть не может.

— Довольно удивительно, — человек усмехнулся, — когда у вас в смотровой весит.

Филипп Филиппович, не вставая, закинулся к кнопке на обоях, и на звонок явилась Зина.

— Календарь из смотровой.

Протекла пауза. Когда Зина вернулась с календарем, Филипп Филиппович спросил:

— Где?

— 4-го марта празднуется.

— Покажите... Гм... Черт... В печку его, Зина, сейчас же».

А.В.Суперанская приводит образцы рекомендаций, подобных описанной выше, которые давали календари той эпохи. Так, 7 февраля в день рождения автора «Утопии» Томаса Мора (род. в 1478 г.) предлагались имена *Мора* и *Томас*; 31 мая в день, когда было вынесено Постановление Наркомпроса об обязательном совместном

обучении (1918 г.), — имена *Наука* и *Луначар*; имя *Чарта* рекомендовалось в память о демонстрации чартистов в Лондоне, а *Желдора* — в память о забастовке железнодорожников в США в 1919 г. [Суперанская 1998, 58–59].

Пафос таких именований — возвеличение революционной борьбы и революционных преобразований, увековечение памяти о революционерах. Именами становятся фамилии известных деятелей науки, искусства, политики, особенно содержащие революционные коннотации, а также фамилии деятелей революции (иногда с использованием аффиксации): *Бруно*, *Гейне*, *Гарибальди*, *Спартак*, *Жорес*, *Кюри*, *Марат*, *Фрунзе*, *Ванцетти*, *Бebelina*, *Ленина*. Именами становятся и нарицательные существительные, связанные с революцией и революционной борьбой, а также слова, содержащие смыс «новое (в том числе в науке, технике, производстве)», «революционное», «прогрессивное»: *Баррикада*, *Октябрь*, *Трактор*, *Атеист*, *Антенна*, *Электрон*, *Мартен* (мартеновская печь); *Май*, *Майя* (в честь пролетарского праздника). При этом часто менялись род и морфологическая структура исходного слова (сокращался корень слова или добавлялся аффикс): *Аврор*, *Деталий*, *Индустрий*, *Энергий*; *Агит*, *Агита* (от *агитация*); *Октябриня*, *Декабриня* (в честь декабристов), *Правдина* (в честь газеты «Правда»); *Револь*, *Револий*, *Револа*, *Революта* (от *революция*), близнецам давались имена *Рево* и *Люций* (или *Люция*). Появились и неидеологические новые имена: *Лилия*, *Новелла*.

После революции переосмысливаются старые имена. Так, имя римской богини *Авроры* приобрело ассоциативную связь с крейсером «Аврора»; *Капитолина* преобразовалась в *Капиталину* в честь «Капитала»; древнегреческое имя *Электра* стало символом электрификации (наряду с именем *Электрина*), от немецкого женского

имени *Гертруда* появилось два имени *Гертруд* и *Гертруда*, означавшие «герой труда».

Наиболее ярко творческая стихия в ономастической сфере проявилась при образовании имен путем соединения инициалов, усеченных имен и фамилий (очень часто классиков марксизма-ленинизма), соединения всякого рода сокращений: *Эдил* — «эта девочка имени Ленина»; *Рикс* — «рабоче-крестьянский союз»; *Рэм, Рэма* — «революция, электрификация, механизация»; *Марклен, Маркслен, Марлен, Марлена* — «Маркс, Ленин»; *Марленст, Марлест, Марлис* — «Маркс, Ленин, Сталин»; *Марлин* — «Маркс, Ленин, интернационал»; *Марлэн* — «Маркс, Ленин, Энгельс»; *Вилор, Вилора* — «В.И. Ленин — организатор революции»; *Виль, Вилья* — «В.И. Ленин»; *Владлен, Владлена, Владилен* — «В.И. Ленин»; *Ким* — «коммунистический интернационал молодежи»; *Карм, Кармий, Кармия* — «Красная армия». Шедевром такого рода сокращений является имя *Пявчет* — «Пятилетку в четыре года!». Для образования новых имен могли использоваться и другие способы, например, обратное чтение слова. Так, имя *Нинель* является анаграммой фамилии *Ленин*. Имена *Сталинслав, Ленинслав* образованы по модели древнерусских княжеских имен — с использованием компонента *-слав*. Получили распространение в качестве официальных и гипокористические формы имен (как правило, женских): *Ася, Мара, Рина, Элла, Рита, Лана* и др. Возможно было и совпадение нескольких способов образования нового имени: *Лина* может быть кратким именем от *Каролина, Магдалина*, а также соединением двух первых слогов сочетания *Лига наций*.

Календари предлагали в качестве личных имен и географические названия: *Алтай, Урал, Волга, Италия, Лозанна, Сицилия* и др.

Необходимо отметить, что новые (в том числе, идеологические) имена чаще давались девочкам, поскольку фун-

кция образования отчества является в каком-то смысле сдерживающим фактором для экспериментирования в области мужских имен, хотя и некоторые новые мужские имена пользовались успехом. Тем не менее, из сохранившихся по настоящее время новых имен 20 — 40-ых годов больше женских, часто гипокористических, благозвучных имен. Благозвучие и соответствие традиционной системе (включаящееся в основном в отсутствие прямой связи с предметами окружающего мира), возможность образовывать отчество (для мужских имен) и удобные краткие формы — условия «выживания» новых имен. В результате лишь немногие из новых мужских имен (например, *Владлен, Марлен*) использовались более чем одним поколением советских людей. В целом, русский именник (особенно мужской) более консервативен, чем итальянский в отношении нововведений и нетрадиционных именовании.

Приведем примеры. Известный советский кинорежиссер Г. Александров назвал своего сына *Дугласом* в честь голливудского актера *Дугласа Фербенкса*; уже будучи взрослым, после женитьбы, Дуглас сменил свое имя на более простое и обычное — *Василий*. По всей вероятности, на это были веские причины.

Брат и сестра Безбородовы были названы отцом, членом КПСС с 1917 года, *Компатрт* и *Цэка*. Эти имена им никогда не нравились, они хотели сменить их, но против воли отца не пошли. По-домашнему их называли *Кома* и *Силья* (Труд-7, 14–20 июля 2005).

Идеологические имена в сочетании с фамилией иногда порождали анекдотические образования: *Идея Хренова* — реальный оним, зафиксированный в Воронеже.

Более восприимчивым русский ономастикон оказался по отношению к древнерусским неканоническим именам, закрепившимся в нем в последние десятилетия: *Мада, Богдан, Бронислав, Станислав, Радомир*.

Несмотря на появление потока новых имен, в советскую эпоху произошло парадоксальное явление — реальный, активный именник не только не расширился, но и заметно сократился, поскольку новые имена в основной массе не прижились, зато исчезла огромная масса имен, которая, так сказать, определялась датой рождения ребенка, то есть днем поминовения того или иного святого; это средне- и малораспространенные в XIX веке имена. Об этом речь пойдет ниже.

Несмотря на невосприимчивость мужского именника к иностранным онима́м, нельзя отрицать их присутствие — особенно английских — в повседневном обиходе. В молодежном студенческом жаргоне в последнее десятилетие стало принято использовать английские краткие имена вместо их русских аналогов: *Алекс* вместо *Александр*, *Алексей*, *Майк* вместо *Миша*, *Дэн* вместо *Даниил*, *Джонни*, *Джек* вместо *Иван*, *Джо* вместо *Юрий*, *Ник* вместо *Николай*. Особенно часто такие имена встречаются в электронной переписке фанатов различных групп, спортивных клубов и т.п.

Литературные имена

Особое место в итальянском именнике занимают литературные имена, то есть имена, пришедшие из литературы, а также имена, распространению которых способствовали те или иные художественные произведения. Мода на литературные имена зародилась в средние века; именно тогда в итальянский именник попали имена французских эпических и литературных героев: *Artuso*, *Fettaç*, *Lancellotto*, *Paladino*, *Percivalle*, *Rinaldo*, *Uggero*. К литературным именам относятся также имена, образованные от фамилий (имен и фамилий) писателей. К их числу принадлежат редкие в наши дни имена, принадлежащие наиболее любимым в прошлом писателям:

Dumas, *Victor Hugo*, *Victor Ugo*, *Vittor Ugo*, *Vittorugo*. Что касается имен, сошедших со страниц литературных произведений, то это либо вымышленные, либо реально существующие, но редкие или принадлежат другой культуре они́мы.

В качестве примера имен, изобретенных писателями и востребованных итальянцами для именования младенцев, можно привести имена героев популярнейших романов: *Ivanoe*, *Ivanohe* («Айвенго» В. Скотта), *Aramis*, *Porthos*, *Portos*, *Athos* (герои известных романов А. Дюма), *Nemo*, *Nema* («Двадцать тысяч лье под водой» Ж. Верна). Особенно популярны в Италии имена героев поэм, придуманные Джеймсом Макферсоном: *Oscar* и *Malvina* (22 000 и 6 500 итальянцев). Среди онимов, распространенности которых способствовали те или иные литературные произведения, назовем *Valentina* (героиня романа Ж. Санд «Валентина»), *Emma* («Мадам Бовари» Г. Флобера; это имя имеет очень высокий рейтинг: его носили в 1981 году 123 000 итальянок), *Colomba* («Колomba» П.Мериме). К литературным именам иностранного происхождения относятся также следующие русские они́мы: *Dimitri* (при наличии *Demetrio*) от имени «Дмитрий Карамазов»; *Katia*, *Katja*, *Catia*, *Ivan* (персонажи романа «Братья Карамазовы»); *Sonia* (Соня Мармеладова, Соня из «Дяди Вани»); *Vania*, *Vanja*, *Vannia*, *Vanio* («Дядя Ваня»); *Natascia* («Война и мир», «Рудин»); *Olga* («Евгений Онегин», «Обломов», «Три сестры»); *Tatiana*, *Tania*, а также *Tatiano* (!) («Евгений Онегин»); *Tamara*/*Tamaro* («Демон»); *Jurij*, *Yurij* («Доктор Живаго») [De Felice 1987, 46, 54, 62, 80].

Иностранное имя, как видно из примеров, используется как в полной форме, так и в диминутивной. Ср. также: *Consuelo* («Консуэло» Ж. Санд), *Alice* («Алиса в стране чудес» Л. Кэррола) — полные имена; *Nana* («Нана» Э. Золя) — диминутив от французского имени *Anne*.

Особое место в итальянском именнике занимают имена шекспировских героев: Amleto, Laerte, Polonio, Ofelia, Otello, Jago, Desdemona, Romeo, Giulietta, самые популярные из которых — Romeo, Otello, Giulietta (30 000, 29 000, 13 000).

Наконец, еще одна своеобразная черта итальянского именника — наличие в нем онимов, пришедших с оперной сцены. Наиболее яркими «оперными» именами являются Norma — 39 000 итальянок («Норма» В. Беллини), Aida — 12 000 («Аида» Дж. Верди), менее распространены мужские имена Amneris и Radomes из этой же оперы (4 000 и 1 500). Все четыре онима — вымышленные. Редкое имя Tosca, сохранившееся благодаря святой по имени Тоска (Santa Tosca), получает новую жизнь благодаря опере Дж. Пуччини «Тоска». Русское имя Fedora пришло в итальянский ономастикон из оперы У. Джордано «Федора»; в 1981 году его носили 15 000 итальянок, а соответствующее латинизированное имя Teodora — всего 8 000. В России же имя Федора уже в пушкинскую эпоху воспринималось как простонародное, сейчас практически не встречается и известно скорее как литературное имя («Федорино горе» К. Чуковского). Мужской вариант данного имени Fedoro в Италии встречается очень редко (100), хотя автору известен итальянец, носящий имя Fiodor, по его словам, в честь великого русского писателя.

Очень часто на основе литературного произведения создавалось то или иное музыкальное, поэтому в ряде случаев трудно определить, что способствовало популярности имени — драма или опера. Это, в первую очередь, касается шекспировских имен Otello, Desdemona, Romeo, Giulietta, перешедших в оперы Дж. Россини («Отелло»), Дж. Верди («Отелло»), В. Беллини «Капулетти и Монтекки». Еще один пример: оним Elvira, принадлежащий к весьма распространенным (114 000), — женский пер-

сонаж из легенды о дон Жуане и представлен как в театре (Тирсо де Молина, Ж.Б. Мольер, К. Гольдони и др.), так и в опере (Х.В. Глюк, Дж. Гаццанига, В.А. Моцарт и др.); кроме того, героини с таким же именем появляются в драматической поэме В. Гюго «Эрнани» и в одноименной опере Дж. Верди, а также в операх Дж. Россини «Итальянка в Алжире» и В. Беллини «Пуритане».

Проблема русских литературных имен изучена слабо. Между тем, влияние литературного ономастикона на реальный очевидно. Ограничимся несколькими примерами. Имя *Митрофан* практически исчезло из русского именника, чему в немалой степени способствовала известная комедия Д.И. Фонвизина. Даже в Воронежской губернии, ареале наиболее широкого распространения этого онима (в честь особо почитаемого здесь святого Митрофания Воронежского), в советское время Митрофаны часто «стеснялись» своего имени и меняли его, обычно на имя *Михаил*. Автору известно несколько таких случаев. Например, мой тесть, генерал-майор авиации, *Митрофан Андреевич Лисов* предпочитал, чтобы его называли *Михаилом (Михаилом Андреевичем)* как дома, так и в служебной обстановке. Это не воспринималось как экстрагантность, поскольку замена «старорежимных» имен на «обычные» была довольно распространенным явлением. И дело не в возможной неблагозвучности или архаичности имени *Митрофан*, а в ассоциациях, вызываемых этим именем. По данным эксперимента Е.Н. Колодкиной и Т.В. Сунцовой, имя *Митрофан* прочно ассоциируется у русских студентов (эксперимент проводился в студенческой среде) с понятиями *безграмотность, глупость, деревня, дурачок, лентяй, простофиля* [Колодкина, Сунцова 2000, 50]. Подобные ассоциации возникают и у других групп населения.

Чаще же, напротив, имена литературных героев благоприятствовали хождению тех или иных имен. Имя *Ели-*

завета становится популярным в России благодаря «Бедной Лизе» Н.М.Карамзина, как и неканоническое имя героини баллады В.А.Жуковского *Светлана*, которое обрело крестильный вариант *Фотиния* и, соответственно, день в православном календаре. Особое влияние на русский именник оказало творчество А.С.Пушкина. Имя *Татьяна*, считавшееся простонародным, настолько повысило свой рейтинг, что его носила одна из дочерей последнего императора. Вошли в моду и имена *Евгений*, *Ольга*. Благодаря Пушкину в русском антропонимиконе закрепились, особенно в советскую эпоху, имена *Людмила*, *Руслан*, *Герман*, *Земфира*. Например, именами пушкинских героев *Германом* и *Земфирой* назвал своих детей отец известного космонавта Титова, страстный почитатель творчества поэта [Зинин 1972, 101]. Героиня романа «Война и мир» *Наташа* Ростова «способствовала» распространению имени *Наталия*, как и тургеневская героиня — имени *Ася*. Английское литературное имя *Нелли* (*little Nell* — производное от *Helena* — из «Лавки древностей» Ч.Диккенса) было использовано Ф.М.Достоевским в романе «Униженные и оскорбленные» и введено в русский антропонимический обиход; в XX столетии оно стало одним из популярных женских имен.

Собственно литературным, вымышленным именем является *Аэлита* (героиня одноименного романа А.Толстого); это имя рекомендовалось советскими календарями в 20-ых годах. Имя другой героини этого автора — *Мальвины*, хоть и появлялось в подобных календарях, но в русском ономастиконе оно закрепилось позднее — после публикации «Золотого ключика, или Приключений Буратино» (1936 г.), сказки, написанной по мотивам известной повести К.Коллоди *Le avventure di Pinocchio, storia di un burattino*. Как указывалось, имя *Мальвина* тоже вымышленное, принадлежит шотландскому поэту Джейм-

су Макферсону, но для России оно имеет, в известном смысле, итальянские корни.

Распространение онима *Тимур* (вариант имени *Тамерлан*) в русском антропонимическом пространстве «обязано» известной повести А.Гайдара. Из имен персонажей зарубежной литературы, нашедших место в русском именнике, можно назвать *Артур* и *Спартак*; это герои романов Э.Л.Войнич «Овод» и Р.Джованьоли «Спартак», чрезвычайно любимых в Советском Союзе в 50-е годы.

Наконец, самый необычный литературный оним, используемый как паспортное имя, который встретился автору, — *Ярославна*. Это имя с прозрачной патронимической формой сочетается с отчеством: *Ярославна Викторовна*. Тот факт, что подобная форма способна occasionally выступать в качестве имени, обеспечен именно ее литературным «авторитетом».

Литературные имена, таким образом, являясь частью языковой картины мира, ярко характеризуют не только литературные вкусы эпохи и всю эпоху в целом, но и литературные привязанности родителей.

Основные тенденции в развитии итальянского и русского именников

Среди тенденций развития итальянского именника, действующих в настоящее время, можно отметить его резкое обеднение: начиная с 60-ых годов он сократился с 10 000 активных личных имен до 300 или 400, включая графические варианты [De Felice 1987, 194]. Некогда лидирующие имена, еще сохраняющиеся у представителей предыдущих поколений, сводятся к 1 000 и проявляют заметную тенденцию к постепенному исчезновению. В результате снижается дифференцирующая сила имени. Выбор имени, с одной стороны, сводится к традиционным, классическим именам с неоспоримой привлека-

тельностью звучания и, с другой, к именам новым, навязанным mass media, телевидением, массовой культурой, в основном американского происхождения. Доля имен, наиболее распространенных по всей территории Италии (Giuseppe, Giovanni, Antonio, Mario, Luigi, Pietro, Carlo, Franco, Bruno, Giorgio — мужские имена; Giuseppa, Giuseppina, Rosa, Angela, Giovanna, Teresa, Carla, Antonia, Luigia, Bruna — женские имена), в ономастике заметно уменьшается.

Исчезают или становятся редкими «тяжелые» имена: Abelardo, Ademaro, Alberico, Archimede, Aureliano, Bonaventura, Clodoveo, Eliodoro, Ermenegildo, Florestano, Napoleone, Pompeo, Sigismondo, Teodorico, Vivencio; Adelasia, Cunegonda, Desdemona, Genoveffa, Ifigenia, Messalina, Penelope, Petronilla, Prassede, Rosmunda, Veneranda. В то же время происходит «переоценка» некоторых традиционных имен, которые выдвигаются на первые места, становятся престижными наряду с новыми именами: Alessandro, Federico, Stefano, Tiziano, Andrea, Daniele, Davide, Emanuele, Luca, Gianluca, Marco; Antonella, Claudia, Donatella, Federica, Monica, Nadia, Patrizia, Simonetta, Stefania, Stella, Tiziana, Daniela, Emanuela, Mara, Miriam, Susanna. С середины шестидесятых годов указанные процессы усиливаются: продолжает падать рейтинг традиционно наиболее частотных имен, а также доля имен высокого и среднего ранга: Armando, Cesare, Filippo, Silvano, Adriano, Ettore, Felice, Augusto, Italo, Dante, Sebastiano, Romano; Ada, Maddalena, Filomena, Elvira, Iolanda, Carolina, Virginia, Erminia, Amelia, Agnese, Marianna, Pia [ibid., 203 — 204]. Практически исчезают из обихода малоупотребительные прежде имена, за которыми часто стоят исторические фигуры, святые, персонажи различных произведений: Amilcare, Annibale, Aristide, Beniamino, Casimiro, Cristoforo, Eriberto, Feliberto, Giustiniano, Nicodemo,

Reginaldo, Temistocle, Torquato, Vinicio; Adalgisa, Adelaide, Aida, Brigida, Cleofe, Coredelia, Ildegonde, Porzia, Tecla, Teodolinda, Veridiana, Vinicia, Zaira.

К престижным именам присоединяются «старые» имена с высокой и средней частотностью, обладающие приятным звучанием: Alessio, Antonello, Cristiano, Fabio, Fabrizio, Massimiliano, Michele, Patrizio, Valentino, Matteo/Mattia, Simone; Alessandra, Barbara, Chiara, Cinzia, Cristina, Eleonora, Elisabetta/Elisa, Fabiana, Francesca, Gemma, Giorgia, Giulia, Ilaria, Linda, Manuela, Marina, Michela, Pamela, Patrizia, Raffaella, Ester/ Esther, Marta, Sara/Sarah, Simona, Tamara [De Felice 1987, 203–204]. Значительная часть этих имен из Ветхого и Нового Заветов.

Выдвигаются новые иностранные имена; а также имена в иностранной огласовке: Alexandro, Christian / Cristian, David, Dimitri, Igor, Michael / Micael, Mirko / Mirco, Omar, Thomas, Walter, Yurij / Jurij; Armanda, Denise, Erika / Erica, Katia / Katya / Katiuscia, Lara, Michaela / Micaela, Moira, Myrna / Mirna, Patricia, Romina, Sabrina, Samantha / Samanta, Tania, Ursula, Ulla. Как видим, среди новых иностранных имен заметна доля русских онимов.

К середине семидесятых годов популярность перечисленных имен закрепляется и к ним присоединяются Dario, Niccolt, Valerio, Elia, Isacco, Ruben (три последних имени — библейские). Шире круг новых женских имен: Alice, Azzurra, Clarissa, Cristiana, Danila, Daria, Doriana, Irene, Licia, Loredana, Luana, Martina, Nicoletta, Serena. Становятся модными женские библейские имена: Dalila, Dinara, Giuditta, Lia, Micol, Noemm, Rachele, Rebecca, Ruth. Наконец, под влиянием телесериалов и mass media входят в итальянский ономастикон такие единицы: Alex, Anthony, Daniel, Donovan, Dylon, Emanuel, Geiar, John, Jonathan, Liam, Manuel / Manolo, Patrick; Alexis, Brenda, Christel / Cristel, Daiana / Dajana, Ellen, Hilary, Irina, Isabel, Jennifer

/ Genny / Jenny, Jessica, Karin, Krizia, Nathalie, Sally, Sheila, Solange, Tatiana, Ylenia / Penia [ibid., 205].

Приведем таблицы, иллюстрирующие изменения в итальянском именнике во второй половине XX века. А. Каттабиани приводит 15 имен, наиболее распространенных в 1960 году (все возрастные категории населения) и 15 имен, данных младенцам в 1988 году [Cattabiani 2003, 22]:

**Наиболее распространенные имена в 1960 году
(все возрастные группы)**

Мужские

1. Giuseppe
2. Giovanni
3. Antonio
4. Mario
5. Luigi
6. Francesco
7. Angelo
8. Vincenzo
9. Pietro
10. Salvatore
11. Carlo
12. Franco
13. Domenico
14. Bruno
15. Paolo

Женские

1. Maria
2. Anna
3. Giuseppina
4. Rosa
5. Angela
6. Giovanna
7. Teresa
8. Lucia
9. Carmela
10. Anna Maria
11. Francesca
12. Caterina
13. Antonietta
14. Carla
15. Elena

Имена, наиболее популярные в 1988 году

Мужские

1. Marco
2. Andrea

Женские

1. Alessandra
2. Valentina

3. Daniele	3. Fedrica
4. Simone	4. Sara
5. Davide	5. Daniela
6. Matteo	6. Giulia
7. Alessandro	7. Barbara
8. Luca	8. Francesca
9. Fabrizio	9. Stefania
10. Federico	10. Serena
11. Fabio	11. Valeria
12. Dario	12. Ilaria
13. Diego	13. Simona
14. Emanuele	14. Chiara
15. Gianluca	15. Romina

Как явствует из таблиц, антропонимическая мода в Италии в период в указанный отрезок времени существенно изменилась. Лишь в списках женских имен находим одно повторяющееся имя — Francesca. Из заимствованных имен присутствует испанское имя Diego.

Э. Де Феличе иллюстрирует изменения в итальянском именнике следующими таблицами. В первой колонке приводятся имена владельцев телефонов в городе Турине на 1981 год (в порядке их рейтинга), то есть имена, принадлежащие нескольким поколениям людей, родившихся в подавляющем большинстве в XX веке; это наиболее распространенные 20 имен традиционного ономастикона. Данный список мало отличается от второго, общенационального, составленного нами на основе данных словаря Э. Де Феличе [De Felice 1997]; различия в мужских именах в основном сводятся к порядковому номеру того или иного имени; среди женских имен не совпадают четыре имени: в первом присутствуют Laura, Maddalena, Luigia, Domenica; во втором — Elena, Concetta, Rita, Paola. В третьей колонке приводятся 20 наиболее престижных имен, данных младенцам в Турине в период между 1 июля 1996 года и 30 июня 1997 года.

Традиционный репертуар имен на 1981		№	Имена, данные новорожденным в 1996–1997 г. в Турине
Турин	Вся Италия		
Мужские имена			
Giuseppe	Giuseppe	1	Andrea
Giovanni	Giovanni	2	Marco
Antonio	Antonio	3	Alessandro
Francesco	Mario	4	Luca
Mario	Luigi	5	Davide
Luigi	Francesco	6	Simone
Carlo	Angelo	7	Daniele
Pietro	Vincenzo	8	Stefano
Vincenzo	Pietro	9	Federico
Michele	Salvatore	10	Alessio
Domenico	Carlo	11	Matteo
Salvatore	Franco	12	Fabio
Angelo	Domenico	13	Michele
Franco	Bruno	14	Emanuele
Aldo	Paolo	15	Gianluca
Bruno	Michele	16	Diego
Giorgio	Giorgio	17	Mattia
Paolo	Aldo	18	Mirko
Sergio	Sergio	19	Dario
Luciano	Luciano	20	Ivan
Женские имена			
Maria	Maria	1	Valentina
Anna	Anna	2	Federica
Giuseppina	Giuseppina	3	Sara
Teresa	Rosa	4	Stefania
Margherita	Angela	5	Giulia
Angela	Giovanna	6	Alessandra
Rosa	Teresa	7	Chiara
Giovanna	Lucia	8	Alessia
Caterina	Carmela	9	Francesca
Lucia	Caterina	10	Serena
Anna Maria	Francesca	11	Elisa
Carla	Anna Maria	12	Silvia
Francesca	Antonietta	13	Ilaria
Laura	Carla	14	Valeria
Maddalena	Elena	15	Cristina
Antonietta	Concetta	16	Veronica
Luigia	Rita	17	Simona
Franca	Margherita	18	Eleonora
Domenica	Franca	19	Jessica
Carmela	Paola	20	Martina

Данные Де Феличе подтверждают данные Каттабиани: между списками имен всех возрастных групп, несмотря на двадцатилетний разрыв разница небольшая, равно как и различия между именами, данными в конце 80-ых и 90-ых годов. В списках новых мужских и женских имен Де Феличе сохраняется только по одному имени из старых списков — Michele и Francesca; таким образом, из частотного ономастикона исчезли традиционные имена — Giuseppe, Giovanni, Antonio, Maria, Anna, Teresa и другие. Среди новых имен с самым высоким рейтингом большая часть — тоже традиционные, за исключением женского имени Jessica (это имя, по всей видимости, единственное в списке престижных имен, пришедшее из mass media) и мужских имен Mirko и Ivan, которые, однако, давно присутствуют в итальянском ономастиконе. Сравнение таблиц Каттабиани и Де Феличе показывает также, что изменения именника происходят эволюционно: старые имена в течение долгого времени «не сдают позиции», присутствуя у представителей всех возрастных групп населения; в то же время и новые имена не появляются из ниоткуда, они, как правило, присутствуют в именнике, так сказать, «набирая силу» и «ожидая своего часа». В результате, как видно из списков, в течение примерно трех десятилетий перечень наиболее популярных имен почти полностью сменился.

Несмотря на характерную реакцию именника на явления окружающего мира — в данном случае на телесериалы, их влияние нельзя признать значительным. Данные интернета свидетельствуют о том, что на 1999 год шестью лидирующими именами у итальянцев всех поколений остаются те же, что и в списке 1981 года, хотя порядок их следования несколько изменился [<http://www.paginebianche.it/pbol/extra/nomi.htm>]:

Giuseppe	1	Maria
Giovanni	2	Anna
Antonio	3	Rosa
Francesco	4	Giuseppina
Mario	5	Angela
Luigi	6	Giovanna

В России после Октябрьской революции, как уже указывалось, произошли важные изменения в именнике. Они отразили изменившуюся картину мира. По сравнению с предыдущими столетиями роль имени в обозначении человека падает (хотя в течение двух десятилетий после революции наблюдался необыкновенный творческий подъем в области именованья людей) и увеличивается роль фамилии. В самом деле, начиная с XVIII века количество «ходовых» имен постепенно сокращается. Если в XVIII веке было около 80 распространенных (именно эти имена лежат в основе современного именника) и приблизительно столько же малоупотребительных имен, характеризующих, в основном, именник крестьян [Зинин 1972, 87] (то есть влияние священника на выбор имени в крестьянской среде было гораздо сильнее), то к концу XIX столетия число популярных имен доходит до 30–40. Так, в г. Пензе 79% всех новорожденных в период с 1882 по 1892 год были наречены именами *Александр, Алексей, Андрей, Борис, Василий, Владимир, Георгий, Григорий, Дмитрий, Иван, Илья, Константин, Михаил, Николай, Павел, Петр, Семен, Сергей, Степан, Федор, Яков* (21 имя); 21% приходится на 100 с лишним имен (количество мужских имен достигало 130 в год) [Бондалетов 1971, 14]. При этом численность женских имен отставала от количества мужских, и максимальное число женских имен достигало лишь 64 в год [там же].

В 20-х годах XX века количество популярных имен резко увеличивается за счет неправославных онимов: но-

вооброзований, заимствований (см. выше); впервые число популярных женских имен превышает число мужских [Бондалетов 1970, 51]; в последнем отразилось повышение социального статуса женщины в обществе. Изменение картины мира, таким образом, неизбежно сказалось и на именнике. Именно в этот период наблюдаются наибольшие расхождения в составе именника по сравнению с предыдущими десятилетиями. Так, в списке мужских имен в г. Пензе за 1893–1902 годы и в списке за 1921–1930 годы совпадающих всего — 63, а несовпадающих — 168 [Бондалетов 1983, 144]! Совпадающие онимы, естественно, принадлежат традиционному именнику, а несовпадающие — в основном советские новообразования и заимствования.

В 40-х годах мода на новые имена проходит, большинство из них бесследно исчезает, хотя в именнике, преимущественно женском, закрепляется ряд новых имен. Приведем наиболее распространенные: *Жанна, Нелли, Анжела, Элла, Эмма, Инга, Майя, Дина, Диана*.

К 60-м годам русский именник стабилизируется в том смысле, что возвращается на традиционную линию, заложенную в XVIII веке и заключающуюся в использовании определенного, ограниченного костяка православного именника, состоящего из проверенных временем имен, вписавшихся в русскую историю, благозвучных, с большим числом дериватов. Это: *Александр, Алексей, Анатолий, Андрей, Борис, Вадим, Валерий, Василий, Виктор, Виталий, Владимир, Владислав, Вячеслав, Геннадий, Георгий, Герман, Дмитрий, Евгений, Иван, Игорь, Константин, Леонид, Михаил, Николай, Олег, Павел, Петр, Роман, Сергей, Федор, Юрий*. Из перечисленных имен *Виктор, Борис, Игорь, Олег* стали частотными в советскую эпоху, к ним можно добавить несколько новых онимов: *Альберт, Stanisлав, Эдуард*.

В основе женского именника в этот период тоже традиционные имена: *Алевтина, Александра, Алла, Анто-*

нина, Валентина, Вера, Галина, Евгения, Екатерина, Елена, Зинаида, Зоя, Ираида, Ирина, Клавдия, Лариса, Лидия, Любовь, Людмила, Маргарита, Марина, Мария, Надежда, Наталья, Нина, Ольга, Раиса, Тамара, Татьяна, Юлия. Имена *Нина, Валентина, Галина, Людмила, Светлана, Лариса, Инна* и *Римма* стали популярными в XX столетии; два последних (*Инна, Римма*) некогда были мужскими. В целом же, доля новых имен в женском именнике выше, чем в мужском: *Альбина, Виктория, Нелли, Лилия.*

В.Д.Бондалетов в именнике XX века выделяет 5 подгрупп, основываясь на росте или снижении популярности имен (приводится лишь часть имен):

1. Мужские имена устойчивой популярности.

Александр: 1899 г. — 12,3% наречений, 1920 — 8,7%, 1930 — 7,5%, 1957 — 13,1%, 1967 — 13,4%, 1980 — 10,8%.

Владимир: 1899 г. — 4,5%, 1920 — 11,8%, 1930 — 14,3%, 1957 — 11,9%, 1967 — 9,6%, 1969 — 6,1%.

2. Имена, употребительность которых росла на протяжении столетия.

Игорь: 1899 г. — 0,06%, 1920 — 0,26%, 1930 — 0,1%, 1940 — 0,32%, 1957 — 2,2%, 1967 — 5,3%, 1969 — 6,1%.

Андрей: 1899 г. — 1,8%, 1920 — 0,9%, 1957 — 3,0%, 1967 — 12,9%, 1975 — 8,8%.

3. Имена, употребительность которых была значительной в дореволюционное время и после перерыва (в 20–30 лет) стала еще большей.

Сергей: 1899 г. — 4,4%, 1920 — 4,9%, 1930 — 0,9%, 1940 — 0,32%, 1957 — 10,1%, 1969 — 12,4%, 1980 — 13,3%.

4. Имена, популярность которых приходилась на 20–30 годы (*Николай, Борис* и др.) или на 20–40 годы (*Геннадий, Юрий*).

5. Имена затухающей употребительности.

Иван: 1899 г. — 8,47%, 1920 — 2,4%, 1930 — 0,6%, 1957 — 0,4%, 1969 — 0,07. В 70-е годы происходит некоторое увеличение его употребительности. В эту же группу входят *Степан, Яков* [Бондалетов 1993, 144, 150].

В среднем в настоящее время используется — для всех возрастных категорий населения — около 20 частотных мужских имен, которые обслуживают примерно 80% населения. По данным В.Д.Бондалетова, исследовавшего именник рабочего поселка Лунино Пензенской области, где проживает 3 170 лиц мужского пола, в поселке 18 частотных имен (в порядке рейтинга): *Александр, Николай, Владимир, Иван, Виктор, Анатолий, Сергей, Михаил, Алексей, Юрий, Василий, Борис, Петр, Вячеслав, Валерий, Евгений, Геннадий, Федор* [Бондалетов 1993, 6]. Эти данные во многом совпадают с «общероссийскими», хотя «общероссийский» список несколько шире и включает имена *Андрей, Валентин, Георгий, Константин, Леонид, Павел* (при отсутствии в последнем имен *Валерий, Вячеслав, Геннадий*), «во многом сходна и статистическая характеристика всех частых имен — первой десятки и первой пятерки наиболее популярных имен» [Бондалетов 1993, 6]. Что касается имен младенцев, то в последние десятилетия на 20 частотных имен падает в среднем 85% наречений; при этом «первый десяток частотных имен покрывает 76%, а популярнейшая пятерка — 57% мальчиков» [Бондалетов 1993, 8].

В последние годы наметилась тенденция к расширению именника за счет имен традиционного ономастикона, редких или очень редких в XX столетии. Это мужские имена *Артем, Денис, Данил, Дмитрий, Никита, Тимофей, Кирилл, Клим, Никита, Максим* и женские *Анастасия, Виктория, Дарья, Юлия, Полина, Елизавета, Ксения, Софья, Ульяна, Кристина*. Из женских нетрадиционных имен можно отметить *Яна, Карина*. И.С.Васенко, проанализировав динамику женского именника горо-

да Барнаула, отмечает, что к концу XX столетия наметились «увеличение количества и удельного веса некоторых забытых канонических имен (*Дарья, Анастасия* и др.)», а также «расширение репертуара за счет благозвучных иностранных имен» (*Диана, Ангелина, Яна, Анжела, Анжелика, Карина*) [Васенко 2005, 297–299]. В целом это характерно для всей России.

Приведем списки наиболее популярных имен, данных младенцам при рождении в 1973 и 2003 годах (вся Россия) [Ваш ребенок, 2005, № 16].

Мальчики

1973

1. Александр
2. Алексей
3. Сергей
4. Андрей
5. Дмитрий
6. Михаил
7. Павел
8. Илья
9. Константин
10. Виктор

2003

- Данила
- Кирилл
- Никита
- Артем
- Иван
- Петр
- Егор
- Матвей
- Максим
- Григорий

Девочки

1973

1. Елена
2. Анна
3. Наталья
4. Ольга
5. Светлана

2003

- Анастасия
- Ксения
- Мария
- Александра
- Софья

6. Юлия	Дарья
7. Мария	Полина
8. Ирина	Елизавета
9. Екатерина	Валерия
10. Татьяна	Екатерина

Как ясно из таблиц, смена популярных мужских и женских имен осуществилась в пределах традиционного именника.

В 2004 году самыми популярными именами среди воронежских новорожденных были: *Дмитрий, Никита, Александр, Анастасия, Виктория, Дарья*. Эти имена получили примерно 40 % младенцев. Имена *Никита* и *Виктория* выдвинулись на первые места лишь в последнее пятилетие.

В Москве лидирующими именами в 2005 году были: *Александр, Максим, Никита, Иван, Дмитрий* и *Анастасия, Анна, Мария, Дарья, Виктория*.

Таким образом, на всех этапах своего существования именник является неотъемлемой частью языковой картины мира, чутко реагирует на всевозможные изменения положения человека в окружающем мире. Но имеются и некоторые константы. В частности, для русской языковой картины мира характерна приверженность традиционным именам, невосприимчивость к заимствованиям, особенно в сфере мужского именника. Эта тенденция была ведущей как в долгий период адаптации христианских имен в условиях сосуществования христианского и мирского именников, так и в настоящее время. Напротив, для итальянского именника характерно открытое отношение как к заимствованиям из иностранных именников, так и к использованию в качестве официальных имен различных дериватов имени.

Нами были проанализированы имена студентов отделения славистики Римского университета «La Sapienza», значившихся в списках в 1996 году и родившихся в подавляющем большинстве в семидесятые годы. Список состоял из 466 итальянцев (студенты-неитальянцы не учитывались); из них 389 девушек и 77 юношей. На них приходится 221 имя: 169 женских и 52 мужских. Таким образом, дифференцирующая сила имени довольно высокая: одно имя «обслуживает» чуть более двух человек (2,1). Достаточно сказать, что в группах старших курсов, где обычно занималось по 10–20 студентов, имена не повторялись или повторялись крайне редко, что не характерно для аналогичных групп в русских университетах.

Рейтинг женских имен распределился следующим образом:

- 1) Alessandra — 13 человек;
- 2) Francesca, Paola, Simona — по 11;
- 3) Barbara — 10;
- 4) Federica, Laura, Tiziana — по 9;
- 5) Alessia — 8;
- 6) Antonella, Claudia, Cristina, Elisa, Maria — по 7;
- 7) Daniela, Manuela, Silvia, Stefania, Valentina — по 6;
- 8) Cristina, Giulia, Lucia, Michela, Rafaella, Valeria — по 5;
- 9) Anna, Cinzia, Chiara, Eleonora, Monica — по 4;
- 10) Antonietta, Carla, Caterina, Donatella, Elisabetta, Gaia, Giorgia, Ilaria, Maria Paola, Patrizia, Roberta, Susanna — по 3;
- 11) Anna Maria, Debora, Eliana, Emanuela, Gabriella, Giovanna, Irene, Katia, Lara, Lorella, Luisa, Marina, Maria Cristina, Monia, Nadia, Sabina, Serena, Sonia, Teresa, Veronica — по 2;
- 12) Adele, Adriana, Agnese, Aline, Annamaria, Angelina, Annalisa, Anna Luana, Anna Rita, Anette, Antonia, Assunta,

Benedetta, Bianca, Brunella, Candida Nicoletta, Clelia, Carmela, Catia, Cecilia, Celeste, Concetta, Dana, Daria, Deborah, Desirée, Diana, Domiziana, Elenia, Emilia, Enrica, Erminda, Eugenia, Fedra, Felicia, Fiametta, Fiorella, Fiorenza, Flaminia, Floriana, Franca, Gaetana, Gianna, Giuditta, Giuseppina, Giusy, Gloriana, Heidi, Iris, Jessica, Jessica Alessandra, Katuscia, Lauretta, Lavinia, Leila, Letizia, Lisa, Loredana, Luana, Luciana, Luigia, Luisella, Marica, Mariella, Maria Daniela, Maria Dolores, Maria Filomena, Maria Gabriella, Maria Grazia, Maria Letizia, Maria Lisa, Maria Luisa, Maria Maddalena, Mariangela, Maria Nicoletta, Maria Raffaella, Maria Rita, Maria Rosaria, Maria Teresa, Marlena, Martina, Marzia, Marzia Elisabetta, Mery, Micaela, Mila, Moira, Nella, Novella, Oliva, Ombretta, Orietta, Ramona, Romina, Romina Maria, Rosalia, Rosangela, Rosanna, Rosaria, Rosina, Sabrina, Sara, Silvia Maria, Sestina, Stefania Virginia, Stella, Teresa Alessandra, Tullia — встречаются по одному разу.

Мужские имена в списке студентов были следующие:

- 1) Alessandro — 7 человек;
- 2) Stefano — 4;
- 3) Luca, Francesco, Massimiliano — по 3;
- 4) Alberto, Andrea, Claudio, Daniele, Fabrizio, Gian Luca, Marco, Mauro, Paolo, Simone — по 2;
- 5) Adriano, Alessandro Maria, Andrea Luca Mario, Antonio, Biagio, Damiano, Danilo, Dario, Edmond, Enrico, Ermanno, Ernesto, Fabio, Francesco Maria, Franco, Gino, Giorgio, Giovanni, Giulio, Lorenzo, Lucio, Manuel, Mario, Matteo, Maurizio, Mirco, Nicolt, Oliver, Paolo Maria, Piermaria, Raffaello, Riccardo, Rosario, Thomas Sebastian, Valerio, Vsevolod, Walter — по одному студенту.

Несмотря на ограниченность материала, результаты проведенного анализа весьма показательны. Обращает на себя внимание тот факт, что 107 женских имен и 37 мужских в списках встречаются только по одному разу

(144 имени из 221 — больше половины). Это не может не свидетельствовать об определенных чертах национального характера, в частности, о стремлении к индивидуализации, к выделению из общей массы. Можно отметить также заметные отличия от традиционного именника. Так, прежде популярные женские имена *Giuseppina*, *Teresa*, *Giovanna* засвидетельствованы всего по два раза, а имя *Rosa* — ни разу; ни разу не встретились и традиционные мужские имена *Giuseppe*, *Luigi*, *Angelo*, *Vincenzo*, *Pietro*, *Salvatore*, *Carlo*. Зато встретились тройные имена — одно женское и одно мужское (*Candida Nicoletta Clelia* и *Andrea Luca Mario*), о существовании которых вообще не упоминается в научной литературе, хотя известно, что при крещении количество имен может превышать и эту цифру.

Различия в рейтинге между новыми именами (имеются в виду имена последних поколений), приводимыми нами и Э. Де Феличе, объясняются прежде всего разницей во времени (10 лет), повлиявшей на ономастическую моду, а также, по всей видимости, региональным фактором: данные указанного автора характеризуют север Италии, наши — центр. Имя *María*, не отмеченное Э. Де Феличе, в нашем списке входит в число 14 наиболее частотных имен, а если учесть двойные имена, содержащие это имя, то оно бесспорно лидирующее.

Таким образом, сдвиги в итальянском именнике очевидны, но они не столько революционны, чтобы можно было говорить о коренных изменениях, поскольку в его основе лежат традиционные имена среднего рейтинга.

Для сравнения мы проанализировали также список студентов 2 — 4 курсов факультета романо-германской филологии Воронежского университета за 2000 год. В этом списке мы остановились на той же цифре, что и в итальянском списке — 466 человек (из них 411 девушек и 55 юношей), родившихся в основном в 1979–1982 гг.

В русском списке обнаружено 82 имени: 53 женских и 29 мужских. В среднем, таким образом, одно имя обслуживает почти 6 человек (5,6).

Среди женских имен (их 53 на 411 студенток) лидирующее имя — *Елена* (41 носительница), далее следуют *Ольга* (36), *Юлия* (35), *Екатерина* (33), *Ирина* (29); *Наталья* (30), *Анна* (23), *Татьяна* (25), *Марина* (16), *Светлана* (16). Эти десять имен составляют 69% всех использований женских имен.

Во вторую группу тоже входят 10 имен: *Оксана* (10), *Анастасия* (10), *Евгения* (8), *Валерия*, *Виктория*, *Инна*, *Людмила*, *Мария*, *Надежда*, *Яна* (по 6 студенток) — 16%.

Третью группу образуют 33 имени (15% от общего числа использования имен).

Из них 5 раз встретилось имя *Олеся*.

По 4 раза встречаются имена *Ангелина*, *Дарья*, *Жанна*, *Софья*.

По 3 раза: *Алла*, *Вера*, *Галина*, *Диана*, *Кристина*, *Нина*.

По 2 раза: *Александра*, *Алена*, *Валентина*, *Ксения*, *Лариса*, *Полина*.

Наконец, по одному разу встречается 16 имен: *Алиса*, *Ася*, *Арина*, *Алина*, *Альбина*, *Вероника*, *Дина*, *Зоя*, *Инесса*, *Карина*, *Лада*, *Лилия*, *Майя*, *Рита*, *Станислава*, *Ядвига*.

Несмотря на ограниченность, приведенный материал весьма показателен. Так, наиболее распространенные имена относятся к традиционному именнику. Из них некоторые, например *Светлана*, стали популярными лишь в XX веке. Заметно понизился рейтинг популярных в предыдущие десятилетия имен *Людмила*, *Валентина*, *Галина*, *Нина*. Выдвигаются имена, ставшие редкими к середине XX века: *Дарья*, *Софья*, *Ксения*, *Полина*, *Кристина*. Обращает на себя внимание наличие в именнике последних десятилетий украинских и диалектальных имен: *Оксана*, *Олеся*, *Алена*, *Арина*, а также гипокористических

образований: *Ася, Рита*. Из 53 имен только два можно признать экзотическими. Это польские имена *Станислава* и *Ядвига*.

Мужские имена (их 29 на 55 человек) распределились следующим образом. Самым популярным оказалось имя *Александр* — 6 студентов. Популярными оказались и имена *Денис* (5 человек), *Сергей* (4). По 3 раза встретились имена *Олег, Дмитрий, Михаил*; по 2 раза — *Алексей, Владимир, Евгений, Иван, Илья, Павел, Роман, Руслан*; по одному — *Антон, Артем, Андрей, Вячеслав, Владислав, Валерий, Всеволод, Виталий, Григорий, Даниил, Игорь, Кирилл, Максим, Никита, Юрий* (15 человек).

Показательны и эти данные, они отражают приверженность русского мужского именника традициям. Лишь одно из приведенных имен не содержится в святцах — *Руслан*, но и оно, освещенное А.С.Пушкиным, воспринимается как традиционное.

Еще более показательны приведенные данные в сопоставительном плане. Во-первых, еще раз повторим: одно итальянское имя «обслуживает» 2,1 чел., а русское — 5,6. Во-вторых, бросается в глаза диспропорция между наиболее употребительными и наименее употребительными именами обоих списков. Так, ведущее итальянское женское имя *Alessandra* зафиксировано 13 раз (то есть, имя *Alessandra* встречается в 13 раз чаще, чем имена, занимающие нижнюю ступеньку в списке), а ведущее русское *Елена* — 41 раз, то есть его носят 10 % студенток из рассмотренного списка! В итальянском списке по одному разу встречаются 144 женских и мужских имени, а в русском — 31.

Обращает на себя внимание тот факт, что в итальянском и русском мужских списках лидирует имя *Alessandro* — *Александр*, как и женский аналог этого имени *Alessandra* в итальянском списке, в то время как среди русских женских имен *Александра* занимает скромное ме-

сто, хотя в начале XX века это было одно из любимейших имен, которое давалось девочкам в честь императрицы.

Ограниченность русского именника — по сравнению с итальянским — компенсируется богатейшим деривационным потенциалом русских имен, обеспечивающим уникальную индивидуализацию человека, в том числе и со стороны его окружения. Одного и того же человека разные люди могут называть *Ваня, Ванек, Ванечка, Ванька, Ванюшка, Ваню, Джон, Джонни*. (Автору известен человек с таким набором именовании). Ср. также пример из романа Ю.Полякова «Грибной царь»: — Как тебя мама в детстве называла? — *Ишка*, — не сразу ответил смутившийся директор «Сантехюта». — Прикольно. А папа? — *Мишаастый*...

Сама же спрашивающая — юная студентка — называет героя романа *Микки* (его полное имя Михаил Дмитриевич). Другого персонажа этого романа — Владимира Вesselкина — друзья по военному училищу называют *Вонико* за пристрастие к цветистым тостам, но просматривается и другая коннотация: «кавказская предприимчивость». То есть в русских дериватах имен фиксируется не только модальность отношения окружающих к носителю имени, но и характеристики как называющего, так и носителя имени.

В целом, как ясно из изложенного, основная тенденция развития итальянского и русского именников совпадает: происходит активная ротация имен. При этом в итальянском именнике имеет место заметное количественное сокращение активно используемых имен; итальянский именник, однако, остается во много раз объемнее русского. В русском именнике тенденция к сокращению четко обозначилась гораздо раньше — в XVIII столетии и окончательно закрепились в конце XIX столе-

тия, тогда как сужение итальянского именника началось лишь в последние десятилетия XX века. Обновление именника в обоих языках происходит в основном за счет «ротации» имен в пределах традиционного ономастикона. В то же время итальянский именник проявляет большую восприимчивость к инновациям (в том числе к активным заимствованиям из русского ономастикона) по сравнению с русским. В русском именнике можно отметить незначительное расширение, обеспечиваемое как включением «в оборот» традиционных имен, так и некоторых иностранных (последнее относится в основном к женским именам).

ЛЕКЦИЯ VII

ИСПАНСКИЙ ИМЕННИК: ИСТОКИ, ТИПОЛОГИЯ ИМЕН, ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Испанское антропонимическое пространство — как и итальянское — весьма разнообразно по происхождению. В нем смешались иберийские, латинские, еврейские, германские, греческие, французские, итальянские, каталанские, славянские, арабские, цыганские и другие элементы.

В дороманский период на Иберийском полуострове существовали и взаимодействовали две системы имен: иберийская и индоевропейская (преимущественно кельтская), наличествовали также имена неясного происхождения [Albertos Firmat, XXI — XXIII]. Иберийские антропонимы (под ними мы понимаем и баскские) имеют широкое хождение по всей Испании. Баскскими по происхождению являются имена Velasco, Vasco, Blasc < Belasco (склон горы); Vegosa > Vegoina (вершина)¹. Баскские имена Garsea и Xemenpo сохраняются в распространеннейших фамилиях Garcna и Jimñez. В настоящее время популярны баскские имена Ainoha (Ainhoa), Arbnzazu, Hcigo, Lourdes. Что касается древних иберов, то от них осталось, пожалуй, одно имя — Indolecio [Albaigñs 1995, 23; об иберийском компоненте испанской антропонимии см.: Albertos Firmat, 259–274].

Самый обширный слой испанской антропонимии — латинский, он представляет собой естественное развитие латинской ономастики. Романское начало господство-

¹ Не смешивать это имя с именем Vegonia. Vegonia — американский цветок, названный в честь политика М. Бегона (M. Begon), французского губернатора Ла Эспаньолы — так назывался остров Гаити в XVII в.ск.

вало при «переплавке» всего антропонимического материала Иберийского полуострова. Альбайхес приводит около 1360 имен латинского происхождения [Albaigis 1995, 14], но если считать, что большинство имен в испанском языке изменяется по родам, то их гораздо больше: Aurelia — Aurelio, Benita — Benito и т.д. Известно, что собственно латинских имен (praenomina) было очень мало — от них в испанском языке остались, пожалуй, только Marcos, Lucio, Lucna, Gayo, Quinto, Octavio.

В испанском языке, как и в других новороманских языках, именами становились латинские nomina и cognomina (Adriano, Anton, Antonio, Aurelio, Camilo, César, Cecilia, Claudio, Constancio, Emilio, Fabián, Fausto, Ignacio, Marcelo, Martín, Maximus, Rufino, Sergio, Silvio, Valentino, Valeriano, Virgilio), а также поздние латинские имена периода империи (Paolo, Alba, Araceli, Beatriz, Cayetano, Clara, Eloy, Esmeralda, Facundo, Gemma, Germán, Hilario, Laura, Laureano, Leyn, Liberto, Lilia, Pelayo, Pio, Plácido, Romeo, Rosa, Victor, Victoriano, Vidal), к agnomen Augustus восходят имена Agustín и Augusto. На латинской основе образовались и собственно христианские имена, чаще всего с аугуральным значением: Amedeo, Amado, Amador, Aurora, Benito, Bonifacio, Cristian, Cristina, Cruz, Domingo, Esperanza, Estela, Félix, Fidel, Flor, Gloria, Gracia, Fortunato, Margarita, Natalia, Renato, Salvador, Virginia.

Между выделенными разрядами латинских имен весьма условная граница. Так, имена Mauro, Mauricio, Modesto, Pío, Vidal, соответствующие поздним cognomina Maurus, Mauritius, Modestus, Pius, Vitalis, мы отнесли к именам, произошедшим от личных имен периода империи на том основании, что именно в качестве личных имен данные единицы имели наибольшее распространение. На подобном основании латинские имена периода империи Fidel, Félix, Margarita можно рассматривать как аугуральные.

Имена Primo, Segundo, Quinto, Octavio, Fermín в Риме означали Первый (сын), Второй, Пятый, Восьмой, Последний. В современном ономастиконе (чаще всего Латинской Америки) эти антропонимы не всегда обозначают последовательность рождения ребенка. От латинских имен происходит и значительная часть испанских фамилий: Pérez < Pedro, López < Lope < Lupus, Márquez < Marco, Martínez < Martín и др.

Греческие имена попадали на испанскую почву двумя путями. Первый источник — Новый Завет, составленный (кроме Евангелия от Матфея) на греческом языке. Так оказались в испанском именнике имена Priscilla, Filemón, Eusebio и многие другие; они были признаны католической церковью. Второй источник — греческая мифология и литература: Afrodita, Casandra, Helena и др. Часть таких имен вошла в святцы (Helena, Ipylito, Inés, Jacinto), другая не была признана церковью (Afrodita, Никтор, Casandra, Dafne, Cloe).

Вот наиболее частотные имена греческого происхождения: Agata, Aglae, Наудей (имя, которое использовали в своих произведениях Байрон и Дюма-отец), Alejandro, Ambrosio, Anastasio, Andrés, Angel, Arcadio, Arnstides, Arsenio, Artemio, Arturo, Basilio, Calixto, Carina, Catalina, Celena, Cintia, Cirilo, Cristybal, Delia, Helena, Esteban, Eugenio, Evaristo, Felipe, Gregorio, Ниркулес, Isidoro, Jorge, Jernimo, Lidia, Macario, Mynica, Nicanor, Nicolás, Ofelia, Porfirio, Selena, Sofía, Tecla, Tomás, Verónica, Xenia. Греческие имена активно смешивались с латинскими, и в ряде случаев трудно решить, является латинским или греческим тот или иной оним, например Pedro. Известно, что настоящее имя апостола Петра было Симон; сам Христос, согласно Евангелиям от Матфея и Иоанна, поменял его имя на арамейское Кефс, что означает «камень», в переводе на греческий и латинский, соответственно, Pétros и Petrus.

Х.М. Альбайхес приводит имена Bbrbara, Esmeralda, Hilaria (ср. русское «Илларион»), Pelayo (<Pelagius, ср. русское «Пелагея») в списке латинских имен. Основанием послужило, вероятно, то обстоятельство, что эти они-мы греческого происхождения долгое время присутствовали в латинском именнике и латинизировались.

Важное место в испанской — как и в любой христианской антропонимии — занимают еврейские имена, пришедшие из Ветхого и Нового Заветов: Ada, Adbn, Ана, Bartolomй, Belйн, Benjamin, Carmelo, Daniel, David, Dйbora, Elnas, Eliseo, Ester, Eva, Ezequiel, Gabriel, Gedeуn, Jacobo, Jaime, Jesъs, Joаquнn, Josй, Juan, Judit, Lбzaro, Лна, Magdalena, Manuel, Marta, Matnas, Melchor, Miguel, Noй, Rafael, Rubйн, Samuel, Samsyn, Sara, Simyn, Susana. Некоторые еврейские имена лишь совсем недавно пришли в испанский именник из протестантских стран: Noemн, Raquel, Rebeca.

Весьма обширен круг имен германского (преимущественно готского) происхождения. Использование германских имен, как и в Италии, достигает своего пика в IX–X веках. Во второй половине XX века в обращении находились следующие имена германского происхождения: Adela, Adelaida, Adolfo, Alberto, Alfonso, Alfredo, Alicia, Alonso, Anselmo, Baldomero, Bernardo, Berta, Blanca, Braulio, Bгngida, Carlos, Clotilde, Elvira, Enrique, Hermenegildo, Genoveva, Gerardo, Gertrudis, Gervasio, Gilberto, Gilda, Gonzalo, Guillermo, Gutierre, Herminia, Federico, Fernando, Hernбn, Leonardo, Leopoldo, Linda, Manfredo, Matilde, Orlando, Yscar, Raimundo, Ramiro, Ramyn, Raуl, Ricardo, Roberto, Rodolfo, Rodrigo, Roldбn, Romualdo, Roque, Rosalinda, Rosamunda, Ubaldo. От германских имен образовалось много фамилий на -ez: Blvarez, Gonzбlez, Gutiйrrez, Fernбndez, Hernбndez, Ramнrez, Rodriguez. Готского происхождения и фамилии Ruiz, Gymez, Subrez, Flyrez, восходящие к исчезнувшим

и употребления именам Ruy, Goma (Gomaro), Suaro, Froila.

Имеется и ряд арабских антропонимов, которые сохранились, несмотря на запрет церкви на мусульманские имена, порой и благодаря церкви. Так, женское имя Almudena — арабского происхождения, от арабского топонима Almudaina (маленький город), место, где явилась Божья Матерь Альмудена (Магна de Almudena) — покровительница Мадрида. Имя Fбtima стало популярным после явления Божьей Матери в одноименном португальском селении. Одно из самых распространенных женских имен Мексики Guadalupe происходит от топонима арабского происхождения: в месте, называемом Guadalupe (оно находится в провинции Эстремадура), явилась Богородица, в ее честь появилось имя Магна de Guadalupe. В настоящее время Божья Матерь Гуадалупе — покровительница Мексики и Латинской Америки. Соответственно, имя Guadalupe одно из распространенных женских имен в Мексике. Это связано с тем, что Христофор Колумб был глубоким почитателем этого образа Богородицы, который находился в его каюте во время во время путешествия и вместе с ним прибыл в Новый Свет. Вот еще несколько имен арабского происхождения: Azucena, Jazmнn, Zulima.

Имеется и ряд французских имен Coleta, Nicoleta, Anais, Desirйe, Renй. Популярно итальянское имя Sandra / Sandro. Распространены шотландские имена Anabel, Fiona, Jйssica, а также английское имя Vanesa, придуманное Дж. Свифтом как диминутив для *Esther Vanhomeringh*. Особое место занимают русские имена: Olga, Natacha, Ivбn (от этого имени образован и женский вариант — Ivana), Boris, Katia (и даже Katiushka — по имени героини популярной сарсуэлы, разновидности испанской оперетты), Dunia, Ludmila, Mila, Gala (так было принято называть Галину Дьякову — супругу Сальвадора Дали),

Nadia, Sonia, Tania, Tatiana, Igor, Yuri. Большинство женских имен русского происхождения, как видно из примеров, используется — как и в Италии — в диминутивной форме и появилось на испанской почве совсем недавно, равно как и иностранные имена в целом. Наиболее распространенные русские имена — Olga, Sonia, Ivbn. Утверждая, что это русские имена, мы имеем в виду их русскую огласовку, поскольку, например, Natacha < Natalia — имя латинское по происхождению; Sonia < Sofia — греческое и т.д. Эти имена содержатся также в католических календарях.

В испанском именнике наличествует и имя Vera, но его этимология толкуется двояко: как производное от латинского verus «настоящий» (Vera Cruz) и как русское Вера (ф). Используются польские имена Casimiro и Estanislao, Wenceslao, также Nepomuceno (ср. украинское Непомука — болтун). Этот антропоним встречается в рассказе А.Паласио Валдеса «Vida de canynigo».

В последние десятилетия в Испании получили распространение и региональные имена, некогда находившиеся под запретом, которые могут быть как вариантами испанских имен, так и оригинальными именами. Примеры баскских антропонимов мы уже приводили, приведем каталанские: Monserrat, Fiveller, Oriol; галисийское Breogan; гуанчи Ugranfir, Dacil.

Цыгане пользуются не только испанскими именами, но и цыганскими вариантами испанских имен: Adonay — Manuel, Bandoín — Bernardo, Corpincho — Rombn, Inosea — Ignacio, Jardany — Juan, Burjachiqun — Barbara, Chimucann — Gloria, Chocoronь — Remedios, Dundunn — Clara.

Итак, в этимологическом отношении палитра имен, используемых в Испании, представляет довольно пеструю картину, которая оформилась по фонетическим и грамматическим законам испанского языка. При этом,

имели место разнообразные фонетические процессы: метатезы (Roldbn < Rolando), диерезы (Payo < Pelayo; Ruy < Rodrigo), протезы (Esteban < Stefan) и пр. Фонетический фактор по-разному действовал в различные эпохи и в разных регионах Испании, что обеспечило широкую вариативность испанских имен: Fernando — Hernando — Fernbn — Hernbn; Santiago — Diego; Rodrigo — Ruy; Aznar — Acemaro — Adelmaro — Ademaro.

Грамматический фактор действовал в направлении дифференциации рода и соответствующего внешнего оформления имени. В результате большинство испанских имен имеют морфологически оформленный вариант мужского и женского рода: Andrés — Andrea, Juan — Juana, Bernardo — Bernarda, Enrique — Enrica (Enriqueta), Jonь — Josefa (Josefina), Benito — Benita, Carlos — Carla (Carlota), David — Davidia, Domingo — Domьnica, Elnas — Illia, Eloy — Eloina, Ernesto — Ernestina, Guillermo — Guillermina, Lucio — Lucna, Pedro — Petra, etc. Некоторые родовые пары свойственны лишь диалектам (Bernabь — Bernabela). Как видим, способы образования родовых пар разнообразны. Наиболее своеобразно реализуется противопоставление мужского и женского рода в именах славянского происхождения: Estanislao — Estanislaa (Estanislb, реже гиперкорректная форма Estanilada), Wenceslao (Wenceslao) — Wenceslaa (Wenceslb, Wenceslada). Отметим, что появление парных имен объясняется той же причиной, что и в Италии — бедностью средневекового именника. Но имеется и различие: в Италии парные имена — явление более регулярное, чем в Испании. Есть, как указывалось, несколько имен общего рода, более характерных, однако, для Латинской Америки: Martirio, Cruz, Sacramento, Trinidad.

Яркой национально-культурной особенностью испанского именника является наличие в нем женских имен, обозначающих Богородицу (см. ниже). Это составные по

структуре имени, первый компонент которых — *Магна*, а второй, присоединяемый предлогом *de* — название места появления Божьей Матери или ее характеристика (призвание, проявление): *Магна del Carmen* (название горы в Палестине), *Магна de Guadalupe* (топоним), *Магна de Lidyn* (топоним), *Магна de las Nieves* (снега), *Магна de Monserrate* (топоним), *Магна de la Natividad* (рождество), *Магна de la Luz Divina* (Божественный свет), *Магна de la Soledad* (одиночество), *Магна del Pilar* (столб), *Магна del Camino* (дорога), *Магна del Socorro* (помощь), *Магна de los Dolores* (страдания), *Магна de las Angustias* (печали), *Магна de los Milagros* (чудеса), *Магна del Consuelo* (утешение), *Магна de los Remedios* (избавление), *Магна del Amparo* (прибежище), *Магна del Rosario* (четки), *Магна de la Concepcion* (зачатие), *Магна de la Gloria* (слава). По форме и духу такие имена напоминают названия православных икон: Богоматерь Казанская, Отрада, Утешение, Нечаянная Радость, Знамение, Живоносный Источник и др.

Компонент *Магна* на письме обозначается обычно аббревиатурой *Mg*. Предлоги и возможный артикль могут опускаться и возникают имена типа *Магна Carmen*, *Mari Carmen*; *Магна Guadalupe*; *Mari Nieves*, *Магна Nieves*; *Магна Dolores* и т.д., которые могут использоваться как самостоятельные имена. Более того, пропуск связующих элементов может сопровождаться переосмыслением внутренней формы таких имен. Так, имена *Mariluz*, *Marisol* ассоциируются с морем (*mar*), светом (*luz*) и солнцем (*sol*), хотя восходят к составным онимам, прошедшим следующие этапы, соответственно: *Магна de la Luz Divina* (Мария Божественного Света) > *Магна de la Luz* > *Магна Luz* > *Mariluz* (море и свет); *Магна de la Soledad* (Мария Одиночества) > *Магна del Sol* (Мария Солнца) > *Магна Sol* > *Marisol* (море и солнце). В результате имена с яркой религиозной внутренней формой по сути превращаются в языческие.

Первый компонент — *Магна* — часто опускается, и в обычной жизни функционирует только второй: *Dolores*, *Carmen*, *Angustias*, *Lidyn*, *Nieves*, *Remedios*, *Concepcion*, *Camino*, *Pilar*, то есть *Магна* функционирует как «нулевое» имя. Как явствует из списка составных имен, с грамматической точки зрения второй компонент представляет собой существительное мужского или женского рода, как единственного, так и множественного числа. Внешняя форма таких онимов вступает в противоречие с основной — парной — моделью испанского имени, предполагающей наличие мужского и женского вариантов, четко различающихся морфологически (*Juan* — *Juana*, *Antonio* — *Antonia*).

Тем не менее, указанная противоборствующая тенденция, заключающаяся в отклонении от парной модели имени, тоже сильна в испанском языке. Эта тенденция поддерживает функционирование в обществе имен «необычных» с точки зрения внешней формы, чаще всего не содержащих морфемы рода, либо содержащих их нейтрализованные реализации. Ср.: *Arbuzazu*, *Menchu* — женские имена, *Josechu* — мужское; *Araceli*, *Nati* — женские имена, *Icaki* — мужское имя; *Borja*, *Chema* — мужские имена (несмотря на то, что оканчиваются на -a), а *Dolo*, *Chago* — женские, несмотря на то, что оканчиваются на -o.

Наличие имен типа *Chema*, *Dolo*, по мнению Э. Лоренцо [Lorenzo, 68], расшатывают не только категорию рода в целом, но и категорию числа (*Dolores*, *Remedios*). Мне представляется, что это слишком категоричное заявление, поскольку подобное явление — внешнее неразличение грамматического рода и нейтрализация конечных гласных «o» и «a» (в смысле выражения родовых противопоставлений) — уже давно имеет место и в сфере нарицательных существительных, не затрагивая в целом оппозицию «мужской род» / «женский род»: *la flor* —

el rumor; la mano — el Papa, el tema. Ср. также существительные единственного числа, имеющие форму множественного: el limpiabotas, el paraguas. Еще А. де Небриха в конце XV столетия, учитывая противоречия в выражении грамматического рода, выделил 7 родов испанских существительных: мужской (el hombre), женский (la muger), средний (lo junto), общий двойной (el infante, la infante), общий тройной (el fuerte, la fuerte, lo fuerte), сомнительный (el color, la color) и смешанный, то есть когда одно слово обозначает представителей обоих полов (el raton, la paloma) [Nebrija, 175–176]. Тем не менее, несмотря на наличие целого ряда случаев нейтрализации показателей рода, противопоставление «мужской род/женский род» остается наиболее яркой оппозицией испанского имени: piso — pisa, chico — chica, maestro — maestra, равно как и оппозиция «единственное / множественное число».

На мой взгляд, наличие значительного количества личных имен (в том числе диминутивных и гипокористических), не «подчиняющихся» магистральной тенденции испанского языка в противопоставлении рода и числа, еще раз свидетельствует об особом статусе антропонимов как класса слов.

По существующему законодательству у испанца может быть одно или два имени, регистрируемых официально. Имя (или два имени) и две фамилии образуют полный антропоним. В средних слоях общества при крещении ребенку, согласно традиции, может даваться от одного до трех имен; в высших слоях число имен увеличивается. В сельской местности существует обычай давать ребенку первое имя по линии отца, второе — по линии матери, третье — по усмотрению священника (Enciclopedia de la cultura esparcola, М., 1963, «Nombre»). В результате официально зарегистрированное имя отличается от дан-

ного при крещении и в реальной жизни (особенно в семье и в ближайшем окружении) человека могут называть совсем не так, как значится в удостоверении личности.

В результате многовековой эволюции в Испании сложилась уникальная антропонимическая традиция, выкристаллизовалась оригинальнейшая система личного именования. Формальная типология официально регистрируемых имен мне представляется следующей:

I. Простое имя: Juan, Miguel, Magna, Ana.

II. Сложное имя:

1) Двойное имя — два простых имени, соединенных дефисом: Juan-Carlos, Ana-Magna, Magna-Antonia, Josй-Antonio, Josй-Luis, Rosa-Magna, Magna-Bngela, Magna-Cristina. Следует отметить, что постановка дефиса часто остается лишь пожеланием Гражданской Регистрации, поскольку даже словари пренебрегают этим правилом. Первым компонентом двойного мужского имени этого типа чаще всего являются в Испании Josй, Juan, Francisco (соответственно, 18,3%, 6% и 5,7% от общего количества использования этих имен) [Albaigйs 1984, 78]. Josй может выступать в качестве «нулевого» имени. Автору знакомы испанцы (представители старшего поколения), которых называют Luis при полном имени Josй Luis; при этом первый компонент имени как бы «подразумевается». Остальные имена в качестве первого используются реже. Напротив, в Латинской Америке подобных ограничений не существует, и двойное имя может быть любым по составу: Carlos Alfredo, Roberto Carlos. Что касается женских имен, то обязательным компонентом двойного женского имени является Magna. В Италии, как известно, наблюдается большая свобода в сочетаемости компонентов сложных имен.

2) Составное имя. О составных именах уже говорилось выше: это имя Богородицы — Magna, сопровождае-

мое указанием на место ее появления или ее характеристику: *Magna del Carmen*, *Magna del Pilar*, *Magna de los Dolores*, *Magna de las Angustias*. В испанской антропонимической традиции такие имена имеют особое название — *advocaciones marianas*. С одной стороны, составные имена проявляют тенденцию к переходу в разряд двойных имен. Так, имена *Magna Gloria*, *Magna Victoria*, восходящие к *Magna de la Gloria*, *Magna de la Victoria*, с точки зрения состояния современного испанского имени можно рассматривать как соединения двух простых имен. С другой стороны, первый компонент составных имен (*Magna*) является принадлежностью официальной сферы функционирования полного имени, в реальной же жизни используется только второй (*Remedios*, *Pilar*, *Camino*, *Dolores*, *Socorro*), то есть первый компонент *Magna* в таких случаях выступает как «нулевой» оним. Составные имена в настоящее время выходят из моды; пик их популярности приходится на период между 1900–1940 гг.; в последующие десятилетия наблюдалось неуклонное снижение их рейтинга. «Нулевое» имя — ярчайшая черта испанской антропонимической системы.

3) Гибридные имена. К ним относятся мужские имена со вторым компонентом *Magna* и женские имена со вторым компонентом *Jesús* или *José*: *José Magna*, *Jesús Magna*, *Juan Magna*, *Magna Jesús*, *Magna José*. Итальянские гибридные имена, как указывалось, более свободны по составу.

III. Смешанные имена. Это слияние двух имен в одно; при этом второе имя часто выступает в усеченной форме: *Maribel* < *Magna Isabel*, *Marisa* < *Magna Luisa*, *Alvarando* < *Blvaro + Fernando*; *Analna* (*Ana+Lna*), *Mariana* < *Magna + Ana*, *Marica* < *Magna + Mynica*, *Marinys* < *Magna + Inys*, *Martana* < *Marta + Ana*, *Marisol* < *Magna + Soledad*, *Mariluz* < *Magna de la Luz*.

Обилие сложных имен объясняется низкой различительной силой обычных испанских имен. В самом деле,

имя *Magna* настолько распространенное, что нуждается в дополнительных индивидуализаторах. Более половины жительниц Мадрида в настоящее время носят сложные имена, то есть называются *Мариями*; в Барселоне — наполовину меньше [Albaigis 1995, 82]. Отметим, однако, что *Мариями* они числятся чаще всего на бумаге, так как обычно пользуются лишь второй частью имени: «Имя *Magna* отдельно встречается редко, почти всегда оно выступает в сочетании с другим именем» [Dolz, 405]. В до-революционной России это имя тоже стояло на первом месте. [Бондалетов, 1976]. Имя *Magna*, довольно редкое в эпоху раннего христианства, в средние века становится лидирующим [Kremer, 1610], а в XX веке становится в Испании почти нарицательным и используется в качестве синонима слова *mujer* (женщина). Именно так в сельской местности торговцы на рынке зазывают покупательниц: *¿Magna, Magna!*

Самое распространенное сложное (составное) женское имя *Magna del Carmen* или в обиходе просто *Carmen*; мужское — гибридное *José Magna*; далее следуют сложные имена *José Luis*, *José Antonio*. Следует отметить, что женщинам сложные и смешанные имена дают чаще, и их репертуар гораздо богаче. Обычай давать сложные имена возник в Испании в средние века — в эпоху преобладания небольшого количества «модных» христианских имен — и имел, в первую очередь, прагматическую направленность дифференцировать имя и лишь во вторую очередь — дать ребенку двух святых покровителей. Этот обычай широко распространился по всей Европе, особенно во Франции, где впервые появились гибридные имена, то есть имена совмещающие мужской и женский компоненты; такие имена стали очень популярными и из Франции попали в Испанию. Но, в отличие от Франции, в Испании их список ограничен: *José Magna*, *Jesús Magna*, *Juan Magna* и *Magna José*, *Magna Jesús*. По-французски же

для первого компонента ограничений нет: Philippe-Marie, Charles-Marie и др. Как было показано выше, в Италии таких имен тоже значительно больше. Нынешний король Испании — первый король, носящий двойное имя, равно как и последние папы: Giovanni Paolo (Juan Pablo) I и Giovanni Paolo (Juan Pablo) II.

Имя, как известно, используется прежде всего в семье, а также в ситуациях неформального симметричного или несимметричного общения (от старшего к младшему, как в возрастном, так и в социальном плане, хотя в настоящее время в Испании возможно обращение по имени и от младшего к старшему, см. ниже). Имя может выступать в виде целого ряда вариантов — обиходных имен (гипокористических форм) и диминутивов. Знание обиходных форм имени — важнейший компонент владения любым языком. Обиходные формы в совокупности с именем и фамилиями составляют парадигму испанского антропонима.

Обиходные формы и диминутивы образуются следующими способами:

1) путем усечения основы. При этом могут иметь место: а) апокопа: Rafa < Rafael, Reme < Remedios; б) афреза: Rat < Monserrat, Cio < Concepción; Berto < Alberto;

2) путем суффиксации: Ana — Anita; Pedro — Pedrito;

3) супплетивным способом: Paco < Francisco; Pepe < José; Lola < Dolores. К супплетивной или усеченной основе (часто представленной лишь одним согласным) могут добавляться аффиксы: Charito < Rosario, Sito < Alfonso; Fito < Alfredo; Ito < Arturo;

4) иногда используется удвоение одного из слогов основы: Fafa < Rafael [подробно фонетические процессы при образовании диминутивных и кратких форм рассматриваются в: Buesa Oliver, 1613–1639];

5) в последние десятилетия приобрели популярность формы на -i, -u, появившиеся под влиянием иностранной ономастики и распространившиеся благодаря массовой культуре.

Ниже приводятся наиболее употребительные испанские имена и их обиходные и диминутивные формы.

Мужские имена:

Adolfo — Dolfo, Fito;
 Agustín — Tin, Tino;
 Alberto — Berto;
 Alejandro — Alejo, Alex, Jandro;
 Alfonso — Al, Alf, Sito, Fonso, Foncho;
 Alfredo — Alfi, Fito, Fredo, Fredi, Freddy;
 Andrés — Andy;
 Engel — Gelo, Gelito, Angy;
 Antonio — Tonio, Tónico, Toco, Tony, Antyn;
 Arturo — Ito, Turo;
 Augusto — Cacho, Chucho;
 Aurelio — Auri;
 Benito — Beni, Nito;
 Bernardo — Berna, Nardo;
 Cristybal — Calito, Cris, Cristo, Lito;
 Daniel — Dani;
 Domingo — Domy, Mingo;
 Eduardo — Dado, Duardo, Duarte, Lalo;
 Enrique — Quique;
 Ernesto — Nesti;
 Esteban — Tebi, Steve;
 Eugenio — Geni;
 Federico — Deri, Freddy, Fede;
 Fermín — Mini;
 Fernando — Nando;

Francisco — Curro, Frasco, Frasuquito, Pасo, Paquirrнн,
 Quico;
 Gabriel — Gabi;
 Gerardo — Geri;
 Gonzalo — Gonsito;
 Gregorio — Grego, Orio;
 Guillermo — Guille, Guiller;
 Gustavo — Gusty;
 Ignacio — Nacho, Icaki;
 Jaime — Jaimito, Jimmy;
 Javier — Javi, Chavi;
 Jesús — Chus;
 Joaquнн — Quнн, Ino;
 José — Jose, Pepe, Bepo, Pepнн, Pepito;
 José María — Chema, Chemar, Chemari, Josema;
 Juan — Juanet, Juanillo, Juanete, Nito;
 Juan José — Juanjo;
 Juan Carlos — Juanco;
 Julio — Juli;
 Lorenzo — Enzo;
 Luis — Lucho, Isнн;
 Manuel — Manolo, Manolete, Mano, Nelo, Nelet;
 Marcos — Marco, Marc;
 Martín — Marty;
 Miguel — Mikel, Miky;
 Nicolás — Nico;
 Pablo — Paulo;
 Pascual — Pasquнн;
 Pedro — Pedннн, Perucho, Perico;
 Rafael — Rafi, Rafa, Rafles, Rafita, Fafa;
 Ramуn — Moncho, Rami;
 Raul — Uly;
 Ricardo — Richy, Ricky, Richard;
 Roberto — Bob, Berto;
 Salvador — Salvi;

Santiago — Santi, Yago;
 Teodoro — Teo, Doro;
 Tomás — Tom, Tommy;
 Valentнн — Val, Vale, Valen.

Женские имена:

Adela — Ada, Ela, Dela;
 Agustina — Tina, Tinita;
 Alberta — Berta;
 Alicia — Ali, Licia, Licy;
 Amalia — Amy, Lна;
 Amelia — Amy;
 Ana — Any, Ананс, Nana, Anusca;
 Ángela — Ange, Angi, Engel, Gelina, Gela, Gele;
 Antonia — Tonia, Toci, Toceta, Antonieta;
 Araceli — Celi;
 Ascensiуn — Ascнн, Chon, Chony;
 Asunciуn — Asнн, Sunsy, Tuta;
 Beatriz — Bea;
 Carmen — Menchu, Carmenchu, Maica, Tita, Mamen,
 Carmina, Carmica, Carmela;
 Carolina — Carol, Carola, Ina, Lina;
 Catalina — Alina, Ina, Caty;
 Cecilia — Ceci;
 Celia — Celi;
 Concepciуn — Concha, Conchi, Conchita, Conci, Conca,
 Pechina, Conchннн, Conchitннн;
 Consuelo — Lito;
 Cristina — Cris, Crista, Cristнн, Tina;
 Dolores — Lola, Loles, Loli, Lolita, Dolo, Doli, Doly, Marily,
 Maridolo;
 Elena — Ena, Lena;
 Elisa — Eli, Isa, Lisa;

Emilia — Emi, Mili;
 Encarnaciyn — Encarna, Encarni, Nita;
 Enriqueta — Queta, Queti;
 Eulalia — Laly, Ito, Lahh;
 Eva — Evi, Evita;
 Francisca — Fanny, Francina, Francis, Paqui, Paquita;
 Gloria — Oria,
 Inñs — Sita;
 Inmaculada — Ada, Inma;
 Isabel — Bel, Bela, Beli, Chabela, Chabeli, Isa, Babel;
 Jesusa — Chusa, Susa;
 Josefa — Sefa, Sefita, Pepa, Pepita;
 Josefina — Fefa, Fina, Josita, Pepa, Pepita, Nita, Sefi;
 Juana — Ana, Neta, Nita, Juanita;
 Judit — Judi;
 Julia — Juli, Lha;
 Lucna — Lucy;
 Luisa — Lui, Sita;
 Magdalena — Dali, Lena, Magda;
 Margarita — Margo, Daisy, Rita;
 Magna — Mari, May, Maruja, Maru, Mariona, Mariana;
 Magna Antonia — Marian;
 Magna del Carmen — Maica, Mayca, Maca, Mamen, Menchu, Carmina;
 Magna Isabel — Isabel, Mabel, Maribel;
 Magna Luisa — Marisa;
 Magna de la Luz — Mariluz;
 Magna de la Soledad — Marisol;
 Magna Teresa — Mariteri;
 Magna Victoria — Mari Vivi, Marivi, Mavi, Vivi, Vicky;
 Marina — Ina, Mar;
 Marta — Tita;
 Matilde — Maty;
 Mercedes — Mercñ, Merche;
 Milagros — Mila, Mili, Miluchi;

Mynica — Mona, Mony, Nica;
 Montserrat — Montse, Rat, Munsa, Montsita;
 Natalia — Natal, Natacha, Tali;
 Natividad — Nati, Navi;
 Nieves — Neusita;
 Nuria — Nuri;
 Pilar — Pili, Piluca, Piluchi, Pila, Pilagn, Aññ;
 Purificaciyn — Puri, Purita;
 Ramona — Monchita, Mona, Ona, Ram;
 Remedios — Reme, Remy, Mey;
 Roberta — Berta, Bertina;
 Rosa — Ros, Rosi, Rosita;
 Rosario — Charo, Charito, Sarito;
 Sara — Sari, Sarita;
 Soledad — Sole, Chole;
 Susana — Su, Susan, Susi, Ana;
 Teresa — Tere, Terry, Tessy;
 Trinidad — Trini;
 Valentina — Valen;
 Yolanda — Yoli.

Особенности испанских кратких и диминутивных форм следующие.

Во-первых, указанные формы стремятся к самостоятельности и со временем могут стать отдельными именами. Так произошло с именем Diego < Santiago. Так происходит с именами Lola < Dolores, Icaki < Icigo, Ignacio; Nana < Ana, Nacho < Ignacio, Concha < Conserciyn (ср. имя известной писательницы: Concha Espina)²; Mabel — сокращенное имя от Magna Isabel и самостоятельное имя; аналогично, Marisa < Magna Luisa; Alejo, Duarte — само-

² Интересна история происхождения этого гипокористического образования. Э. Лоренсо считает, что Concha происходит от Conchita (а не наоборот), а Conchita, в свою очередь, от итальянского Concetta [Lorenzo, 169].

стоятельные имена и диминутивы, соответственно, от Alejandro и Eduardo. Но такого размаха как в Италии данное явление на испанской почве не получило.

Во-вторых, разные испанские имена могут иметь одну и ту же краткую форму, которая может совпадать с полным именем. Например, Berta — отдельное имя и обиходная форма от Alberta, Roberta; Adela — отдельное имя и краткая форма от Adelaida и Adeltrudis. Ada — отдельное имя и сокращенное от Adela, Adelaida, Adelina, Adelia. Carmela — самостоятельное имя и уменьшительное от Carmen. Lena может быть сокращенной формой от Elena и Magdalena; Лна — от Amalia и Julia; Tina — от Agustina и Cristina и т.д. Кроме того, могут совпадать мужские и женские обиходные формы. Mili (Mily) может быть дериватом как от Emilia, так и Emilio; аналогично Angi (Angy) — от Bngela, Bngel и т.д.

В-третьих, репертуар обиходных кратких имен и диминутивов довольно беден по сравнению с русским языком. Ср., например, дериваты от имени Анна: Аня, Анечка, Анка, Анька, Анюта, Анютка, Анюточка, Нюра, Нюрка, Нюрочка, Нюся, Нюсенька, Нюша и др. При этом русские дериваты могут содержать сему «неуважительного отношения», «пренебрежения»: Колька, Анька, Нюрка, а также самые разнообразные коннотации, которые становятся понятными лишь в конкретной ситуации. Ср. такие дериваты: Колян, Витек, Ленчик, Шурик, Вовочка, Вовчик, Володька, Володяка и др. Гораздо разнообразнее деривация от личных имен и в итальянском языке. Испанский диминутив, по нашим наблюдениям, может содержать лишь возрастные и, так сказать, «габаритные» указания: Juanito, Manolnn — это дети или взрослые люди маленького роста, хотя в ряде случаев коннотация «маленький рост» сочетается с коннотацией «низкий социальный статус». Очень редко дериваты испанских имен могут содержать сему «неуважительного отношения»: No

es Magna, es Marija. Редко используются и увеличительные суффиксы: un Cristobalyn desnudo (Lorca).

Яркой характеристикой испанских диминутивов является то, что они используются для именования кумиров — популярных торепо, футболистов, певцов и певиц. Наиболее известный торепо 90-ых годов — Jesulnn (Jesús de Ubrique). Знамениты также Joselito (José Castro), Antocete (Antonio Jiménez), Chanito (Sebastián Martín Lorenzo), а также Manolete, Joselito, Icaki. Известную певицу Carу Монтель называют Sarita, певицу Лолу Флорес-младшую — Lolita; Rocinto (Rocío Carrasco) — дочь известной певицы и торепо, Kiko (Francisco) — игрок мадридского клуба «Атлетик».

Еще одна особенность испанских диминутивов и кратких имен состоит в том, что не все имена равноправны в этом отношении: у одних имен их больше, у других их меньше. Много дериватов у следующих имен: Dolores, Concepciy, Francisco, Francisca, José, Josefa, Josefina, Magna, Carmen, José Magna; они часто используются, хотя каждый случай использования / неиспользования диминутива глубоко индивидуален. Так, информантку Марию (53 года) всю жизнь звали Magna, редко в детстве Mari; информанта Alfredo (26 лет) никогда не звали Fredo, только одно время в школе его называли Alf по имени героя одного мультфильма; информанта Alfonso (28 лет) звали Sito непродолжительное время в раннем возрасте; информанта по имени Jesús (44 года) всегда называли только полным именем.

Как показало анкетирование, 6% опрошенных отметили, что их очень редко называли кратким именем; 20% заявили, что их никогда не называли уменьшительным именем; таким образом, в 26% случаев обиходное имя практически не употребляется. Респонденты подчеркивают, что краткие имена и диминутивы чаще используются среди друзей, чем в семье (соответственно, 30% и

26%). Более того, 90% опрошенных утверждают, что обычно их называют полным именем при несимметричном общении (преподаватель к студенту, учитель к ученику) или при общении с людьми, с которыми нет дружеской близости.

В русских социумах там, где принято обращаться по имени (без отчества) обычно используется один из дериватов имени. Использование исходной формы, например, в семье, как указывалось, означает начало серьезного разговора, является сигналом особой ситуации. Ср. мать сыну: «Владимир, подойди сюда, я хочу с тобой поговорить».

Наконец, обиходные имена, в частности диминутивы, чаще используются на американском континенте. Так, словарь Р.Д. Вудза (Woods) приводит гораздо больше обиходных имен по сравнению с испанскими словарями. Например, дериватов имени Adela у Вудза 5: Adita, Dela, Lela, Lita, Delita. Альбайхес (Albaigis 1995) приводит только 3: Ade, Ela, Dela.

Женские диминутивы Juanita и Glorita относятся к наиболее распространенным официальным именам среди мексиканцев, проживающих в США; они занимают, соответственно, пятое и шестое места, согласно рейтингу имен, приведенному Р.Д. Вудзом; в то время как исходный оним Juana занимает восьмое место в этом списке. Такое положение объясняется, в первую очередь, широким распространением в латиноамериканских вариантах испанского языка деривации с уменьшительными суффиксами.

Как дается имя человеку? Почему отдается предпочтение тому или иному имени? Длительное время в Испании, как и во всем христианском мире, существовал обычай давать имя по святым; при этом в связи с тем, что большинство испанских имен образуют родовые пары,

возможно, что одного и того же святого покровителя будет иметь и мужчина и женщина. Так, San Josй — покровитель всех Хосе, Хосеф (Josefa) и Хосефин (Josefina). Поскольку Josй — самое распространенное традиционное мужское имя, то день Святого Хосе является официальным праздником — Днем отца. Отметим, что популярным это имя стало лишь в XIX веке, когда папа Пий IX объявил Святого Иосифа покровителем Вселенского собора. Обычай давать имя по святым сохраняется в настоящее время в религиозных семьях. Альбайхес считает, однако, что этот обычай ушел в прошлое [Albaigis 1995, 100]. К.Гарсия Гальярин тоже отмечает отсутствие интереса к святым (el desinterйs por el santoral) [Garcia Gallarн 1998, 20].

Другая традиция наречения младенцев — по семейному имени в следующем порядке: по имени отца, матери, деда и бабушки по отцу, деда и бабушки по матери и т.д. [Enciclopedia de la cultura espacoла, «Nombres»]. Существует также обычай давать в каждом поколении определенное имя; например, мне известна семья, в которой первенца мужского пола принято называть Miguel. К.Гарсия Гальярин приводит результаты социологического опроса среди лиц, рожденных между 1961 и 1975 годами (преимущественно это были студенты университета). Из них 70% заявили, что их имена — продолжение семейной традиции (чаще всего их называли так же, как родителей или дедушек и бабушек, редко как дядей и других родственников) [Garcia Gallarн 1998, 20].

М.Молинер приводит также обычай называть новорожденного именами крестного отца и матери [Moliner, «Nombres propios»]. Древней является традиция наречения ребенка по обстоятельствам рождения: Noel, Jesъs, Natalia, Natividad — дети, родившиеся на Рождество; Reyes — 6 января (на праздник Reyes Magos); Fй,

Esperanza, Amor — 17 сентября и т.д. Распространен обы-
чай давать ребенку имя наиболее почитаемого в данной
местности святого. Так, имена Carmelo, Carmela распро-
странены в Сории, Nuria — в Каталонии. Имя Пилар наи-
более популярно в Сарагосе (в честь Марии дель Пилар);
женское Camino встречается исключительно в Леоне
(Virgen del Camino).

Х.Албайхес считает главным фактором при выборе
имени эвфонию [Albaigis 1995, 102]. В самом деле, эсте-
тический аспект имени очень важен, но является субъек-
тивным и преходящим: имена, звучавшие красиво не-
сколько лет назад (Marcelino, Laureano, Transfiguraciun,
Ramona), сегодня вызывают всеобщее неодобрение
(Albaigis 1995, 103). Фактор необычного звучания, как
указывалось, является весьма привлекательным для ис-
панца, что объясняет особую «тягу» к использованию
иностраных имен.

Наконец, важнейший фактор — мода. Этот фактор дей-
ствует по-разному. Существует, помимо моды эстетичес-
кой (эвфонической), так сказать, мода политическая.
Например, в конце XIX века существовала мода давать
имена по политическим убеждениям. Среди традицио-
налистов были популярны королевские имена Carlos и
Margarita; среди последователей Балдомеро Эспартеро —
имя Baldomero. Фалангисты любили давать сыновьям имя
José Antonio (в честь основателя фаланги José Antonio
Primo de Rivera). В настоящее время высокий рейтинг
имеют имена Sofía, Elena, Cristina (имена нынешней ко-
ролевы и инфант).

В средние века самым распространенным мужским
именем, по мнению Г. Тибона, было Gonzalo; оно было
таким популярным, что использовалось в качестве сино-
нима слова «муж» (marido): En casa de Gonzalo mbs puede
la gallina que el gallo [Tibyn, 2]. На наш взгляд, о степени

популярности тех или иных имен в средние века можно
судить по патронимическим фамилиям, появившимся в
указанную эпоху и сохранившимся по настоящее время.
Вот наиболее распространенные патронимические фами-
лии: Pérez, Fernández, García, López, Sánchez, Martínez,
Martín, González, Rodríguez, Gómez, Álvarez, Ruiz, Díez,
Gutiérrez, Jiménez, Muñoz, восходящие, соответственно,
к Pedro, Fernando, Garza, Lope, Sancho, Martín, Gonzalo,
Rodrigo, Goma, Blvaro, Ruy, Diego, Gutierre, Ximeno,
Muco.

Д. Кремер приводит списки наиболее употребитель-
ных имен из документов XIII века. Из общего числа муж-
чин (5 362), упомянутых в рассмотренных им докумен-
тах, 3880, то есть 72.36% носили 20 наиболее популяр-
ных имен. Это (в порядке частотности): Pedro, Domingo,
Juan, Martín, Pelayo, Fernando, Pascual, Miguel, Rodrigo,
Gonzalo, García, Muco, Gil, Sancho, Blasco, Sueiro,
Menendo, Vermudo, Gómez, Nuco [Kremer, 1609]. Как ви-
дим, имеются расхождения между списком патроними-
ческих фамилий и списком Д. Кремера, что естественно,
поскольку последний относится к определенному отрез-
ку времени, в то время как фамилии формировались ве-
ками. Из общего числа женщин (2 668) больше полови-
ны — 1 577 женщин, то есть 58.67% носили 14 имен:
María, Marina, Menga, Sancha, Urraca, Elvira, Mayor, Aurum
(Oro, Oria, Miouro, Orvellido), Abosinda, Gontrod, Sol
(Miasol), Juana, Duenna (Maduenna), Pascuala [там же,
1610]. Как явствует из этого списка, ряд имен полностью
исчез из женского именника.

Х.Альбайхес [Albaigis 1995, p.125] иллюстрирует эво-
люционные процессы испанской ономастики следующей
таблицей. Вот рейтинг мужских имен:

1363	1452	1640
Pedro	Juan	Juan
Bernardo	Pedro	Francisco
Guillermo	Antonio	Pedro
Francisco	Francisco	Miguel
Berenguer	Bernardo	Antonio
Jaime	Bartolomé	José
Ramón	Jaimé	Pablo
Juan	Guillermo	Jaime
Amaldo		Bernardo
Bartalomé		

В XX веке происходят следующие изменения в именовании испанцев (проценты приводятся не от всего корпуса имен, а лишь от 30 самых распространенных мужских и 54 женских имен (данные Альбайхеса [Albaigis 1995]):

	1900	1936	1970	1993
María	28,141	16,47	2,46	14,43
Ana	6,79	7,08	14,56	14,43
Marta	0,29	1,02	9,52	9,78
Ariadna	0,042	0,012	0,22	3,88
Carla	0,29	0,11	0,61	5,12
Carmen	15,05	0,21	9,70	0,85
Cristina	0,78	0,59	10,54	8,33
Dolores	11,81	11,44	3,33	0,08
Francisca	7,77	6,92	1,44	0,18

	1900	1936	1970	1988	1990
Jéssica	0,00	0,00	0,04	4,32	1,27
Josefa	13,48	13,05	5,23		0,05
Judith	0,07	0,02	1,24		4,91
Laura	0,59	0,47	5,06		11,90

	1900	1936	1970	1988	1990
Mercedes	8,85	7,26	5,12		0,59
Montserrat	2,65	7,56	10,21		1,06
Nuria	0,09	4,67	8,01		5,58
Sandra	0,00	0,02	1,09		4,86
Vanessa	0,00	0,02	0,16		1,03
Alberto	0,72	1,88	4,58		3,22
Ángel	1,74	2,27	1,43		0,47
Antonio	11,24	11,45	5,30		0,95
Bernardo	0,19	0,25	0,33		0,33
Carlos	1,55	2,20	7,24		2,63
Daniel	0,58	0,50	3,31	9,63	3,19
Enrique	2,71	2,87	2,74		1,04
Iván	0,15	0,01	0,40	4,14	0,97
Jaime	3,39	3,87	3,70		0,58
Joaquín	5,23	2,50	1,63		0,28
Jorge	0,19	4,29	11,25		4,19
José	27,51	21,82	14,67		2,20
Juan	15,31	13,01	11,00		3,05
Luis	4,45	4,77	3,64		1,46
Manuel	5,23	4,35	4,78		1,04
Miguel	5,23	4,35	4,32		1,81
Pedro	4,45	2,55	2,50		0,70
Rafael	2,51	2,51	1,55		0,31
Roger	0,19	0,23	0,44	2,58	0,75

После Гражданской войны в Испании были популярны женские религиозные имена (*advocaciones marianas*) *Marna del Rosario*, *Marna de la Visitaciyn*, *Marna del Amparo*, *Marna del Consuelo*, *Marna de la Encarnaciyn*, *Marna de la Concepciyn*, которые обычно использовались в редуцированных формах.

В 80-е годы начинается мода — в связи со снятием ограничений — на иностранные имена: Sandra, Jéssica, Vanessa, Jonatan, Andrea (в испанском языке оним с таким звучанием — женский, в итальянском — мужской),

Tamara, Nadia и т.д. Многие имена становятся модными благодаря телесериалам: Heidi, Davinia, Pamela, Kevin и др. Среди русских имен, данных в Барселоне, в 1993 году фигурируют мужские имена Ivbn (31 место), Alexis (131) и как редкие — Yuri, Boris, Igor, Maxim; среди женских имен — Sonia (33 место), Natalia (38), Tania (41), Olga (61), Tamara (89), Nadia (98), Irina (117); как редкое отмечено имя Raissa.

Как видно из приведенных цифр, Магна в конце XX века продолжает лидировать в женском именнике. Любопытно, что ни в США, ни в Великобритании имя Mary не входит в 50 наиболее употребительных имен [Dunkling 1993]. В то же время в среде американцев мексиканского происхождения это лидирующее имя, причем в двух вариантах — испанском Magna и английском Mary; первый вариант занимает первое место среди всех женских имен; второй — третье место [Woods, 162]. Популярность имени Magna — важнейшая социокультурная особенность испанского мира и объясняется глубоким почитанием Богородицы. Мужской вариант этого имени Mario занимает в Латинской Америке пятое место после следующих имен: Josй, Juan, Miguel, Jesъs.

Что касается испанских мужских имен, то заметна тенденция к снижению доли Josй в мужском именнике; интересно также то обстоятельство, что среди мужских имен в настоящее время нет абсолютно лидирующих, то есть идущих «с большим отрывом» от остальных имен; в начале же века таким именем было Josй.

Приведенные выше данные отражают ситуацию в Барселоне, хотя в целом характерны и для всей Испании. Единственная особенность антропонимической картины в Барселоне — лидерство Jorge — святого покровителя Каталонии. Аналогично объясняется популярность в этом регионе и женского имени Montserrat: так называется одно из наиболее почитаемых мест явления Богородицы. Име-

ющиеся региональные различия в предпочтении тех или иных онимов практически не затрагивают основной костяк наиболее частотных испанских имен.

Имеются и социальные особенности использования имен. Альбайхес и Гарсия Гальярин отмечает, что Demetrio; Camilo, Matnas, Tomasa, Nicolasa, Casimira, Ricarda — сельские имена. Курезный случай: молодой русский переводчик по имени Дмитрий представился группе испанских туристов как Demetrio, что вызвало смех, поскольку испанское имя в этой ситуации звучало комично. Напротив, имена имущих слоев послевоенной Испании — Josй Antonio, Francisco, Juan Bautista, Pilar, Carmen [Abaigйs 1995, 224; Garcнa Gallarrн 1998, 8].

Под влиянием сентиментальных журналов стали популярными имена Juan Carlos, Cйsar, Jorge, Sofнa, Isabel; Tamara. В фильмах Bautista, Gastyn, Ambrosio — шоферы или мажордомы; Tomasa, Petra — служанки; Alejandra, Blvaro, Sergio, Angelina, Paulina, Carolina — хозяйка дома [Abaigйs 1995, 102].

В последние десятилетия двадцатого столетия произошли коренные изменения в антропонимических пристрастиях испанцев. Ниже мы приводим рейтинг имен, данных детям в Барселоне в 1993 году и в Мадриде в 1994 году.

Barcelona	
Мужские имена	Женские имена
Marcos	Ana
Jorge	Laura
Sergio	Marta
Alberto	Andrea
Daniel	Cristina
Adrián	Sara
Juan	Patricia
Alejandro	Alba
David	
Victor	

Madrid

Мужские имена	Женские имена
Alejandro	Andrea
Héctor	María
Miguel	Cristina
Jonatán	Irene
Diego	Laura
Adrián	Andrea
Iván	Paula
Lucas	Luca
Sergio	Ana
Javier	Marta
Kevin	Carla
	Tamara
	Elena

Как видим, имя José выпало из числа любимых мужских имен (в Барселоне и Мадриде), а Anna, Montserrat — из числа женских (в Барселоне). Произошло изменение и в самом наборе наиболее популярных имен. Так, исчезли Pedro, Antonio, Manuel, Luis (Барселона, Мадрид), Juan (Мадрид), но появились имена с неиспанским написанием (Kevin) и неиспанской произносительной нормой: Jonatán произносится как [Yonatán] вместо ожидаемого [Xonatán]. В число частотных имен попали имена, не входящие в святцы (Héctor, Alba). Самое интересное заключается в том, что появляются значительные региональные различия в наборе популярных имен. Ср.: в мужских списках совпадают только 3 имени (Sergio, Alejandro, Adrián). (Кстати, в итальянском именнике последних десятилетий имя Alessandro тоже является лидирующим). В целом же в антропонимии населения Барселоны превалируют традиционные имена.

	Мужские имена		Женские имена	
	1983	1994	1983	1994
José	1	1	María	1
Juan	2	2	Montserrat	2
Jorge	5	3	Ana	3
Francisco	3	4	Rosa	4
Antonio	4	5	Carmen	5
Jaime	6	6	Mercedes	6
Ramón	7	7	Nuria	8
Manuel	9	8	Josefa	8
Pedro	8	9	Teresa	9
Javier	12	10	Dolores	11

В настоящее время система личного именования в Испании претерпевает кардинальные изменения. И дело не только в том, что наблюдается экспансия региональных и иностранных имен (например, в 2004 году высокий рейтинг среди новорожденных имели имена *Iván, Alex, Marc, Iker, Pau, Joel, Nerea, Ainhoa, Laia, Aitana, Aroa*), сколько в том, что происходит, так сказать, «выравнивание» типологии личного имени по англосаксонской модели: уменьшается доля двойных и гибридных имен, исчезают составные имена (*nombres marianos*). Так, среди 105 имен с наиболее высоким рейтингом, присвоенных детям в 2004 году мужские двойные имена *Miguel Engel, Francisco Javier, Josú Antonio, Josú Manuel, Josú Luis, Juan Josú, Juan Manuel, Juan Carlos, Juan Antonio, Francisco Josú* находятся, соответственно, на 37, 47, 51, 56, 69, 71, 77, 83, 85, 88 позициях, а гибридное имя *Josú María*, совсем недавно одно из самых популярных, — на 78 позиции [www.ine.es]. Между тем, еще 10 лет назад среди взрослого населения Мадрида 12 наиболее распространенных двойных и гибридных имен носили 17.38% мужчин [Albaigüés 1998, 82]. Еще более значительные изменения в женском именнике: если десять лет назад почти половина житель-

ниц Мадрида имела двойные имена [Albaigis 1998, 82], то в 2004 среди 105 наиболее распространенных женских имен, данных девочкам при рождении, было зафиксировано всего три сложных имени: двойное *Ana Marna*, составное *Marna del Carmen* и гибридное *Marna Josu* (соответственно, 62, 90 и 102 позиции) [www./ine.es]. Некоторые составные имена редуцировались в простые и используются в качестве официальных имен без компонента *Marna*: *Carmen, Rosno, Victoria, Mar, Victoria, Almudena, Gloria* (18, 21, 51, 58, 112, 132 позиции) [www./ine.es].

Тем не менее, сложные имена продолжают оставаться ярчайшей особенностью испанского именника. Свидетельство тому — появление образований типа *Kevin Kostner* в качестве личных имен. Двойные имена в настоящее время позволяют «отдать дань» как моде, так и традиции (семейной или религиозной). К таким образованиям можно отнести *Alexis Isidro, Cristian Felipe, Deborah Carmen, Elisabeth del Carmen, Jennifer Purificaciyn, Jessica Teresa*, зафиксированные словарем К.Гарсия Гальярин. Сохраняется и другая яркая черта испанского именника — приверженность к имени *Marna*: это имя было на втором месте у девочек, родившихся в 2004 году, и с учетом предыдущих поколений по-прежнему остается лидирующим.

Еще одна явная тенденция в испанском именнике — уменьшение доли парных имен (в первую очередь, за счет исчезновения женского варианта имени) вписывается в тенденцию «выравнивания» ономастикона по англосаксонской модели лишь отчасти. Определенную роль играет также отход от святцев, которые часто «навязывали» тему имени. Становятся редкими не только женские имена, составлявшие пару именам, употреблявшимся преимущественно как мужские (*Alfreda, Blvara, Baltasara,*

Bartola, Fausta, Gerarda, Ignacia, Jorja, Ricarda, Rodriga, Vnctora), но и женские варианты имени, некогда довольно распространенные (*Agustina, Beñita, Sбndida, Emiliana, Eusebia, Felipa, Jacinta, Jesusa, Marcelina, Martina, Ramona, Tomasa, Valentina, Vicenta*); некоторые женские имена такого рода снова входят в моду, как, например, *Andrea* [Garcia Gallarin 1998, 22–24].

Тенденции развития испанского именника, как видим, противоречивые. С одной стороны, наблюдается видимое расширение ономастикона за счет региональных имен. Помимо упомянутых выше, приведем еще несколько имен, использованных родителями в 2004 году и входящих на национальном уровне в первую сотню имен: *Pol, Joan, Aitor, Arnau, Izan, Unai, Asier, Yeray, Aimar* (мужские имена); *Ainara, Mireia, Naiara, Aina, Yaiza, Leire, Iria, Irati, Saray* (женские имена). Что касается иностранных имен, то их доля, несмотря на заметное присутствие, в основном в силу необычной орфографии и непривычного звучания, остается незначительным. Среди мужских заимствованных имен лидирует *Ivbn*, давно вошедшее в испанский именник (11 место в 2004 году). Другие имена *Kevin, Christian, Jonathan, Roger, Bruno, Nil, Yago, Edgar, Denis* занимают, соответственно, 76, 82, 95, 108, 109, 122, 127, 129, 153 позиции. Женские иностранные тоже имеют невысокие места *Sonia, Sheila, Desirue, Nadia, Tania, Ruth, Olga, Jessica, Jennifer, Ingrid* (70, 71, 86, 98, 106, 119, 122, 136, 143, 151) [www./ine.es]. Лишь имя *Sandra* находится на 26 позиции.

В целом рейтинг иностранных имен понизился по сравнению с 1993 годом. Так, *Roger, Kevin, Jonathan, Edgar, Nil* входили в 50 популярных имен. Повысилась позиция лишь имени *Ivbn*, занимавшего в 1993 году 31 позицию, в то время как имени *Joshua* (79 место в 1993 году) нет в списке имен 2004 года.

Аналогично уменьшилась доля заимствованных женских онимов. Например, в 1993 году среди 55 первых имен значились *Sandra, Elizabet, Tania, Jessica, Anda, Jennifer*, которые либо значительно понизили свой рейтинг в 2004, либо вообще не вошли в список этого года (*Elizabet, Anda*) [Albaigis 1988, 133–137; www.//ine.es].

В результате современный испанский именник имеет в основном традиционное наполнение с активным региональным компонентом, значительно расширяющим ономастикон. Более заметным стало присутствие ветхозаветных имен (*Aaryn, Isaac, Abraham, Moises; Sara, Raquel, Miriam, Judith, Esther, Rebeca, Noemí* и др.). Из традиционных единиц, как указывалось, уменьшилась доля двойных и гибридных имен — на наш взгляд, под воздействием процессов глобализации, затронувшей сферу ономастики. Противопоставление имен по роду тоже становится менее регулярным.

Как имя функционирует в обществе? Самая первая и главная его сфера его функционирования — семья или, по выражению В.И. Болотова, «социальное поле семьи» [Болотов 1974, 2]. Это, так сказать, его сфера *excellence*. Именно здесь имя используется без фамилии во всем богатстве его дериватов. Отношения между членами семьи и родственниками могут быть симметричными (например, между братьями, сестрами и двоюродными братьями и сестрами) и несимметричными, например, между родителями и детьми. Дети обращаются к родителям, бабушкам и дедушкам, не используя их имени: *padre, madre, abuela, abuelo*; родители к детям, бабушки к внукам обращаются по имени. Дети, обращаясь к взрослым дядям и тетям, сопровождают их имена словами *тю* и *тна*: *тю Ramon, тна Socorro*; когда о них говорят в третьем лице, то используется артикль: *el тю Ramon ha venido; me lo ha regalado la тна Socorro*.

Сочетания «(el) тю + имя», «(la) тна + имя» распространены в сельской местности не только для обозначения родственных связей, но и как формула вежливого обращения и часто сопровождает прозвища людей: *el тю Tijeras, el тю Patascortas* [Beinhauer, 32].

Для родственных отношений характерны обиходные формы имени: *Manolin, Juanito, Rosi, Mari; Chema, hijo, tгbeme agua* (дед внуку), etc. Имя используется при неформальном общении (между друзьями, знакомыми), а также при общении в большинстве коллективов с симметричными отношениями (между школьниками, студентами, рабочими, служащими — в последних двух случаях чаще в небольших коллективах). Имя используется и при неравноправных отношениях (от старшего к младшему как по возрасту, так и по положению: *Chema, por favor, escribe mбs гbrido* (учительница к ученику); *Manuel, atiende al secor* (хозяин к официанту)).

При неформальном симметричном общении, например, между друзьями, возможно использование фамилии. В. Бейнхауер говорит по этому поводу: «Предположим, что человека зовут *Carlos Puga Castellano*, то его друзья будут звать его *Carlos* или *Puga*» [Beinhauer, 30]. На больших предприятиях принято называть друг друга по фамилии. При этом используется первая фамилия, редко — вторая, для дифференциации лиц с одинаковой фамилией. Часто в коллективах с симметричными отношениями складываются собственные традиции обращения. Так, в одном университетском коллективе к одному сотруднику обращаются по имени — *Salvador*, к другому — по обиходному имени *Boni* (*Bonifacio*), к третьему — по первой фамилии — *Mogala*, к четвертому — по второй *Vesnn* (*Gonzblez Vesnn*).

В настоящее время приобретает широкое распространение обращение по имени при несимметричных отношениях — «от младшего к старшему». Это связано с эк-

спансией местоимения второго лица *tú* (ты), вытесняющего *usted* (Вы) из большинства сфер коммуникации. Так, студенты обращаются к преподавателю на «ты» и по имени. Х.А. Миранда говорит по этому поводу, что в его студенческие годы (не столь далекие) он обращался к преподавателям исключительно на «вы», его называли тоже на «вы», реже на «ты». «Теперь же, — продолжает Х.А. Миранда, — только одна студентка назвала меня на «вы». Соответственно, и со стороны преподавателей обращение к студентам тоже на «ты» [Miranda, p. 55]. По сути, это приводит к нейтрализации симметричных и несимметричных отношений. Еще один пример такой нейтрализации: друзья взрослых детей обращаются к родителям последних по имени и на «ты». Подобное маловероятно в России; трудно представить, чтобы приятели моего взрослого сына обращались ко мне по имени и на «ты».

И еще одно наблюдение над функционированием имен в речи. В ряде имен происходит труднообъяснимое смещение ударения с последнего слога на первый: *Jose* вместо *José*, *Miguel* вместо *Miguel*, *Jesus* вместо *Jesús*, а также *Mari-Jose*, *Ramon*, *Tomas*, *Luis*. На это обратил внимание Э. Лоренсо еще в шестидесятые годы [Lorenzo, 1967]. Он отмечал, что смещение ударения на первый слог происходит в потоке речи (*dentro de la frase*): *Ha llegado Jesus*. Сейчас же это явление наблюдается и при обращении: *Jesus, ven aquí*.

Наконец, имя может широко использоваться в социальном поле нации. Членов королевской семьи в прессе называют только по имени, сопровождая имя словами *don*, *dona*: *don Juan Carlos*, *dona Sofía*, *dona Cristina*, *dona Elena*. Это формула официальной вежливости. Иногда только по имени называют известных политических деятелей:

Felipe, *Felipito* (*Felipe González*); а также певцов, тореро, футболистов: *Rafael*, *Karina*. Как указывалось, в этой функции часто используются диминутивные и гипокористические формы: *Joselín*, *Antocete*, *Kiko* и др. Х.М. Аснара, сместившего в результате упорной борьбы Ф. Гонсалеса, в народе иногда называли по имени: *Chema* или *Jose Mari* — именно с таким ударением, но чаще по фамилии в диминутивной форме — *Aznarín* (с намеком на маленький рост), вкладывая в это именование самую широкую гамму эмоций — от любви и уважения до иронии и презрения. (Хосе Луиса Родригеса Сапатеро, нынешнего главу правительства, называют по второй (материнской) фамилии — *Zapatero*, более редкой, чем первая — *Rodríguez*).

Коннотации, связанные с определенным лицом, иногда суммируются в особом слове — прозвище. Приведем несколько прозвищ известных в Испании лиц: *Ordoco IV de León*, *el Malo* (Плохой); *Juana I de Castilla*, *la Loca* (Сумасшедшая); *Felipe I de Castilla*, *el Hermoso* (Прекрасный); *Isabel I de Castilla*, *la Católica* (Католичка); *Felipe II*, *el Prudente* (Мудрый); *Cid el Campeador* — Воитель (*Cid Ruy Díaz* — организатор Реконкисты); *El Empicinado* — Одержимый (*Juan Martín Díaz*, партизан, герой наполеоновских войн); *el general Bonito* — генерал Красавец (*Francisco Serrano* получил это прозвище за особое к нему отношение со стороны Изабеллы II); *Pasionaria* (Пламенная) — *Dolores Iburruri*; *Fernando el Catyico* (Хаотический) — *Fernando Abril Martorell* (деятель переходного периода, прозван так за беспорядочную речь). Наконец, супругу диктатора Франко — в народе называли *Carmen Collares* (ожерелья) за пристрастие к ювелирным украшениям.

Итак, полный антропоним (два имени) + две фамилии используются только в процедуре суда, юридичес-

ких документах, экзаменационных ведомостях, при оформлении сделок и т. п. В телефонной книге даются обе фамилии и инициалы имени. При непосредственном общении используются как имена, так и фамилии. Использование имен характерно для неофициальной обстановки (семья, среди друзей, в коллективах с симметричными отношениями). Наблюдается расширение сферы применения имени в связи с демократизацией обращения, вызванного экспансией. Фамилии чаще используются при отчужденном, несимметричном общении «сверху-вниз»: в армии, в больших коллективах со сложной структурой.

ЛЕКЦИИ VIII – IX

ИТАЛЬЯНСКИЕ И РУССКИЕ ФАМИЛИИ: ТИПОЛОГИЯ, СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ, ЧАСТОТНОСТЬ

Фамилии — наследственная часть полного антропонима, самый важный его компонент (остальные могут быть представлены инициалами: G.C.Renzo, А.П.Иванов). В отличие от личных имен, система которых постоянно меняется в количественном и качественном отношениях, итальянские и русские фамилии не динамичны, не подвержены моде и представляют собой устойчивый компонент полного антропонима. У русских два наследуемых компонента именованья — отчество и фамилия. В отличие от отчества, переходящего от отца только детям, фамилия передается из поколения в поколение.

Фамилии — неотъемлемая часть истории и культуры народа, его языка. Некоторые исчезнувшие слова русского языка сохранились в фамилиях: *Бортников, Бердников, Маклаков, Ряхин, Шлыков* и др. Лишь в фамилиях сохранились и русские дохристианские имена (*Жданов, Третьяков, Волков*), а также многочисленные канонические имена и их варианты, вышедшие из употребления: *Евсеев, Авсеев, Асеев < Евсей (Авсей, Асей); Курилов, Чурилов < Курил, Чурил (варианты имени Кирилл); Алимов < Алим (< Олимпий); Тонеев, Танеев < Тоней, Таней (< Антоний)*. По фамилиям можно судить о быте народа, его обычаях и суевериях. Например, фамилии *Негодяев, Некрасов, Злобин, Ненашев*, восходящие к исчезнувшим именам *Негодяй (негодный), Некрас (некрасивый), Злоба, Ненаш*, свидетельствуют о древнем обычае давать детям охранительные имена [Никонов 1988, 7].

В фамилиях отражена языковая картина мира того или иного этноса. Во-первых, в самом факте возникновения и развития системы фамилий фиксируется статус индивида в обществе, его место в картине мира, а в самом тематическом наборе фамилий — элементы этой картины.

Как указывалось, первые фамилии возникли в Венеции в IX веке, когда Венеция стала коммуной (городом — государством). В использовании фамилии для именованного гражданина с его правами и обязанностями были заинтересованы как власть, так и носитель фамилии. На Руси первые фамилии появились позже, в XV—XVI вв. в период объединения государства вокруг Москвы у высшей знати как знак усиления власти и одинакового отношения князей к центру. Это были фамилии, образованные от названия вотчин: *Курбский, Вяземский, Суздальский, Мещерский*. В обоих случаях появление фамилий явилось следствием действия политико-экономических причин, изменивших картину мира.

Корпус итальянских фамилий в основном сложился к концу XIII века; по мнению В. Тартамеллы, начиная с этого периода новые фамилии уже не появляются: они «прекратили свою репродукцию». «Самые современные фамилии появились 600 — 700 назад» [Tartamella, 37], (данное утверждение не касается фамилий детей от неизвестных родителей, фамилии таких детей часто изобретались чиновниками).

На наш взгляд, завершение формирования корпуса фамилий произошло гораздо позже. Во-первых, после Трентинского собора 1563 года начинается обязательная регистрация фамилий в приходах, и именно священники внесли заметную лепту в процесс формирования корпуса фамилий. Иначе, чем объяснить наличие огромного количества графических вариантов фамилий? Например, сосуществуют фамилии *Lo Monaso — Lomonaso*,

Lo Bello — Lobello, La Magna — Lamagna — Alamagna, D'Alessandro — Dalessandro, Delli Santi — Dellisanti и многие другие. При этом может меняться или утрачиваться внутренняя форма фамилии: *Dall'Oro* (золото) — *D'Alloro* (лавр) — *Daloro* (неясная внутренняя форма).

Священники корректировали фамилии, выправляя их диалектальные особенности или латинизируя их; в результате появляются фамилии типа *De Rege, De Regis, De Regibus* (вместо итальянского *Del Re*), *De Amicis, De Montes*. Все это значительно расширяет репертуар итальянских фамилий. Кроме того, долгое время фамилии изменялись по родам и по числам, что тоже способствовало их диверсификации. Неизменяемой фамилия становится лишь со второй половины XVIII века, когда завершается кристаллизация ее формы. Наконец, в XIX веке написание фамилии фиксируется окончательно, и итальянцы обязаны использовать ее в той форме, в которой она официально зарегистрирована в муниципалитете (в отделе, называемом *Anagrafe*). Д. Пингвентини пишет, что его фамилия существовала в нескольких вариантах (*Pinguentin, Pinventin, Pinguentini, Pinguentino*) — в зависимости от каприза писца, и лишь со второй половины XIX века она регулярно воспроизводится как *Pinguentini* [Pinguentini 1971, 113].

Утверждая, что система итальянских фамилий завершила свое формирование 6 — 7 веков тому назад, В. Тартамелла прав в том смысле, что уже к XIV веку «выкристаллизовалась» лексическая основа корпуса фамилий и их модели, которые, однако, претерпели со временем разнообразные фонетические, морфологические и графические изменения, способствовавшие расширению корпуса фамилий.

Обычно выделяют три основных типа итальянских фамилий по происхождению. Первый тип представляют фамилии-патронимы (37% от общего числа фамилий);

второй тип представлен фамилиями, восходящими к прозвищам (15%), фамилии третьего типа произошли от эпитетов-идентификаторов (48%) [De Felice 1980, 229 — 233].

Фамилии-патронимы подразделяются, в свою очередь, на фамилии, представленные латинскими, германскими, греческими именами (как христианскими, так и не христианскими), а также еврейскими (библейскими) именами: *Adriani, Aureli, Cesare, Lorenzi, Martini; Alberti, Bernardi, Carli, Federici, Leonardi; Alessandri, Alessi, Cristofori, Giorgi, Teodori; Adami, Baldassarri, Gaspari, Mattei, Serafini*. Ко второй подгруппе принадлежат фамилии, образованные от средневековых аугуральных имен, то есть имен, содержащих пожелание удачи, долгожительства, счастья: *Benvenuti, Bencivenga, Bonfante, Bonaventura, Centanni, Nascembene, Graziadio, Laudadio, Diodato, Diotaiuti, Diotallevi, Omodei, Sperindio*. Наконец, ряд патронимических фамилий происходит от имен исторических и эпических персонажей (чаще всего латинских и греческих), а также от имен героев французской литературы, которые были популярны в Италии в Позднее Средневековье и Возрождение — то есть именно в период формирования фамилий — вначале в высших кругах, а затем и в широких народных массах: *Ercoli, Livi, Massimi, Ottoviani, Sallustio, Torquati, Virgili; Achilli, Aristarco, Ippolito, Menelao, Omero, Polidori, Tolomei; Artusi, Ferrar, Lancelotti, Paladini, Percivalle, Rinaldi, Uggeri*.

Фамилии, восходящие к прозвищам, возникли на итальянской почве; они отражают либо физические и моральные качества человека (*Biondi, Neri, Rossi, Grassi, Grossi, Piccoli, Balbi, Gobbi, Guerci, Sordi, Zoppi; Allegri, Astuti, Bruschi, Malerba, Malinconico, Onesti*), либо содержат указания на тот или иной факт, произошедший или связанный с носителем прозвища, зачастую трудно под-

дающийся расшифровке: *Bevilaqua, Bonvino, Cattabriga, Emendato, Frangipane, Fumagalli, Malenotti, Pappalardo, Pittaluga, Pizzicato, Squarcalupo, Tirinzanni*.

Фамилии-эпитеты, согласно Э. Де Феличе, разбиваются на три подгруппы. Первую образуют фамилии с предлогом *de* (*di, d'*), а также с предлогом, слившимся с артиклем (*del, dello, della*), или только с артиклем (*lo, la*), содержащие указания на отца или мать: *Di Giulio, De Martino, D'Anna, Di Chiara, De Maria, Del Carlo, Dello Iacomo, Della Blanca, Lo Franco, La Franca*. Сюда же относятся фамилии с компонентом *fi* (*figlio*): *Ficini, Figiacomi, Firidolfi, Fittipaldi*. На мой взгляд, эти фамилии следовало бы отнести к первому типу (включив в него матронимы), от которого они отличаются лишь по форме. Помимо патронимов и матронимов, в первую подгруппу входят фамилии с предлогом или артиклем типа *D'Amico, Del Giudice, Lo Bello, Lo Monaco*. Мне представляется, что фамилию *Del Giudice* можно трактовать как патронимическую: *figlio del Giudice*, а фамилию *Lo Monaco* как прозвищную.

Второй подтип фамилий-эпитетов образован топонимами и этнонимами, как без предлога, так и с предлогом или артиклем: *Alemagna, Altamura, Bassano, Brambilla, Francia, Malta, Napoli, Ponte, Pozzi, Valle; Albanese, Calabrese, Bolognesi, Lombardi, Bulgari, Greco, Tedeschi, Spagnolo, Ungaro; D'Abruzzo, Da Milano, Del Ponte, dal Borgo, Dalla Chiesa, De Bari, Del Bosco, Di Francia, Di Napoli, La Rocca, Lo Castro, Lo Faro*.

Третий подтип — фамилии, происходящие от названий профессий, рода занятий, титулов, указаний на социальное или материальное положение, родственные связи: *Barbieri, Calzolari, Canepari, Medici, Consiglieri, Fabbri, Ferrari, Molinari, Sarti, Nobili, Patrone, Signori, Vassallo, Almirante, Cavalieri, Soldati, Abate, Preti*. Сюда же Э. Де Феличе относит и фамилию *Barba*, которую, на мой взгляд,

логичнее считать фамилией-прозвищем, как и фамилию Lo Bello, которую Э.Де Феличе включил в первую подгруппу (основываясь на наличии артикля).

Особенность корпуса итальянских фамилий заключается в наличии довольно обширной группы фамилий, которые давались детям от неизвестных родителей. Более того, эти фамилии принадлежат к довольно распространенным. Например, фамилии Colombo и Esposito занимают, соответственно, 5 и 6 место в списке наиболее частотных фамилий. В число распространенных фамилий этого типа входят следующие: Casadei, Innocenti, Proietti, Trovato, Venturi; менее частотны Dell'Amore, Bastardo, Casaceli, Casadidio, Casadio, Casadei, Della Pietà, Di Dio, Dioloso, Esposto, Ignoto, Ignoti, D'Ignoto, Incerto, Incerti, D'Incerto padre, Degli Innocenti, Orfano, Venturini. С 1889 года присваивать детям подобные фамилии запрещено законодательно.

Первый тип фамилий превалирует на севере и в Тоскане, но их третий подтип распространен в Риме и на юге, особенно на Сицилии, где много французских рыцарских фамилий. Второй тип чаще всего встречается на юге (65% фамилий указанного типа), реже на севере (20%) и в центре (15%). Распределение фамилий третьего типа зависит от подгруппы: фамилии первой подгруппы являются обычными для юга, второй — для Ломбардии, Лигурии, Сицилии; фамилии третьей подгруппы характерны для всей Италии. У каждой области Италии и обычно у каждой провинции есть свои фамилии. Например, фамилии типа Imarisio с компонентом *-isio*, внешне напоминающие южные фамилии на *-o*, распространены на севере, в провинции Алессандрия. Вот несколько фамилий этого типа: Marisio, Audisio, Marchisio, Sorisio, Aloisio.

Итак, система итальянских фамилий представляет собой закрытую систему (в смысле появления новых единиц), которая обладает целым рядом черт, обеспечиваю-

щих ее уникальность. Прежде всего необходимо отметить, как и в случае итальянских имен, необыкновенную вариативность в этой сфере, очень часто обеспеченную именно указанным качеством имен. Например, от гипокористической формы Gianni < Giovanni образовано около 2 000 фамилий [De Felice 1980, 234–235]. Это разнообразные суффиксальные образования (Giannelli, Giannetti, Giannini, Giannuzzi, Giannotti, Giannoni, Giannazzi, Giannardi, Gianneschi, Giannesi и т.д.); сочетания указанной формы с другими именами и атрибутами; Gianmarco, Ginnatasio, Giambelli, Giartusso и под. Существуют и другие — в основном диалектальные — реализации этого гипокористического онома, породившие целый ряд фамилий: Janni (Эмилия-Романия), Zanni (Тоскана, Марке), Vanni (Ломбардия, Эмилия-Романия, Тоскана), Nanni (по всей Италии).

От имени Andrea (вариант Andria) и его гипокористических форм Dre(a) / Dri(a) существует около 350 фамилий, от Antonio / Antogno / Tonio / Togno — около 450. Самая распространенная итальянская фамилия Rossi тоже существует в целом ряде вариантов — региональных и структурных: Rosso, Rossa, Rossi, Russo, Russi, Ruggiu, Ruiu, Rubiu, Del Rosso, De' Rossi, De Rossi, De Rubeis, Della Rossa, Lo Russo, La Russa, Rosselli, Rossellini, Rossellino, Rossiello, Rosillo, Rossetti, Rossetto, Rossini, Rossotti, Rossotto, Rossoni, Rossato, Russello, Russetti, Russino, Russotti, Russiani, Russolillo, Russomanno, Russomando [Tartamella, 78]. Приведем также несколько вариантов второй по распространенности фамилии — Ferrari: Ferraro, Ferrario, Ferraris, Ferrai, Ferrero, Ferreri, Ferreli, Ferriero, Ferrerio, Fevrero, Fevrierio.

Обратимся к русским фамилиям. Большинство авторов сходятся в том, что основу корпуса русских фамилий составляют *патронимы* — краткая форма прилага-

тельного, которая образовывалась как от церковного имени (Иванов, Васильев, Петров, Сидоров, Федоров и др.), так и мирского (Бессонов, Второв, Жданов, Лобанов, Волков, Зайцев, Жеребцов, Кобылин, Некрасов, Орлов, Осетров, Сорокин, Телегин, Томилов, Третьяков, Шукин и др.). Отчества от мирских имен использовались еще в XVII веке. В употреблении собственно отчеств (то есть образованных от крестильных имен) и нецерковных отчеств (образованных от мирских имен), имелись существенные различия. Нецерковные отчества при официальном именовании лица в дофамильный период не могли предшествовать собственно отчеству: они либо следовали за ним, либо за мирским именем; если в именовании таких компонентов не было, они могли следовать и за крестильным именем. В «Ономастиконе» С.Б.Веселовского находим такие примеры: Алексей *Нежданов Заикин* (помещик, 1587 г., Тула), Иван Григорьевич *Головнин* (1534), Василий Семенович Зверь *Кутузов* (XVI в.), Иван Матвеевич Лях *Лыков* (1550 г.), Иван Федорович *Варганов* (1616–1629, Москва). Именно нецерковные отчества донесли до наших времен, но уже в виде фамилий, значимые для древнерусского сознания элементы картины мира.

В.А.Никонов относит к патронимичным и фамилии, образованные от слов *кузнец, плотник, сибиряк, казанец*, поскольку формы *Кузнецов, Плотников, Сибиряков, Казанцев* означают *кузнецов сын, плотников сын* и т.д. [Никонов 1974, 198]. В этом их сходство с патронимами, но имеется и существенные различия. Во-первых, на последующих этапах указанные единицы утратили функцию отчества и сохранились как фамилии. Во-вторых, слова типа *кузнец, плотник, сибиряк* не личные имена, приобретенные в семье, а именованья, которые даются вне семьи — в силу этого образования *Кузнецов, Сибиряков* сближаются с прозвищами. Поэтому представляется ло-

гичным выделить в особую категорию фамилии, связанные с принадлежностью к роду деятельности и с происхождением. Вот примеры фамилий, образованных от обозначений рода деятельности: *Бердников, Бортников, Бурмистров, Солдатов, Воротников, Золотарев, Рыбаков, Пастухов, Толмачев, Шаповалов, Шапошников, Прасолов, Портнов, Ткачев, Дьяков, Дьяконов* и др. Некоторые из таких фамилий относятся к наиболее распространенным — *Попов, Кузнецов*.

Фамилии, указывающие на происхождение, восходят к этнонимам (*Литвинов, Греков, Гречанинов, Татаринов, Башкиров, Башкирцев, Мордвинов, Грузинов, Калмыков*), либо к топонимам: *Колмогоров, Торжков, Вяземцев, Ростовцев, Веневитинов, Ливенцев, Муромцев, Устюжанинов, Ельчанинов, Москвин, Самарин*.

К топонимическим принадлежат и наиболее древние русские — княжеские — фамилии на *-ский*, происходящие от названий вотчин: *Бяратинский, Одоевский, Оболенский, Ростовский, Трубецкой, Ухтомский, Воротынский, Глинский, Курбский, Пожарский*. В XVI веке было более 50 княжеских фамилий на *-ский*. Подобные фамилии были весьма распространены и среди русского дворянства, в их основе — названия наследственных владений: *Боровский, Волоцкий, Дубенский, Дубровский, Каменский, Рузский, Рязский, Тихвинский*. Фамилии на *-ский* не обязательно дворянские, часто это фамилии духовенства (см. ниже). «Этот тип охватывает и более поздние образования, как правило, производные от названий городов»: *Варшавский, Керенский, Китайгородский, Московский, Петербургский* и др. [Унбегаун 1989, 106]. Часто это еврейские фамилии. В результате аристократический характер данного типа фамилий утратился, так как «в XVIII и XIX вв. русские фамилии на *-ский* растворились в фамилиях на *ский* украинского, белорусского и польского происхождения» [там же, 107].

Утрате аристократизма указанных фамилий способствовало также существование еще одного типа русских фамилий — принадлежностных, которые указывали «не на предка, а на хозяина» [Никонов 1974, 199]. Так, *Оболенский*, *Трубецкой*, а также *Голицын*, *Гагарин* и под. стали также фамилиями крестьян, принадлежавших соответствующим семействам. Аналогично, *Князевы*, *Генераловы*, *Полковниковы*.

Имеются и прозвищные фамилии. Пожалуй, это самая неясная категория русских фамилий. Во-первых, не всегда можно четко провести границу между некрестильным именем и прозвищем. Например, чем является второй компонент в Иван *Булава* (1498, Новгород), Иван *Выдра* (1545, Новгород) — некрестильным именем или прозвищем? В *Булат* Васильевич Колзаков (1550, Кашин) — *Булат* некрестильное имя, а в Алексей Третьяков *Булатов* (1568, Ярославль) последний компонент можно трактовать и как производное от прозвища. Явно «прозвищные» онимы *Суета*, *Суторма*, *Неустрой*, *Булгак* являются мирскими именами: *Суета*, *Суторма*, *Неустрой* и *Булгак* Васильевичи Бессоньевы (середина XVI века, Переяславль). Оним *Худяк* (бедный человек) скорее выступает как мирское имя в *Худяк* Мерлин (помещик, середина XVI в., Тверь), *Худяк* Евсильий (середина XVI в.), а в Федор Данилович *Худяк* Загряжский (1602 г.), по всей видимости, может быть как мирским именем, так и прозвищем [онимы взяты из: Веселовский 1974]. Б.О.Унбегаун считает фамилию *Худяков* прозвищной [Унбегаун 1989, 121].

Во-вторых, как указывалось, к прозвищным фамилиям близки фамилии, образованные от обозначений рода деятельности, топонимов и этнонимов. Тем не менее можно выделить и собственно прозвищные фамилии. Это, в первую очередь, фамилии, образованные от словосочетаний, отражающих особенности внешнего облика че-

ловека (*Белоусов*, *Белобородов*, *Белошапкин*, *Черномордин*, *Долгопятов*, *Толстоногов*, *Черноусов*, *Мокроусов*, *Корноухов*, *Сухоруков*, *Шестопалов*), а также разнообразные обстоятельства жизни, привычки: *Семибратов*, *Столетов*, *Скоробогатов*, *Грибоедов*, *Мясоедов*. На внешние и моральные качества указывают фамилии *Черных*, *Пьяных*, *Коротких*, *Рыжов*, *Седов*, *Грязнов*, *Краснов*, *Светлов*, *Падучев*, *Клейменов*, *Хромов*, *Хитров*, *Хитрово*, *Дурново* и др.

Если в целом в корпусе русских фамилий собственно прозвищные образования занимают периферийное положение, то среди фамилий такой группы русского населения как казаки прозвищные фамилии занимают ведущее положение. Объяснение этому кроется в видении мира, в осознании казаками своего места в нем, в своеобразии организации казачьих общин. Вот что пишет по этому поводу Л.М.Щетинин: «Из того факта, что описательные прозвища, содержащие индивидуальную информацию о конкретном носителе, послужили источником большинства донских фамилий, следует вывод о том, что в местном языковом сознании при образовании прозвищ первостепенную роль играли индивидуальные признаки лица (внешность, манера поведения, внутренние качества), а признаки наследственные (происхождение из определенной местности и определенной семьи) были отнесены на второй план. Исторически это явление можно объяснить особенностями формирования языкового коллектива, многие члены которого (беглые холопы и посадские люди) должны были в целях безопасности скрывать свое происхождение и наследственные имена» [Щетинин 1994, 257].

Отметим также, что некоторые фамилии могут соответствовать нескольким трактовкам. Например, в основе фамилии *Попов* могут быть следующие тематические типы: 1) «род деятельности» (сын попа), 2) «принадлеж-

ность» (работник попа), 3) «патроним от мирского имени» (сын человека по имени Поп) [см. также: Никонов 1993, 95].

Особое место в системе русских фамилий занимают искусственные фамилии. Как известно, практика присвоения искусственных фамилий священнослужителям началась в конце XVII в. и закончилась к середине XIX в. Вначале это касалось лишь учеников духовных училищ, не имевших фамилий, затем распространилось на всех учащихся духовных заведений. Семантика таких фамилий достаточно разнообразна. Они могут восходить к названию места (*Белинский* < деревня *Бельнь*), к именам святых и связанным с ними эпитетами, к названиям приходов (*Варваринский, Андреевский, Георгиевский, Лавровский, Мефодиевский, Борисоглебский, Космодемьянский, Победоносцев, Стратилатов*), к названиям наиболее важных православных праздников (*Богоявленский, Вознесенский, Воскресенский, Знаменский, Покровский, Рождественский, Успенский*). Искусственные фамилии священнослужителей создавались также на основе названий растений (в основном экзотических), животных и минералов: *Гиацинтов, Нарциссов, Розов, Абрикосов, Виноградов, Голубинский, Орловский, Алмазов, Аметистов, Бриллиантов*. Имеются также клерикальные фамилии латинского (*Гиляровский, Сперанский, Суперанский*) и греческого происхождения: *Аристов, Танаевский*, а также своеобразные калькированные дуплеты фамилий: *Добровольский — Беневоленский, Серебрянский — Аргентовский, Цветков — Флоринский, Городецкий — Урбанский, Смирницкий — Гумилев, Гумилевский; Виноградов — Амелогов, Крестовский — Ставровский, Первозванский — Протоклитов*. Реже встречаются кальки церковнославянских фамилий одновременно на латинский и греческий языки: *Барсов — Пантеровский — Пардалицкий, Свободин — Либеров — Елевтерский* [Унбегаун 1989, 169–180].

Особенность клерикальных фамилий в том, что они долгое время были наследственными лишь отчасти. Сын священника сохранял фамилию отца, если связывал свою жизнь с каким-либо светским занятием (как отец В.Белинского, который, будучи сыном священника, стал флотским лекарем), и ему присваивалась другая фамилия, если он получал духовное образование; в результате представители одной семьи могли иметь разные фамилии. «Случалось, что у шести родных братьев фамилии были разные, а именно: *Петропавловский, Преображенский, Смирнов, Миловидов, Скородумов и Седунов*» [там же, 169]. Более того, фамилия могла меняться при переходе из училища в семинарию, из семинарии в академию. Искусственные клерикальные фамилии расширили семантический ареал фамилий и способствовали размыванию понятия аристократической фамилии, поскольку зачастую совпадали с ней по форме.

Как и в Италии, в России существовали фамилии незаконнорожденных детей. Самые распространенные фамилии такого рода, по всей видимости, *Богданов, Найденов*, хотя это могут быть и патронимические фамилии. Ребенка, рожденного вне брака, могли величать и по имени матери: *Марфин, Маринин, Настасьин*.³ Метронимические фамилии образовывались также от имен солдат и вдов. Существовал весьма оригинальный способ образования фамилий для незаконнорожденных детей высокопоставленных особ — усечение исходной фамилии: *Пнин < Репнин, Бецкой < Трубецкой, Лицын < Голицин, Ранцов < Воронцов, Рукин < Долгорукий*.

³ Фамилии, внешне напоминающие метронимические, могут восходить и к мужским некрестильным именам и прозвищам. Ср. именованья, зафиксированные в документах: Семен Гусыня, посадский человек, 1614, Тверь; Машутка Михаил Иванович Борисов Бороздин, XV в.; князь Василий Богданович Волконский носил прозвище Любка [Ганжина 2001, 7]

Как видим, итальянская и русская система фамилий имеют в семантическом плане как черты сходства, так и существенные различия. В частности, сходство заключается в том, что тематические группы фамилий в основном совпадают, а различия в том, что, итальянские прозвищные фамилии образуют довольно четкую группу, как и искусственные фамилии незаконорожденных детей, в то время как среди русских фамилий особое место занимают клерикальные фамилии. Зоофорные итальянские фамилии *Volpi, Lupi, Passeri* — прозвищные, а сходные русские *Волков, Зайцев, Воробьев* — патронимические, образованные от некрестильного имени.

Обратимся к формальному аспекту типологии фамилий. Итальянская фамилия может совпадать по форме с именем (*Angelo, Gabriele*), с нарицательным существительным (*Prete, Ponte*), прилагательным (*Basso, Rosso*). Такие фамилии коррелируют с фамилиями на *-i*: *Angeli, Gabrieli, Preti, Ponti, Bassi, Rossi*. Формант *-i* восходит к двум формам средневековой латыни: генитиву (в значении *figlio di*: *Paulus Petri*) и множественному числу со значением совокупности лиц, принадлежащих одной семье. Фамилии на *-i* характерны для севера и центра, на *-o* — для юга страны.

Фамилии на *-a* коррелируют с фамилиями на *-i*, вместо ожидаемого *-e*: *Ventura — Venturi, Balestra — Balestri, Vignola — Vignoli*. Корреляция с формантом *-i* подтверждает его собирательное значение. В оппозицию *-a / -i* входят фамилии, образованные от женских имен (*Anna — Anni, De Anna — De Anni, Aurora — Aurogi, Pasqua — Pasqui, Rosina — Rosini*); фамилии-прозвища (*Allegranza — Allegranzi, Cicala — Cicali, Malerba — Malerbi*); топонимические фамилии (*Barcellona — Barcelloni, Cremona — Cremoni, Genova — Genovi*). На наш взгляд, вполне вероятно, что формант *-i* в данных случаях — результат выравнивания формы фамилии по наиболее распространен-

ному образцу. Не случайно подобные фамилии встречаются в ареале наибольшего присутствия фамилий на *-i* (Ломбардия, Эмилия-Романия, центр — за исключением южного Лация).

Впрочем, фамилии на *-a* могут коррелировать и с фамилиями на *-e*, но такие фамилии обязательно сопровождаются предлогом или артиклем: *Della Donna — Delle Donne, Della Monaca — Delle Monache, Della Casa — Delle Case, Dell'Asta — Delle Aste, La Grottaglia — Le Grottaglie, La Piana — Le Piane*.

Формантами итальянских фамилий часто бывают предлоги и артикли. По всей Италии распространены фамилии с *D', De, Di, Del*, главный компонент которых оканчивается на *-o, -e*: *D'Agostino, De Cesare, Di Clemente, Di Gregorio, Del Bello*. Фамилии-матронимы чаще всего встречаются со слитной предложно-падежной формой *della*: *della Dora, Della Gatta, Della Giustina, Della Martina, Della Mea, Della Togna*. Используется и предлог *da* как без артикля, так и в сочетании с артиклем мужского и женского рода: *Da Castro, Da Cas, Da Corte, Da Collina, Dal Bello, Dal Carlo, Dall'Omo, Dal Missier, Dalla Bona, Dalla Chiara, Dalla Mora, Dalla Vedova, Dalla Zorza*.

Определенный артикль в фамилиях встречается в формах *l', lo, li, la, le*: *L'Altrella, L'Abate, L'Orefice; Lo Prete, Lo Prinzi, Lo Priore, Lo Re, Lo Russo; Li Bassi, Li Calsi, Li Castri, Li Colli, Li Russi; La Maestra, La Lupa, La Macchia, La Longa, La Rocca; Le Boffe, Le Fevre, Le Fosse, Le Foche*.

Как видим, в фамилиях используются формы предлогов и артиклей, не характерные для современной нормы итальянского языка. Это относится к предложной форме *de*, к артиклю множественного числа мужского рода *li*, которому в настоящее время соответствует форма *i*, и к артиклю *lo*, который здесь появляется в позициях, исключаемых современной нормой. Кроме того, имеются случаи сочетания артикля мужского рода со словом женско-

го рода (Lo Bianca, Lo Bombarda, Lo Gioia, Lo Icona, Lo Licata, Lo Triglia), артикля женского рода с существительным мужского рода (La Barile, La Monico, La Ponte, La Richiuto, La Russo), а также артикля единственного числа со словом во множественном числе (Lo Vecchi, Lo Russi).

Э. Де Феличе считает, что случаи несовпадения рода артикля и рода существительного подводятся под модели типа *quello della Bianca, quella dello Monico*, в которых произошло выпадение связующего элемента (*della, dello*) и в результате утратилось «соответствие артикля существительному» [De Felice 1980, 256]. На мой взгляд, вероятно также, что связующим элементом в первом случае было сочетание *figlio della* (*lo figlio della Bianca*), во втором — *famiglia dello* (*la famiglia dello Monico*). Аналогично можно объяснить *Lo Vecchi < lo figlio dei Vecchi*. Сложнее объяснить сочетание морфем в фамилиях типа *L'Altretilli, Li Causi, Li Rosi*. Скорее всего здесь произошло выравнивание формы фамилии по наиболее распространенному образцу. В подобных случаях необходимо учитывать также региональные особенности итальянского языка и ошибки священника. В любом случае подобные фамилии — несмотря на несоответствие форм их компонентов — не вызывают у итальянцев удивления.

Другая особенность «поведения» предлогов и артикля в составе фамилий заключается в том, что они могут появляться в написании раздельно и слитно с основной частью. Таким образом, наряду с *D'Addario, D'Alessandro, De Nora, Delli Santi, Di Tronzo, Di Giovanni, De Angeli, D'Acunzo, D'Addio* существуют фамилии *Daddario, Dalessandro, Denora, Dellisanti, Ditronzo, Digiovanni, Deangeli, Dacunzo, Daddio*. Сосуществуют фамилии *La Macchia — Lamacchia, La Rocca — Larocca, Le Boffe — Leboffe, Le Fevre — Lefevre, La Monica — Lamonica,*

La Piccirella — La Piccirella, Li Bassi — Libassi, Li Calsi — Licalsi, Lo Prete — Loprete, Lo Vecchi — Lovecchi, Lo Russo — Lorusso (примеры взяты из телефонного справочника Рима *Pagine gialle* за 1999 год). Предлог и артикль пишутся с большой буквы и в алфавитных списках предшествуют основной части фамилии. Предлог *de* (*di*), как и в Испании, не является признаком аристократического происхождения. Тем не менее, он встречается в аристократических фамилиях, но пишется при этом со строчной буквы: *de Vecchi, d'Aragona, Canillo Benso (conte) di Cavour*.

Не редко встречаются ошибочные написания фамилий, заключающиеся в изменении границы между предлогом (артиклем) и основной частью — результат творчества приходских священников: *D'Apronte, D'Avico, De Lia, D'Emetri, D'Isanto, L'Arocса* вместо правильных форм *Da Ponte, Da Vico, D'Elia, De Metri, Di Santo, La Rocca* [De Felice 1980, 258].

Отметим еще несколько характерных черт итальянских фамилий. Фамилии, восходящие к исходной форме имени, например, *Mario*, встречаются реже, чем производные от этих имен; так, более частотной является фамилия *Mariotti*. Если фамилия *Giovanni* является скорее редкой, то производные фамилии *Giovannelli, Giovannotti, Giovannini* встречаются в десятки и сотни раз чаще. Фамилии *Gianni, Nanni, Ianni, Vanni, Zanni* более распространены, чем фамилия *Giovanni*, но еще чаще встречаются фамилии *Giannetti, Giannelli, Giannini, Zannello, Zannetti, Zannini, Zannotti* и другие суффиксальные образования от этих фамилий.

Если фамилия совпадает по форме с именем, например, *Pietro Gianni*, то ее носитель при знакомстве всегда вынужден пояснять, какая часть является именем, а какая — фамилией. Подобная ситуация возникает и у женщин с фамилиями *Lucia, Francesca, Rosa* [Tartamella, 130].

Поражает богатство аффиксов, которые использовались для образования фамилий. Их более 200 типов. Среди них диминутивные суффиксы (*Antonacchio, Colacchia, Antonelli, Antonello, Antonini, Antonetti*), увеличительные (*Portaccio, Perone*), пренебрежительные (*Ogliastro, Andeatta, Gregoratto, Ambrosecchio, Carolecchia, Abbatichio, Colicchia*), суффиксы, обозначающие род занятий (*Avogadro, Pecoraio, Notario, Barbero, Barbieri*), суффиксы топонимических и этнонимических фамилий (*Anceschi, Napoletano, Romano, Tedesco, Albanese* и под.). Многие суффиксы имеют распространение лишь в определенных районах. Например, суффикс *-ant-* встречается лишь на юге, особенно в Калабрии: *Adriant, Romant*. Фамилии типа *Colace, Colaci* — южные, а *Asnago, Luraghi, Baragli, Battaglio* — северные; фамилии на *esi* — сицилийские (*Bileci, Saceci*) а на *-esso/-essi* — преимущественно венецианские: *Bertesso, Barbessi* [De Felice 1980, 310 и след.; Tartamella, 65–67].

Имеются также префиксы, которые сообщают фамилиям «географическую» коннотацию, так как распространены в определенном регионе. Это приставка *a-* с усиленным значением, встречающаяся на юге Италии (*Abbagnale, Abbene, Ammaturo, Appugliese*); усиленная приставка *in-*, характерная для Сицилии (*Ingrasso, Ingrande, Ingallina*); приставка *inter-, intra-* с патронимическим и собирательным значением и тоже с сицилийской коннотацией: *Interguglielmi, Intersimone, Intrabartolo*. Наконец, приставка *s* с усиленным или уничижительным значением, sporadически появляющаяся на севере и в центре, широко представлена на юге: *Scalzolaro, Scarciofalo, Sgariboldi, Sbergamo, Scardinale*.

Двойные фамилии, как указывалось, используются замужними женщинами, а также усыновленными детьми: *Rossi Napoletano, Mea Ferrari, Greco Giannini* (первая фамилия усыновителя, вторая — отца). Имеются также фа-

милии, состоящие из трех и более компонентов. Обычно такие фамилии — знак благородного происхождения, как в случае фамилии *Zucconi Galli Fonseca*. Но часто большое количество фамилий «производит впечатление наигранныости и стремления к роскоши любой ценой» и используется в комических целях для создания «благородной» обстановки [Tartamella, 125].

Все вышесказанное свидетельствует о необычайном богатстве корпуса итальянских фамилий и об их очень высокой дифференцирующей силе. По данным В.Тартамеллы, на 56 миллионов итальянцев приходится 280 000 фамилий, то есть в среднем на одну фамилию приходится по 200 человек. Самую распространенную фамилию *Rossi* носят в Италии 222 000 человек, что составляет 0,39% от всего населения. Если же мы проведем сравнение с Испанией, то увидим, что у испанских фамилий дифференцирующая сила гораздо ниже. Так, фамилии *Garcna, Martnez, Lpez* в Барселоне, где традиционные испанские фамилии конкурируют с каталанскими, носят, соответственно, 2,45%, 1,73%, 1,65% жителей.

Показателен тот факт, что в списке из 466 студентов отделения славистики Римского университета «La Sapienza» повторяющихся фамилий очень мало, и повторения носят скорее случайный характер, поскольку самая распространенная фамилия *Rossi* не встретилась в списке ни разу; из частотных фамилий дважды повторилась лишь фамилия *Esposito*. Подобный список в России без Кузнецова, Иванова, Попова, Смирнова или Петрова был бы невозможен. Двадцать наиболее частотных итальянских фамилий принадлежат 2,55% населения (в Испании приблизительно такой же процент населения носит одну фамилию — *Garcna*). Это: *Rossi* (0,39%), *Ferrari* (0,21%), *Russo* (0,21%), *Bianchi* (0,18%), *Colombo* (0,16%), *Esposito* (0,15%), *Ricci* (0,12%), *Romano* (0,12%), *Conti* (0,11%), *Costa* (0,10%), *Gallo* (0,09%), *Mancini* (0,09%),

Marino (0,09%), Bruno (0,09%), Barbieri (0,09%), Giordano (0,08%), Lombardi (0,08%), De Luca (0,08%), Galli (0,08%), Greco (0,08%).

Выше уже говорилось, что распределение итальянских фамилий имеет региональный характер. Приведем 10 наиболее типичных фамилий в Кампании (административный центр — Неаполь): Esposito, Russo, Romano, De Luca, De Rosa, Coppola, Riccio, Marino, Varriale, Amato. Иной набор фамилий в провинции Асти (Пьемонте): Musso, Cerrato, Viarengo, Fassio, Amerio, Raviola, Rosso, Ferrero, Gamba, Torchio. Фамилии, лидирующие в Ливорно (Тоскана), представлены следующим образом: Rossi, Morelli, Lenzi, Filippi, Giusti, Bacci, Bernini, Conti, Bianchi, Falleni [De Felice, 33–34, 55, 87, 105].

Региональные различия в наборе фамилий заметно ощутимы и ныне, несмотря на миграционные процессы в направлении «юг — север», активно идущие, начиная с шестидесятых годов XX столетия.

Сочетание фамилии, обладающей очень высокой дифференцирующей силой, с именем, тоже, как правило, довольно избирательным (10 000 имен традиционного именика, не считая 8 000 окказиональных имен), обеспечивает значительную индивидуализированность полного антропонима. Даже тот факт, что некоторые традиционные имена имели очень высокую частотность (Maria, Giuseppe), мало меняет картину в силу наличия массы дериватов и двойных имен, обеспечивающих индивидуализацию итальянца. Это, на наш взгляд, не могло не отразиться на национальном мироощущении, характере итальянца, его стремлении к самоутверждению и преданности семье — фамилии (или, наоборот, эти черты и породили существующую антропонимическую систему). Тем не менее, имеются и типичные полные антропонимы, так сказать, когнитивные концепты итальянца. Это Mario Rossi и Giuseppe Rossi. Данные, полученные по

интернету, свидетельствуют, однако, что самыми частотными сочетаниями имени и фамилии являются в настоящий момент Giuseppe Russo, Antonio Russo, Antonio Esposito (соответственно, 2 772, 2 273 и 2 034 итальянца) [<http://www.paginebianche.it/pbol/extra/nomi.htm>].

90% русских фамилий образованы при помощи формантов кратких притяжательных прилагательных *-ов/-ев, -ин* [Никонов 1988, 8]: *Петров, Васильев, Фомин*. Русские патронимические фамилии от крестильных имен образовывались не только от основного, исходного вида имени, но и от его вариантов и дериватов. В результате, как и в итальянском языке, существуют разнообразные фамилии, восходящие к одному имени; причем в русском их намного меньше, чем в итальянском. Так, от имени *Иван* в русском языке — 77 фамилий, в то время как фамилий, связанных с *Giovanni*, — около 2 000. Другое отличие от итальянского языка в том, что архетип фамилии, связанный с именем *Иван*, — *Иванов* более распространен (это вообще самая частотная русская фамилия) по сравнению с фамилиями, образованными от вариантов и дериватов этого имени; итальянская же фамилия-архетип *Giovanni* — редкая по сравнению с соответствующими производными фамилиями (см. выше). Б.О.Унбегаун приводит следующие фамилии, образованные от имени *Иван*. Все они несопоставимы по распространенности с фамилией-архетипом *Иванов*: *Иванаев, Иванеев, Иваньев, Иванилов, Иванисов, Ивантеев, Ивантьев, Иванченков, Иванцев, Иванчиков, Иванцов, Иванчов, Иваненков, Иваничев, Иваников, Иванищев, Иваншинцев, Иванусьев, Иванишев, Иванюков, Иванков, Иваньков, Иванников, Иваншинцев, Иванусьев, Иванчин, Иванихин, Иванин, Иванишин, Иванюшин, Иванютин, Иванкин, Иваньшин, Иванушкин, Ивачев, Ивахнов, Иващенко, Ивбшев, Ивашиноцев, Ивашинников, Ивашков, Ивашинов, Ивашиников, Ивашуев, Ивахин, Ивакин, Ивашеч-*

кин, Ивашин, Ивашкин, Ивашишин, Ившин, Ивушкин, Ванчаков, Вбнчиков, Ванцов, Ванеев, Ваничев, Ванчиков, Ванюков, Ванкеев, Ванков, Ваньков, Ванников, Ваньшев, Ваничкин, Ванин, Ванякин, Ваняркин, Ваняшин, Ваняшкин, Ванятин, Ванюхин, Ванюшин; Ванюшкин, Ванютин, Ванькин, Ваншенкин, Ваньшин [Унбегаун 1989, 80–81].

К имени *Григорий* восходят следующие фамилии (их свыше 30), приведем некоторые из них: *Григорьев, Григоров, Григоркин, Григорушкин, Гринёв, Гринков, Гринников, Гринихин, Гринин, Гришаев, Гришаков, Гришианов, Гришин, Гришианин, Гришин, Грицаев, Гричухин, Гриханов, Гриднев, Гридин*.

Среди фамилий, образованных от онима *Павел* (их около 50), назовем следующие: *Павленков, Павленов, Павликов, Павлицев, Павлишинцев, Павлочкив, Павлухов, Павлушков, Павлихин, Павлухин, Павлушин, Павлушкин, Павлыгин, Павшуков, Павкин, Павшин, Пашаев, Пашиинцев, Пашинов, Пашкеев, Пашков, Пашанин, Панаев, Панюков, Панюшев, Панков, Пачурин, Паничкин, Панюшкин, Панюгин, Панютин, Панкин, Пашиин*.

С именем *Кирилл* связано около 60 фамилий *Кириллов, Кирилов, Кирилин, Кирьянов, Курилов, Курисов, Курьянов, Чурилин, Чурилов, Чурсанов, Чурилин, Кирильцев, Кирилличев, Курилев, Курильцев, Курилёв, Курилкин, Чурилкин, Чуриков, Чуринов* и др.

Приведем еще один пример разнообразия фамилий, восходящих к одному и тому же имени — *Александр* (по Унбегауну, их более 70): *Александров, Алексанов, Алексахин, Алексашин, Алексин, Аленчиков/Оленчиков, Аленичев/Оленичев, Алеников/Олеников, Алёнов/Олёнов, Аленатьев, Ленцов, Ленков, Леликов, Леляков, Ленишин, Лелякин, Лелькин, Лялин, Ляликов, Лякин, Санков, Саньков, Сахнов, Сашков, Саничкин, Санютин, Сахнин, Сашин* и др. [Унбегаун 1989, 82–84].

Все приведенные фамилии образованы при помощи суффиксов *-ов/-ев, -ин* от производящих основ-имен, содержащих разнообразные суффиксы и часто настолько видоизмененных, что их связь с исходным именем в настоящее время не угадывается, что свидетельствует о более существенной вариативности и деривативной потенции имен в прошлом. Дериваты имени могли содержать дополнительные коннотации экспрессивного характера (кстати, экспрессивные онимы вообще типичны для древнерусского именника: *Балда, Булгак, Любим, Дурак, Дунда, Дылда, Гнус* и многие другие), но при переходе в патроним и позже в фамилию экспрессивный компонент стирался. Возможны и обратные случаи. Например, фамилия *Ванькин* сейчас воспринимается как пейоративное образование, в то время как в древности имена с суффиксом *-ка* могли функционировать и как нейтральные.

Многообразие фамилий в значительной степени объясняется их региональными особенностями. В частности, в северных регионах России находим фамилии *Огibalов, Окулов, Отрепьев, Остапов*, а в южных — *Азибалов, Акулов, Атрепьев, Астапов* [Никонов 1988, 48]. Имеются и собственно региональные фамилии. Например, *Басаргин* — архангельская фамилия (от *басарга* — «трава, негодная на корм»), *Мизулин* — ярославская (*мизуль* — «изюм»), *Басалаев* — костромская (*басалай* — «шумливый, повеса, шеголь») [Никонов 1988, 49].

Помимо формантов *-ов/-ев, -ин*, для образования фамилий используется аффикс *-ский*, который встречается не только в княжеских, дворянских и клерикальных фамилиях (об этом уже шла речь выше), но и в крестьянских на севере России: *Корельский* (*корела* — «западная сторона»), *Едомский, Военгский* (от географических названий) [там же, 41, 56–67], а также в донских казачьих фамилиях, где указанный аффикс вытесняется формантом *-сков*: *Дубовский* > *Дубовсков, Земский* > *Земсков*,

Хоперский > *Хоперсков*, *Бузулуцкий* > *Бузулуцков* [Щетинин 1994, 255].

Фамилии, по форме совпадающие с прилагательным, довольно редки — по сравнению с основной моделью фамилий; они тоже характерны для русского севера: *Узкий*, *Черный*, *Борзой*, *Нагой*, *Полевой*, *Боровой*, *Яровой*. Большая часть таких фамилий перешла в более распространенную модель на *ов*: *Толстой* > *Толстов*, *Седой* > *Седов*, *Мухортый* > *Мухортов*.

Сохранилось также несколько адъективных фамилий в форме родительного падежа единственного числа на *-ову*, *-бго*: *Благово*, *Хитрово*, *Дурново*, *Бураго*, *Живаго*, *Мертваго* и некоторые другие. Это дворянские фамилии. Образования на *-аго* обычно трактуются как фамилии, содержащие церковнославянский элемент (ср. латинские элементы в итальянских фамилиях). Более распространены адъективные фамилии в форме множественного числа на *-ых/-их*: *Белых*, *Красных*, *Пьяных*, *Седых*, *Глухих*, *Тонких*, *Коротких*. Такие фамилии считаются региональными — сибирскими, хотя, как убедительно показал В.А.Никонов, в Сибирь они попали с русского Севера и Черноземья (в Черноземье, в свою очередь, они проникли тоже с севера). На севере количество таких фамилий сократилось в десятки раз в силу их интеграции в основную модель на *-ов/-ев* (*Лысых* > *Лысов*) [Никонов 1988, 42–43, 53].

Б.О.Унбегаун приводит список из 100 наиболее употребительных фамилий из справочника «Весь Петербург» за 1910 год [Унбегаун 1988, 312–313]. В этом списке 89 фамилий на *-ов/-ев*, 6 на *-ин* (*Никитин*, *Кузьмин*, *Ильин*, *Сорокин*, *Фомин*, *Воронин*), 2 на *-ский* (*Покровский*, *Троицкий*) и 3 немецкие *Шмидт*, *Миллер*, *Шульц* (что не является неожиданным для северной столицы той эпохи). Вот 25 лидирующих фамилий из этого списка:

1. Иванов	14. Григорьев
2. Васильев	15. Степанов
3. Петров	16. Семенов
4. Смирнов	17. Павлов
5. Михайлов	18. Богданов
6. Федоров	19. Николаев
7. Соколов	20. Дмитриев
8. Яковлев	21. Егоров
9. Попов	22. Волков
10. Андреев	23. Кузнецов
11. Алексеев	24. Никитин
12. Александров	25. Соловьев
13. Лебедев	

В Москве в 1964 году наиболее частотными фамилиями были *Иванов*, *Кузнецов*, *Смирнов*, *Попов* (это самые распространенные русские фамилии вообще) [Никонов 1988, 35–38]. Распределение этих фамилий по всей территории России неоднородно. На Севере и в части Черноземья лидирует фамилия *Попов*; Северное Поволжье (Ярославль, Кострома, Вологда, Череповец, Рыбинск, Иваново, Вятка) — зона преобладания *Смирновых*; в ареале от Верхней Оки до Средней Волги (Тула, Пенза, Нижний Новгород, Ульяновск) доминирует фамилия *Кузнецов*. Наконец, фамилия *Иванов* доминирует на северо-западе страны (Петербург, Новгород, Тверь). Указанные фамилии распространены по всей России, но степень их присутствия различна. Например, по подсчетам В.А.Никонова, *Ивановы* в Тульской губ. занимали 23-е место, а в Пензенской — 135-е [Никонов 1988, 33–37].

Приведем в порядке рейтинга 25 воронежских фамилий из списка Н.П.Коваленко, который содержит 51 единицу [Коваленко 1998, 27]:

1. Попов	14. Беляев
2. Иванов	15. Фролов
3. Кузнецов	16. Колесников
4. Васильев	17. Морозов
5. Петров	18. Золотарев
6. Новиков	19. Чернышов
7. Соколов	20. Власов
8. Федоров	21. Степанов
9. Гончаров	22. Козлов
10. Волков	23. Макаров
11. Смирнов	24. Пономарев
12. Семенов	25. Зайцев
13. Михайлов	

Большую часть фамилий воронежского списка находим и в петербургском, за исключением фамилий *Колесников, Золотарев, Чернышов*. Все четыре наиболее частотные русские фамилии входят в оба списка, но их место в них, естественно, разнится. Обращает на себя внимание тот факт, что в петербургском списке преобладают патронимические фамилии, образованные от крестильных имен — 18, в воронежском их 10. Зато в воронежском списке 7 фамилий, связанных с обозначением рода деятельности (*Попов, Кузнецов, Новиков, Гончаров, Колесников, Золотарев, Пономарев*), в петербургском — 2 (*Попов, Кузнецов*), и 8 воронежских фамилий образованы от некрестильных имен и прозвищ (*Соколов, Волков, Смирнов, Беляев, Морозов, Чернышов, Козлов, Зайцев*). В петербургском списке таких фамилий 5 (*Смирнов, Соколов, Лебедев, Волков, Соловьев*). Сказанное позволяет сделать вывод о том, что проблемы регионального распределения и частотность русских фамилий заслуживают более пристального внимания не только со стороны лингвистов, но и историков, этнографов, демографов.

В целом, несмотря на высокую концентрацию некоторых фамилий в отдельных регионах, русская фамилия обладает более высокой различительной силой по сравнению с именем, поскольку большая часть русских фамилий обладает средней и низкой частотностью. В телефонном справочнике г.Воронежа за 1987 год на 100 000 абонентов приходится 10 632 фамилии, в то время как мужских и женских имен в Воронеже используется гораздо меньше — около 200. В целом фамилии в сочетании с именем и отчеством, как правило, обеспечивают высокую степень индивидуализации членов общества.

Отметим, однако, что в деревнях Воронежской области нередки случаи, когда набор фамилий оказывается минимальным. Так, в селе Семеновка Верхнехавского района жители носят практически 7 фамилий: *Беляевы, Мизины, Поповы, Хатунцевы, Золоторевы, Дикаревы, Чернышевы* [Ковалев 2002, 241]. Из них 3 — *Поповы, Беляевы, Чернышovy* — относятся к наиболее распространенным в регионе.

Фамилии, которые в сознании русских ассоциируются с типичным представителем нации, человеком с улицы, — *Иванов, Петров, Сидоров*. Этот сочинительный ряд может означать также «кто угодно, любой человек»: Ему было все равно, Каменская живет в этом доме, или какой-нибудь *Иванов-Петров-Сидоров* (Маринина). Итальянцы в таких случаях прибегают к выражению *Tizio, Cio e Sempronio*, тоже построенному по сочинительной модели, но к антропонимам отношения не имеющего.

Подводя итог наблюдениям над итальянскими и русскими фамилиями, отметим следующее. Фамилия в итальянском социуме имеет иной социальный и психологический статус по сравнению с фамилией в русском социуме. (Мы отвлекаемся от того факта, что русский социум многонационален и многоконфессионален, что часто за-

фиксировано в фамилиях, в то время как фамилии в Италии в этом отношении представляют собой более ровное явление. Проблемы сосуществования и функционирования иноязычных фамилий должны стать предметом особого исследования). Совершенно очевидно разное отношение русских и итальянцев к своей фамилии. Фамилии в Италии известны как минимум семь столетий, что, естественно, наложило отпечаток на итальянскую картину мира. Каждый итальянец может проследить столетия истории своей семьи и фамилий, обратившись к приходским архивам. Что касается русских, то, как правило, дальше прадедушки такие разыскания не идут. Вряд ли кто-либо из жителей современного Воронежа сможет соотнести свою семью с именованиями, содержащимися, например, в «Переписной книге Воронежского уезда 1646 года» (в ней, кстати, упомянуто 90 *Ивановых*, 45 *Васильевых*, 36 *Федоровых*, *Поповых* же обнаружено всего лишь 16 [Стрыгин 1998, 66–67]). Дело в том, что это еще были не фамилии, а отчества, поскольку в большинстве сословий наследуемых компонентов антропонима еще не существовало: основная масса русского населения, как известно, получила фамилии лишь к концу XIX века.

На особое отношение итальянцев к своей фамилии обращает внимание и воронежский краевед А. Симонов. Он восхищается отношением к своим корням выходца из итальянской семьи, оказавшейся в России в 1878 году. Потомок этой семьи В. Феррони с давних пор проживает в Воронеже и может рассказать о предках истории, которые упираются в седую древность, сопровождая свой рассказ документами. Краевед так суммирует свои наблюдения: «Будем откровенны: мы, русские, не всегда уважаем свою историю, свое прошлое, иногда бываем «Иванами, непомнящими родства», не интересующимися своими корнями. А вот итальянцы понятием «мой род»

очень дорожат» (А. Симонов. Сквозь призму пламени. Воронеж, 2000, с. 14–31).

Добавим, однако, в оправдание, что зачастую мы вынуждены быть «непомнящими родства» как в силу позднего появления фамилий, так и в силу отсутствия архивных данных. Кстати, от термина «непомнящий родства», который использовался полицией для обозначения лиц, скрывавших свои «паспортные данные», образованы фамилии, получившие распространение в Сибири: *Непомнящий*, *Непомнящих*, *Бесфамильный* [Никонов 1993, 212]. В Италии существование таких фамилий невозможно даже предположить. Вспомним ситуацию, описанную в романе Л. Пиранделло «Покойный Маттиа Паскаль». Герой романа, устав от семейных неурядиц, уходит из дома. В Монте-Карло он выигрывает большую сумму денег. Однажды в газете он прочитал о том, что на его родине обнаружили труп утопленника, которого приняли за Маттиа Паскаля. Он поселяется в Риме и решает начать новую жизнь под новым именем — Адриано Мейс. Но из этого ничего не выходит. Он не может жениться — так как, по словам бюрократов, «человек с таким именем не существует, его нет ни в одной записи», по этой же причине он не может обратиться в полицию, когда его обокрали. Не может он и восстановить свое имя, так как для бюрократов он уже умер и похоронен. Абсурдность этой ситуации, в частности, зиждется на традиции многовековой фиксации фамилии и имени в архивах. Для сравнения приведем определение термина *фамилия*, принятое Институтом этнографии АН СССР (это определение было сделано совсем недавно при работе Кодекса законов СССР о браке и семье в 70-ых годах): «Наследственное имя семьи, устойчивое не менее как в трех поколениях» (курсив наш) [цитируется по: Никонов 1993, 215]. Комментарии, как говорится, излишни.

Несмотря на длительную традицию использования фамилии, ее особое место в итальянской картине мира, вопрос о фамилиях нельзя считать раз и навсегда «закрытым». В итальянском обществе живо обсуждается проблема двойных фамилий (наподобие испанских), которые призваны «уравнять» права родителей по линии передачи фамилии детям. Более того, феминистки, исходя из латинской пословицы *Mater semper certa, pater semper incertus*, ставят под сомнение право наследования именно отцовской фамилии и требуют соответствующих изменений законодательства [Cepeda Fuentes, Cattabiani 2002, 9].

ЛЕКЦИЯ X

ФОРМАЛЬНЫЙ И ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ИСПАНСКОЙ ФАМИЛИИ

Как и имена, испанские фамилии разнообразны по происхождению и внешнему оформлению. К самым частотным фамилиям относятся патронимические образования с суффиксом *-ez*: Páirez (< Pero (Pedro)), Fernáñez (< Fernando), Lopez (Lope), Sánchез (< Sancho), Martíñez (< Martín), González (Gonzalo), Rodríguez (< Rodrigo), Gomez (< Goma), Blvarez (Blvaro), Díez (Diego), Gutiérrez (< Gutierre), Hernández (< Hernando), Jiménez (< Ximeno), Vásquez (< Vasco), Velásquez (< Velasco), Márquez (< Marco), Ibáñez (< Ibán), Ramírez (< Ramiro), Bernárdez (< Bernárdo). Реже встречаются суффиксы *-az*, *-iz*, *-oz*, *-z*: Díaz (< Diego), Ortiz (< Ordoco), Ruiz (< Ruy), Núñez (< Nuso), Saenz (< Sancho). Из других патронимических суффиксов можно привести еще *-на*, встречающийся в распространеннейшей фамилии Гарсна. Как и личные имена, патронимические фамилии могут иметь региональные, фонетические и морфологические варианты варианты: Pelbez, Pbez, Bbez (Pelayo); Sánchез, Sánchiz, Sbez, Sénz; Míndez, Menéndez, Meléndez (< Mendo, Menendo, Melendo); Díaz, Díez, Dííguez; Fernáñez, Hernández, Herrbez; Núñez, Néciz, Núñez и другие.

Испанская фамилия может совпадать с именем: Pedro, Juan, Roberto, Diego, Carlos. В сочетании с такими фамилиями часто используются предлог *de* и союз *y*, что не является обязательным. Так, в сочетании *Sebastián Juan Arbú* (испанский писатель XX века) Juan — первая фамилия писателя.

Как и в Италии, предлог *de* не является признаком знатного происхождения (в отличие от французского *de* или

немецкого *von*). Не является аристократическим компонентом и союз *y* — он ставится перед фамилией матери. Если фамилии родителей омонимичны именам, то при регистрации имени и фамилии ребенка могут быть предложены следующие варианты. Во-первых, соединить имена дефисом (если их два), например Juan-Carlos, а между фамилиями поставить союз *y*: Pedro y Gonzalo. В результате полное имя ребенка будет Juan-Carlos Pedro y Gonzalo. Реализация второго варианта полного антропонима заключается в постановке предлога *de* перед фамилией: Juan-Carlos de Pedro Gonzalo. Наконец, в третьем варианте можно использовать и предлог и союз: Juan-Carlos de Pedro y Gonzalo. Несмотря на древность традиции использования союза *y* в фамилиях и рекомендации Registro Civil (Гражданской регистрации), хождение *y* в данной функции не находит широкого применения в Испании, за исключением Каталонии. (Равно как зачастую остаются благими пожеланиями и рекомендации использовать дефис в двойных именах).

Как видим, в отличие от итальянской и русской, испанская фамилия может содержать переменные — рекомендуемые — компоненты. Это предопределило и другую особенность использования указанных компонентов: и предлог и союз в составе фамилии пишутся со строчной буквы (*el seor de Pedro y Gonzalo*); при этом в алфавитных списках предлог ставится в конце антропонима; Pedro y Gonzalo J.-C. de. В итальянских же фамилиях все компоненты пишутся с большой буквы и в алфавитных списках предлог не выносится в конец антропонима; De Rosa V., De Rossi P.

Более разнообразны по форме фамилии, восходящие к прозвищам. Отметим, что следует различать два термина: *apodo* (прозвище) и *mote* (кличка). *Apodo* имеет «семейный характер» и передается из поколения в поколение. *Mote* носит личный характер и меняется при смене

социального окружения (школа, армия). Клички даются обычно индивиду на основе его внешних данных, моральных качеств, места происхождения [Enciclopedia de la cultura espacola, «Nombres»]. В эпоху формирования фамилий кличка могла стать прозвищем и закрепиться за семьей ее носителя.

За патронимическими фамилиями по степени значимости для испанской картины мира следуют фамилии, происходящие от прозвищ. Чаще всего в основе прозвищных фамилий лежат физические и моральные качества человека, по форме они совпадают с прилагательным мужского рода, редко — женского (*Bueno, Viejo, Cano, Galbn, Amable, Sabio, Cojo, Delgado, Hermoso, Moreno, Rubio, Blanca, Bella*). К прозвищным фамилиям относятся фамилии-этнонимы (*Catalbn, Gallego, Cordobbs, Alembn*) и фамилии, содержащие указания на семейное положение: *Viudo, Viuda, Soltero, Hereder, Exposito*.

Обширный разряд прозвищных фамилий восходит к обозначениям рода деятельности, титулов, должностей: *Alferez, Monje, Fraile, Sastre, Alcalde, Minero, Herrero, Herrera, Guerrero, Moliner, Molinero, Camarero, Conde, Rey, Reina*. Прозвищными фамилиями являются фамилии — названия растений (*Avellaneda, Castacos, Cebollas, Sarmiento, Jazmn*), животных (*Lobo, Zorro, Gato, Caballo*), обозначения явлений природы (*Alba*) или различных предметов (*Mesa, Botella, Barca*). Такие фамилии чаще всего имеют форму существительных единственного числа без артикля, хотя встречаются и существительные во множественном числе: *Castacos, Cebollas, Lobos, Zapatos, Botines*.

Фамилии-топонимы могут быть существительными единственного или множественного числа, в том числе с предлогами и артиклями (*Bosque, del Bosque; Rno, del Rno, de los Rnos; Monte, Montes, del Monte, de los Montes; Torre, Torres, de la Torre, de las Torres; Cyrdoba, de Cyrdoba*);

а также словосочетаниями (которые пишутся слитно или раздельно): Fonseca, Villalobos, Soto Mayor. Несмотря на то, что в вышеприведенных случаях предлог и артикль являются постоянными компонентами фамилии, они пишутся со строчной буквы и в алфавитных списках выносятся в конец антропонима: Rnos y Rnos A. de los. Имеются также случаи слитного написания предлога и основной части фамилии: Delmar (< del mar), Dbvila (< de Bvila), Daza (de Aza), Donis (< de Onis) [Скрозникова, 141].

Испанские фамилии-прозвища, обозначающие какие-либо обстоятельства или факты из жизни человека, иногда имеют форму словосочетания, которое пишется слитно или раздельно: Buendna, Buenvino, Panseco, Pasagnos, Tres Palmas, Dos Casas, Buena Dicha. Артикль (без предлога), встречающийся гораздо реже в испанских фамилиях, чем в итальянских, тоже зафиксирован в двух вариантах написания (слитном и раздельном), но всегда с заглавной буквы: Lacalle, Elcano, La Cruz.

Ряд фамилий-прозвищ произошел от имен святых: Sanmiguel, Sampedro (Sanper, Semper, Sampir), Sanmartn, Sanjубn (Santibбceз, Sandianes, Saniz), SanJosй, Sanjorge (Sanjurjo, Santurco, Santjordi), Sanjuliбn (Santillбn, Santullбn, Santuliano). Фамилия SantaMагnа (Santa Магnа) в Испании, как и фамилия Nostradamus во Франции — типичная фамилия крещеных евреев. К этому же типу фамилий относятся фамилии Fe, Santa Fe, Santaфй [Dolа, 413].

В целом, следует отметить особую роль прозвищ в номенклатуре испанских фамилий. Х.Альбайхес утверждает, что при введении в 1871 году обязательной регистрации имени и фамилий, часто фамилией становится прозвище (1995, 177–178). В Испании прозвища настолько живучи, что передаются по наследству, как фамилии. Ф.Лусес Хиль пишет по этому поводу: «В некоторых сельских районах Галисии официальная фамилия практически не используется и заменяется прозвищем, которое

передается от отца к детям и используется вместе с именем, как фамилия. В некоторых населенных пунктах никто не знает и не употребляет законной фамилии соседей, за исключением, пожалуй, почтальона и священника, который использует их в приходских книгах» [Лусес Хиль, 35].

В сельской местности России, как и в Испании, наблюдается широкое хождение наряду с официальными фамилиями так называемых дворовых или уличных фамилий — прозвищ; в частности, в деревнях Воронежской области официальная фамилия обычно не совпадает с уличной, используемой в повседневном общении. Например, в селе Хреновое Новоусманского района Воронежской области нами зафиксированы следующие случаи: местные жители вместо официальных фамилий Сафоновы, Лисовы используют уличные именованья Королевы, Митякины. «Наряду с официальными фамилиями у крестьян могут бытовать неофициальные, «уличные» фамилии, которые достаточно разнообразны и способны выполнять дифференцирующую функцию — разнообразие «уличных» фамилий в значительной мере компенсирует униформность фамилий официальных», — пишет Б.А. Успенский [Успенский, 360].

Испанские фамилии в этимологическом отношении весьма разнообразны; в их основе может лежать как исконно романские слова, так и германские, иберийские, еврейские и арабские. Арабские фамилии, как известно, были в свое время запрещены католической церковью, но в испанском языке остался огромный пласт арабской лексики (особенно в сфере топонимии и обозначения рода деятельности), который нашел отражение и в фамилиях: Alcalб, Alcбzar, Albйtar, Alcalde, Alguacil, Alfйizar. Некоторые арабские фамилии, тем не менее, сохранились, на-

пример Venavides, Benavides [Dnez Melcyn, 83], Venegas, Avicena [Скрозникова, 141].

Фамилий, пришедших в Испанию из других стран Европы, немного. Стала испанской фамилия нормандца Жака Бетанкура — Bethencourt (Betancourt, Betancur), высадившегося в 1402 году в Лансероте. Кстати, его потомок Августин Августинович Бетанкур был генерал-майором русской армии, директором путей сообщения России (1819 г.); под его руководством построено здание Манежа в Москве, переоборудован Тульский оружейный завод и реализованы многие другие важные для России проекты (БСЭ, т. 3). По мнению Г. Тибона, фамилия Maldonado — испанская версия шотландской фамилии MacDonald [Tibyn, 143]. Фамилии Obren, Aria, Yunge, соответственно, восходят к шотландской O'Brien, английской Harris, немецкой Junge [Скрозникова, 141].

Полный испанский антропоним, как уже указывалось, состоит из имени (простого или сложного) и обязательной двойной фамилии. Второе имя и вторая фамилия «выполняют дополнительные индивидуализирующие функции» [Лусес Хиль, 59]. Как уже указывалось, имя используется в неофициальной обстановке, в первую очередь, в семье. Фамилии — вне семейного круга (хотя имеются и отклонения от этого правила, см. ниже). Первой фамилией испанца является фамилия отца, второй — первая фамилия матери. Например, если фамилия отца Orducey Lypez, а матери Gutierrez Garcna; то у их детей фамилия будет Orducey Gutierrez. Таким образом, фамилия детей всегда не совпадает с фамилией родителей, а лишь совмещает компоненты их фамилий. Полная фамилия, сопровождаемая именами, используется в юридических документах, в официальной обстановке; в документах, удостоверяющих личность; в эк-

заменационных ведомостях, телефонных справочниках, в процедуре суда, в анкетах и пр.

Главной считается первая фамилия, то есть человек по фамилии Orducey Gutierrez может в реальной жизни пользоваться лишь первой фамилией, ставить ее на обложке книги (если он писатель или ученый), на двери дома или рабочего кабинета, на визитной карточке. Но это, повторяем, не полная официальная, так сказать, «паспортная» фамилия, а лишь часть фамилии, занесенной в Регистр.

В Португалии и Бразилии тоже пользуются двумя фамилиями, но предпочтение отдают второй; в Италии, Франции, Великобритании, США, ФРГ — только одной, хотя в Германии замужняя женщина может добавить к своей фамилии по мужу девичью (Frau Siegmund Schulz), а в Италии к фамилии, полученной при рождении — фамилию мужа: Maria Rossi in *Napoletano* (см. выше). В испаноязычных странах Латинской Америки традиции использования фамилий иные по сравнению с Испанией; например, в Боливии может меняться порядок следования фамилий; в Мексике главная фамилия — последняя; в Аргентине, как правило, ребенку дается одна фамилия — отца, но можно добавить и фамилию матери, хотя женщины, выходя замуж, меняют свою фамилию на фамилию мужа.

Обстоятельства, предопределяющие в Испании использование первой или обеих фамилий могут быть следующие:

- 1) дифференцирующая сила фамилии;
 - 2) эстетический фактор;
 - 3) генеалогические, политические и другие причины.
- Чем распространеннее фамилия, тем ниже ее дифференцирующая сила, тем реже она в обычной жизни используется без второй фамилии. К наиболее распространенным фамилиям относятся Lypez, Pirez, Garcna,

González, Bivarez, Fernández, Martínez и др. (см. ниже). Если первая фамилия такого типа, то обычно (но не как правило) в повседневной жизни ее носитель будет пользоваться обеими (ср. фамилии писателей: R. Pérez de Ayala, W. Fernández Flyrez, F. García Pavyn, J. Fernández Santos, R. Sánchez Ferlosio, J. García Hortelano, A. Lope Salinas, J. Lope Pacheco, C. Martín Gaité, B. Pérez Galdys).

Напротив, если первая фамилия обладает большой дифференцирующей силой, то вторая фамилия появляется редко. Например, полная фамилия известного писателя и философа М. Унамуно — M. Unamuno y Jugo. Под одной фамилией известны писатели C. J. Cela, M. Delibes, L. Ferrallad, J. Goytisolo, A. Machado, C. Laforet, A. M. Matute, P. Baroja, D. Medio, E. Nadal и другие.

Действие эстетического фактора можно проиллюстрировать фамилией известного философа Ортеги и Гассета. Несмотря на то, что его первая фамилия Ortega — довольно редкая и обладает высокой дифференцирующей силой, в сочетании с Gasset полная фамилия приобретает особую законченность.

Генеалогический фактор заключается в следующем: человек пользуется обеими фамилиями, если вторая — аристократическая или историческая (García Quicones, Dñez del Alba). Во времена Франко его однофамильцы предпочитали не опускать эту фамилию, когда она была второй: Quicones Franco.

Политические деятели чаще всего известны под одной фамилией. Так, несмотря на распространенность фамилии González, Фелипе Гонсалес пользовался только первой фамилией; этому способствовало довольно редкое личное имя, именно этот компонент стал основой для аппелятивной деривации: felipismo, felipesco, felipizar. Премьер Ф. Гонсалеса на посту председателя правительства.

José María Aznar тоже известен только под первой фамилией, которая стала нарицательным существительным

и от которой образован ряд дериватов — aznarista, aznarismo, aznarizar. Нынешний глава правительства José Luis Rodríguez Zapatero предпочитает вторую фамилию (так сказать, за демократичное содержание); ее чаще используют журналисты на страницах прессы, полная фамилия встречается лишь в официальных сообщениях.

Итак, прагматика использования одной (первой или второй) или обеих фамилий очевидна.

Наконец, имеются случаи, относящиеся к периоду неустановившейся нормы наследования фамилии. Так, по фамилии матери известны Luis de Gyngora (согласно современной норме он должен был бы носить фамилию Argote de Gyngora) и Diego Velázquez (в настоящее время его фамилия была бы Rodríguez Velázquez). В наши дни называют по второй фамилии, опуская первую, известных писателей, первая фамилия которых является обычной (обладает слабой дифференцирующей силой), а вторая — редкой. Так, Ф. Гарсию Лорку можно назвать просто Lorca (La poesía de Lorca), Б. Переса Гальдоса — Galdys (La obra de Galdys), В. Бласко Ибаньеса — Ibáñez (las novelas de Ibáñez).

Помимо обычных двойных фамилий, существуют сложные и составные фамилии. В сложных фамилиях один из компонентов может состоять из двух слов: Lope de Soto Mayor, Buen día Cispedes, Buena Dicha Arenas, Soto Largo La Cruz; Buenaventura Ruiz. В составных фамилиях — это может быть фамилия усыновленного ребенка — к фамилиям родителей добавляются либо первая фамилия одного усыновителя, либо первые фамилии обоих усыновителей. Например, фамилия ребенка до усыновления была Lope García; его усыновили Luis Rodríguez Ruiz и Ana Sánchez Dñez; после усыновления его фамилия может стать Lope-Rodríguez García, Lope García-Sánchez, Lope-Rodríguez García-Sánchez. В составных фамилиях используется дефис: между первой фамилией

отца и приемного отца, фамилией матери и приемной матери. Дефис будет иметь место и в тех случаях, когда родители захотят оставить ребенку — в первую очередь, по генеалогическим соображениям — и первую и вторую фамилию, например, отца. При этом фамилия отца *Garcna Quicones*, а матери *Lopez Sbnchez*; фамилия ребенка будет *Garcna-Quicones Lopez* (компоненты фамилия отца будут писаться через дефис).

Вот примеры составных фамилий, взятые из телефонной книги Мадрида (*Pbginas amarillas*): *Cabello Subrez-Guanes*, *Garcna Garcna-Aranda*, *Garcna-Gil Rodriguez*, *Garcna-Giryn Sbnchez*, *Martnez-Garcna Donas-Martnez*, *Garcna-Hidalgo Morel-Delgado*, *Martnez-Romillo Martn-Pinillos*, *Sbnchez-Moncayo GymeZ-Escalonilla*.

Иностранка, вышедшая замуж за испанца, добавляет к своей фамилии первую фамилию мужа с предлогом *de*: *Schon de Molina*, а иностранец — просто первую фамилию жены: *Smith Garcna*.

Испанец к двум первым фамилиям родителей может присоединить и вторую фамилию отца и вторую матери (особенно в случаях их аристократического происхождения или особого звучания) — без их официальной регистрации. Такая фамилия может быть использована на визитных карточках, в неофициальных документах, письмах и пр. Замужняя женщина не меняет свою фамилию, но в повседневной жизни может добавлять к своей первой фамилии первую фамилию мужа с предлогом *de*: *Magna Lopez de Pelayo*. Это не официальная, «паспортная» фамилия, а именование с прагматической установкой подчеркнуть факт замужества. Вдова к первой фамилии добавляет слова *viuda* и первую фамилию мужа: *Magna del Carmen Lopez, viuda de Sbnchez*. Интересно, что вдовы известных адвокатов, врачей, общественных деятелей фигурируют в телефонных справочниках под первой фамилией мужа: *Soto, vda de; Salinas,*

vda de. И здесь прагматика-использования фамилии очевидна.

В одном из пособий по этикету приводятся следующие образцы свадебного приглашения:

Andrés Menéndez Ochoa y Josefina Ramos de Menéndez tienen el gusto de participarle el enlace de su hija Consuelo con Alejandro Trujo Izquierdo.

Ignacio Trujo Delgado y Dolores Izquierdo de Delgado tienen el gusto de participarle el enlace de su hijo Alejandro con Consuelo Menéndez Ramos que se celebrará D.M. en la Basílica de Santa María del Pi de Barcelona, el 10 de septiembre de 1990 a las 11 de la mañana, Plaza del Pino, s/n. Alejandro Trujo Izquierdo y Consuelo Menéndez de Trujo le invitan después de la ceremonia.

R.S.V.P. (Répondez, s'il vous plaît — Ю.Р.) [Sotis, 40–41].

Как видим, мать невесты обозначена как *Josefina Ramos de Menéndez* (первая фамилия мужа); аналогично мать жениха — *Dolores Izquierdo de Delgado*; новобрачная после церемонии венчания будет называть себя *Consuelo Menéndez de Trujo*. Но это, повторяем, не официальная фамилия, а фамилия с прагматической установкой подчеркнуть факт принадлежности к одной семье.

Принято добавлять к первой фамилии замужней женщины первую фамилию мужа в ситуациях представления, знакомства. На работе, в официальной обстановке замужняя женщина использует свою постоянную фамилию, полученную при рождении. Понятие «девичья фамилия», как ясно из изложенного, в Испании не существует; это способствует постепенному исчезновению описанной выше традиции добавлять к первой фамилии жены фамилию мужа.

Еще раз обратимся к частотности фамилий. Энциклопедический словарь Эспаса [*Diccionario enciclopédico*

Espasa, t.1, Madrid, 1984] приводит следующие данные по процентному соотношению 18 самых распространенных фамилий:

- 1) Pírez — 11%;
- 2) Fernbndez, Garcna, Lypez, Sbnchez; — по 10%;
- 3) Martnez, Martn; — по 8%;
- 4) Gonzblez; — 7%;
- 5) Rodrnguez; — 4%;
- 6) Gyme; — 3%;
- 7) Bvarez, Runz; — по 2%;
- 8) Dnez, Gutiirrez, Hernbndez, Jimñez, Mucoz, Ortnz — по 1%.

Альбайхес приводит следующие данные по Барселоне — на основе телефонных справочников — относительно распространенности испанских фамилий (проценты даны по отношению ко всему корпусу фамилий):

- 1) Garcna — 2,45 %;
- 2) Martnez — 1,73%;
- 3) Lypez — 1,65%;
- 4) Pírez — 1,38%;
- 5) Fernbndez — 1,35%;
- 6) Gonzblez — 1,3%;
- 7) Sbnchez — 1,28%;
- 8) Rodrnguez — 1,28%;
- 9) Gyme; — 0,79%;
- 10) Jimñez — 0,68%;
- 11) Martnez — 0,66% [Albaigñs 1995, 170].

Как видим, имеются различия между данными по стране в целом и данными по Барселоне, заключающиеся в порядке следования наиболее распространенных фамилий, что естественно; но при этом второй список полностью включается в первый, т.е. не содержит новых единиц.

Несмотря на большую распространенность ряда фамилий, их дифференцирующая сила гораздо выше, чем у

имени. Это наблюдалось и раньше. Тайер Охеда приводит, например, следующие данные. В 1540 году в Чили прибыло для завоевания страны 150 человек. С одинаковыми фамилиями было 15 человек. Среди них несколько человек по фамилии Nьsez, Pírez, Sbnchez. Что касается имен, то ровно половину занимали 3 имени, наиболее популярные в ту эпоху: Juan — 42, Francisco — 17, Pedro — 16; далее следовали Antonio — 9, Diego — 8, Alonso — 8 [Thayer Ojeda, 29]. И хотя в настоящее время ономастическая мода более разнообразна и выбор имени не ограничивается двумя — тремя десятками онимов, испанская фамилия, как и русская, дает больше возможностей для идентификации индивида. Во-первых, фактор моды в сфере фамилий отсутствует и фамилии (отца и матери) обладают неограниченными сочетательными возможностями; во-вторых, само сочетание фамилий при желании родителей всегда может быть модифицировано как компонентами *de* и *y*, так и дополнительными фамилиями.

Отличительная черта испанского корпуса фамилий состоит в том, что фамилии с высочайшей частотностью «уживаются» с редкими и редчайшими, в которых зафиксирована как история испанского языка, так и история страны: в Испании функционирует около 500 000 фамилий; в то время как в Италии — 280 000. Другая особенность испанских фамилий в том, что наиболее рейтинговые единицы — исключительно патронимические. Между тем в Италии к наиболее распространенным относятся фамилии Rossi, Russo, Ferrari, Esposito, Bianchi, Romano, Colombo, указывающие на особенности внешности (Rossi, Russo, Bianchi), род занятий (Ferrari), место происхождения (Romano), отсутствие законных родителей (Esposito, Colombo). В России, как и в Испании, рейтинг патронимических фамилий высок (Иванов, Васильев,

Петров — патронимы от крестильных имен; Волков, Соколов — от некрестильных); но они чередуются с фамилиями Попов, Кузнецов, указывающих на род занятий (хотя оним Поп использовался и как некрестильное имя), а также с прозвищной фамилией Смирнов.

Выше мы рассмотрели проблему с точки зрения владельца фамилии. Окружение же может использовать его фамилию по-разному. Так, первую фамилию употребляют в качестве обращения. При этом, как показали данные анкетирования, проведенного среди студентов и сотрудников Леонского университета (50 респондентов), первой фамилией пользуются при общении вне семьи в коллективах с иерархической структурой — в армии, трудовых и учебных коллективах. В этих случаях отношения между членами коллектива могут быть равноправными (между лицами с одинаковыми званиями в армии, одинаковыми должностями в трудовом коллективе, между студентами и пр.), а также неравноправными, в основном «сверху вниз» (учитель к ученику, старший по званию к младшему по званию), реже «снизу вверх» — при обращении студента к преподавателю. Наши данные не подтверждают мнение Н. М. Фирсовой о малоупотребительном характере обращения по фамилии среди школьников в настоящее время по сравнению с 50–60 годами [Фирсова, 54].

Использованию только первой фамилий способствуют следующие обстоятельства: 1) фамилия не является очень распространенной (*José María Aznar*) и 2) успешно выполняет идентифицирующую функцию. Второе условие позволяет использовать также распространенную фамилию, если она в коллективе не повторяется. Наконец, частотная первая фамилия употребляется без второй при наличии довольно редкого имени (*Felipe González*).

В целом в современной Испании в повседневной жизни наблюдается тенденция к использованию одной фамилии — первой.

Обе фамилии, как правило, используются при общении в официальной обстановке, в документах и т.п.

Обращение по фамилии возможно и в семье. Например, если мать говорит сыну: *¡Escobar! Quiero hablar contigo*. Это сигнал серьезного разговора. В русском языке это достигается использованием полной формы имени, вместо обиходной формы или диминутива, принятого в семье: Владимир! — (вместо *Володя, Вова*). К людям с частотной первой фамилией обычно обращаются, употребляя обе фамилии *García Soto, López Cano, Martínez Ferrés, López García* и т.д.

Наконец, в коллективе возможно обращение к одному из его членов и по второй фамилии. Здесь отчетливо просматривается прагматика такого обращения: вторая фамилия используется в качестве идентификатора лица в ситуации, когда в одном коллективе несколько лиц с одинаковой первой фамилией. При этом вторая фамилия, по мнению респондентов, должна быть достаточно редкой (24 респондента из 50), привлекательной (2 респондента), краткой (обычно двусложной — 2 респондента). Такое обращение маркирует или симметричные отношения или отношения «сверху — вниз» и, на наш взгляд, часто неформальные, так как при формальных отношениях главной является первая фамилия.

Как указывалось, сам носитель фамилии может пользоваться или полной фамилией, или только первой. По второй же фамилии его называют для удобства общения другие члены коллектива. По мнению одного респондента обращение по второй фамилии в учебном коллективе возможно лишь между лицами мужского пола. Вот несколько примеров: *Soto* вместо *González Soto*, *Cano*

вместо Lypez Cano, Lobo вместо Gasna Lobo. Впрочем, окончательно устоявшихся правил и норм не существует и указанных выше людей могут называть и по первой фамилии и по полной (при изменении ситуации в коллективе или в другом коллективе и т.д.). Наконец, как указывалось, известных писателей и поэтов с распространенной первой фамилией принято для краткости называть по второй, то есть вместо Benito Pérez Galdys — Galdys, вместо Vicente Blasco Ibañez — Ibañez, Federico García Lorca — Lorca.

Таким образом, человека по имени Juan Carlos Lypez Cano в течение жизни, в разных ситуациях могут называть Juan, Juan Carlos, Juanco, Lypez Cano, Cano, Lypez и т. д. В результате, между различными вариантами именования — обычно четко маркирующими условия общения — возникают своеобразные отношения синонимии, абсолютно не схожие с синонимией в сфере нарицательной лексики, что еще раз подтверждает особый характер антропонимов как класса слов.

Итак, испанская фамилия отличается значительным динамизмом, как в смысле ее обретения (наличие возможности выбора дополнительных компонентов, пишущихся через дефис, а также использование формантов *de* и *y* для образования фамилий детей), так и в смысле ее функционирования в обществе: с одной стороны, владелец фамилии может пользоваться как только первой фамилией, так и обеими, а также добавлять к своей фамилии фамилии предков; при этом официальной остается фамилия, зафиксированная в Registro Civil; с другой стороны, окружение владельца фамилии, в зависимости от обстоятельств, использует либо его первую или вторую фамилию, либо обе фамилии. Таким образом, испанская фамилия предоставляет ее носителю неограниченные возможности для самовыражения, а окружающим — возможность выбора номинации.

ЛЕКЦИИ XI – XII

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИТАЛЬЯНСКИХ И РУССКИХ АНТРОПОНИМОВ

Как известно, основная сфера использования имен — семья, а также любая сфера близких и неформальных отношений. Следует отметить, что по сравнению с русским языковым этикетом итальянский требует более частого обращения к имени собеседника. Например, знакомые люди приветствуют друг друга по имени: — Ciao, Mario. — Ciao, Chiara; — Buon giorno, Mario. — Buon giorno, Chiara. Приветствие без имени выглядит несколько невежливым, фамильярным. Обычный же русский диалог типа «— *Здравствуйте. — Здравствуйте (Добрый день)*» воспринимается как естественный. Лично мне стоило определенных усилий отвечать на приветствия итальянских знакомых и коллег, называя их по имени. Пособия по хорошим манерам советуют обязательно добавлять к приветствию имя (при близких или дружеских отношениях), фамилию (в служебной обстановке (Ciao, Rossi)); наконец, женщин можно приветствовать, используя слово *signora*: Buon giorno, signora. По отношению к мужчине эта формула исключается, так как «Buon giorno, signore» звучит смешно [Gasperini, 43–44].

Испанские антропонимы ведут себя сходным образом, хотя в формулах приветствия они появляются реже, чем итальянские.

По-разному функционируют диминутивные, краткие и полные формы итальянских и русских имен в различных ситуациях общения. Нами было проведено анкетирование 50 студентов-славистов университета La Sapienza

(Рим). Выяснилось, что к семи опрошенным никогда не обращались ни по диминутивной, ни по краткой форме (имена Emma, Alessia, Angela, Chiara, Fulvio, Fabio, Marco). Чаще всего диминутивные и краткие формы используются при общении с друзьями (37 респондентов); здесь же и самый богатый набор форм, порой самых неожиданных: Claps, Cla < Claudia; Rouge, Red < Rossa; Aleksej < Alessia; Лщ, Lui, Little, Luiusella < Luisa; Vale, Volщ, Voluccia < Valentina; Micky, Mike, Michela < Michelangelo и др. Родители употребляют подобные формы при обращении к детям реже — 31 респондент; при этом совпадение онимов, используемых друзьями и родителями наблюдается всего в шести случаях (Vale < Valerio; Meli < Melissa; Jola < Jolanta; Nanci < Francesca; Ema, Manu < Emanuela; Lollo < Lorenzo), то есть в семье и вне семьи обычно задействованы различные единицы. Приведем несколько примеров. Родители называют ребенка Etta, друзья — Fran (полное имя Francesca), родители — Giulia, друзья — Сщ; родители — Simo, друзья — Simi (полное имя Simone); родители — Titti, Tina, друзья — Vale (полное имя — Valentina), родители — Carla (в детстве — Carletta), друзья — Carlina; родители Gaia, друзья — Ga. Имеются также случаи, когда в семье используется диминутив, а в среде друзей — полное имя: Lalli — Laura, Ele — Eleonora, Adri — Adria.

Анализ анкет показал следующие тенденции в использовании различных форм имени. Несмотря на обилие диминутивных и кратких форм, они используются гораздо реже, чем в русском языке, где в повседневной жизни при обращении редко используется полное имя (Владимир, Светлана, Ольга — эти формы, как правило, «зарезервированы» для сочетания с отчеством), чаще употребляются обиходные формы *Володя, Света, Оля*. Формальная особенность таких образований, как и диминутивных (см. ниже), в том, что в них значение рода

не выражено, в результате *Саша, Валя, Валера* недифференцированно могут относиться как к мужчинам, так и к женщинам. Исключение составляют несколько имен, которые в ситуациях неформального общения встречаются и в полной форме: *Андрей, Олег, Игорь, Инна, Нина, Вера* и др.

Наблюдается в итальянском языке и другая — противоположная тенденция: краткое или диминутивное имя легко превращается в полное, официальное, что совершенно не характерно для русского языка. Отметим также употребление в качестве обиходного имени иноязычных форм (Mike, Micky, Red, Rouge); это явление, как отмечалось, наблюдается и в русской молодежной среде: Майк, Ник, Пит, Макс и т.п.

Если в русском высказывании, например, при обращении к ребенку, используется полная форма имени, то это сигнал особой ситуации — коррекции поведения или начала серьезного разговора: *Георгий*, прекрати мучить кошку; *Владимир*, я хочу с тобой поговорить. Вот примеры из художественных текстов:

Потом отец позвал Наташу, привычно спрятавшуюся у Бэллы Львовны и Марика, и строго сказал: — *Ната-лья*, ты уже большая девочка, тебе уже десять лет. Пора принимать ответственные решения (Маринина «Тот, кто знает»).

Константин, — начал он, и *Костя* понял, что разговор пойдет серьезный, — тебе пора подключаться. (Маринина «Каждый за себя»).

И еще одна особенность функционирования обращений в разговорно-бытовом стиле речи: обращения-гипокористические образования теряют конечный гласный *а* или *я*, образуя своеобразный вокатив (его аллегривую форму): *Вась*, пересядь на другой стул; *Галь*, сходи в аптеку.

Для русского неформального общения чрезвычайно характерно использование разнообразных диминутивных форм, обладающих огромным эмоциональным потенциалом, часто неуловимыми нюансами, передающими разнообразие человеческих отношений: *Васенька, Васечка, Васёк, Васютка, Васька, Васюня; Юрочка, Юрка, Юрася, Юрик, Юрок, Юрчик, Юрец, Юраша; Катенька, Катюша, Катюшка, Катеринка; Люба, Любочка, Любонька, Любик, Любаня, Любаша* и др. Деривационный потенциал русских имен в значительной степени компенсирует известную ограниченность активного русского именина.

В формальном плане одни и те же диминутивные суффиксы в сфере личных имен не закреплены за грамматическим родом и могут образовывать как дериваты женских, так и мужских имен. Ср., с одной стороны, *Коленька, Катенька* и, с другой, *Шурик, Юрок, Светик, Людок*.

Весьма значительны и функционально-прагматические особенности диминутивов. Если, например, *Катенька* можно использовать по отношению как к ребенку, так и к взрослому человеку, то *Катюша* звучит по-взрослому [Вежбицкая 1996, 134]. Л. Толстой, называя свою героиню *Катюшей*, дает тому объяснение: «Так между двух влияний из девочки, когда она выросла, вышла полугорничная, полувоспитанница. Ее и звали так средним именем — не *Катька* и не *Катенька*, а *Катюша*» (Л. Толстой, «Воскресение»). Здесь, как следует из цитаты, оним *Катька* маркирует низкий социальный статус девушки, а *Катенька* — принадлежность к привилегированным слоям общества, в то время как оним *Катюша*, несмотря на наличие эмотивных сем «приязнь, симпатия, доброе отношение», обозначает также модальность направления этих эмоций — «сверху вниз». В настоящее время, по нашим наблюдениям, подобные онимы употребляются и в служебной сфере (обычно между женщинами); при этом тоже маркируются отношения приязни по отношению к

нижестоящим по положению: *Валюша*, пригласите всех в кабинет (начальница секретарю). Впрочем, последнее условие не обязательно, обычная коннотация подобных образований «милая, добрая женщина»: Впереди мелькнул знакомый костюм. *Любаша?* (...) *Любашино* настроение само как-нибудь наладится. (Маринина).

На наш взгляд, женские диминутивы с «мужскими» суффиксами типа *Светик, Шурик, Людок, Лялёк* (от *Ольга*) чаще встречаются в речи мужчин.

Диминутивные формы типа *Васёк, Юрчик, Лёник* применительно ко взрослому человеку обозначают его низкий социальный статус, маленький рост, молодой возраст или симпатию к этому человеку (эти коннотации могут реализоваться вместе и по отдельности). Например, в высказывании «Умница, *Витек*, хоть и не гигант речи, но дело свое знает» (Маринина) выражена симпатия к младшему по званию сотруднику. Ср. также отрывок: «Зовут его *Толик*. Не *Толя*, тем более не *Анатолий*, а именно так, уменьшительно-ласкательно: *Толик*. Эх сколько таких, как он великовозрастных, высохших от чрезмерного употребления алкоголя и никотина, поседевших, облысевших *Толиков, Витьков, Эдики* обитает по тихим дворам старой Москвы! Маленькая собачка — до старости щенок» (Ю. Голубицкий. Жить надо... // Наш современник, № 8, 2005). Здесь, напротив, за диминутивными формами скрывается обозначение низкого социального статуса с пейоративным оттенком в сочетании с указанием на незначительные «габаритные» показатели.

Подобные онимы могут использоваться и в ироническом контексте; при этом положительные эмоции (любовь, приязнь, симпатия) меняются на противоположные: *Васечка* снова всех отчитывал (сотрудники о молодом начальнике, имеющем сильных покровителей). Иудушка Го-

ловлев, как известно, называл своих сестер *Любинька* и *Аннинька*, не вкладывая в эти диминутивы ни любви, ни теплых чувств.

Наконец, в использовании диминутивных форм много личного как в смысле вкладываемых в именование эмоций, так и в смысле используемых форм, которые могут быть уникальными. Например, одну и ту же женщину по имени *Ольга* разные люди называют по-разному: *Алёна*, *Алёнка*, *Алёшка* (родители), *Олюша* (давняя знакомая), *Лёлька* (школьная подруга), *Олечка* (подруга), *Оленька* (друзья родителей), *Ольшенька* (сестра). Другую знакомую с таким же именем называют *Лялей*, *Лялькой* (родители и подруги), *Ольгуйтой*, *Ольгуйткой* (бабушка) и т.д. Последние варианты имени несколько раздражали его носительницу, она считала, что таким образом бабушка напоминала ей о деревенском происхождении семьи, так как именно этот диминутив использовали в бабушкиной деревне.

Таким образом, в форме русских диминутивных дериватов фиксируются не только эмоции говорящего по отношению к носителю имени, но и содержится определенная характеристика говорящего.

Наконец, следует различать использование диминутивных форм в функции обращения и при обозначении третьего лица. Так, *Васенька*, *Васечка*, *Васёк* — могут быть и обращением и обозначением третьего лица, в то время как *Васютка*, *Васюня* — преимущественно говорится о третьем лице.

Все реже используются в настоящее время в качестве обращения формы с суффиксом *-ка*, образованные от краткой формы имени: *Сашка*, *Ванька*, *Людка*, *Катька*. Они остались лишь в детской речи и, по всей видимости, в некоторых регионах в речи взрослых как просторечное, народное явление. Именно поэтому так легко пере-

кладывались в анекдоты диалоги *Петьки* и *Василия Ивановича* из фильма «Чапаев», в которых обращение *Петька*, служит для создания яркого комического эффекта. Для обозначения третьего лица имена на *-ка* употребляются гораздо чаще как в семье, так и между близкими людьми, но всегда, на наш взгляд, с просторечным оттенком (*У меня Петька* весь день над книгами сидит, готовится). По отношению к взрослому человеку этот суффикс маркирует низкий социальный статус (с возможным деспективным оттенком): Теперь можно спокойно возвращаться в зал, где его ждет голодный и жаждущий выпивки *Генка Аничков* (Маринина).

Поэтому нельзя согласиться с интерпретациями подобных форм А. Вежицкой, ориентированными на функцию обращения (*Людка*, *Ромка*, *Верка*, *Нинка*): «(близость) я хочу говорить с тобой так, как говорят с людьми, которых знают хорошо; (уменьшительность) я не хочу говорить с тобой так, как говорят с людьми, которые не являются детьми; (экспрессивность) я испытываю по отношению к тебе какие-то чувства; (антисентиментальность) я не хочу показывать, что я испытываю по отношению к тебе какие-то чувства вроде тех, что испытывают по отношению к детям; (антиуважение) я не хочу показывать, что испытываю по отношению к тебе какие-то хорошие чувства вроде тех, которые показывают по отношению к людям, которых не знают хорошо» [Вежицкая 1996, 147].

Итальянские имена сочетаются с этикетными словами. Сочетание полного имени со словом *don* (*don Luigi*) используется при обращении к священнику, а также как вежливая форма обращения к авторитетному человеку (на юге Италии); это также архаичная форма обращения к аристократу. Сочетания с *donna* (*donna Chiara*) — устаревшая форма обращения к пожилым, уважаемым жен-

щинам, часто благородного происхождения. Подобные сочетания используются и для обозначения человека в третьем лице, всегда в указанных выше контекстах, то есть когда речь идет о священнике, аристократе, особо уважаемом человеке.

Сочетаются с именем и слова *signor, signora*. При этом обращение *signor Mario* как вежливая форма имеет социально заниженный оттенок, оно уместно по отношению к хозяину лавки, бара, но ни в коем случае к университетскому профессору (сходные коннотации имеет и аналогичная испанская модель). Сочетания в женском роде *signora Maria* используются более широко при обращении к уважаемым женщинам (часто пожилого возраста), а также для обозначения замужней женщины в третьем лице без просторечных коннотаций. Формула *signorina Giusy* в настоящее время используется редко; так может обратиться к девушке консьерж или курьер (Signorina Giusy, с'и una lettera per lei). Эта формула, когда она используется не в шуточной ситуации, маркирует отношения «снизу — вверх». При обозначении человека в третьем лице данные формулы обязательно сопровождаются артиклем (*il signor Mario, la signora Maria, la signorina Giusy*). Наконец, сочетание имени со словом *mastro* (*mastro Giulio*) употребляют как уважительную формулу обращения к мастеровым людям (в центре и на юге Италии).

Что касается этикетных форм русского языка, отметим следующее. Русские этикетные слова *товарищ, господин* сочетаются с фамилией или с названием должности. *Товарищ* выходит из употребления, сохраняясь, однако, в формулах обращения в армии и в правоохранительных органах. Слово *господин* в то же время еще не полностью «восстановилось в правах». Правда, его часто можно услышать в передачах московского телевидения, в ток-

шоу, интервью; в провинции это слово слышится реже. Можно отметить, что это слово может выражать отчуждение и неприязнь к человеку: *Господин Чубайс* думает только, как набить свои карманы за счет народа (из выступления на митинге). В целом *господин, госпожа* ориентированы, как и в советскую эпоху, прежде всего на иностранцев: *Господин Пикьянти*, просим сообщить нам дату Вашего приезда (из официального письма). В. Пьецух пишет по поводу неприживаемости слова *господин*: «Господа? Да какие мы в сущности господа?.. Мы подневольные труженики, бедняки, едва ли не презируемые всеми государственными институциями, от начальника жилищно-эксплуатационной конторы до министерства ужасных дел» (Сравнительные комментарии к пословицам русского народа // Октябрь, 2002, № 8).

С фамилией сочетаются и слова *гражданин, гражданка*, используемые в процедуре суда, следствия («в злобных случаях», по Пьецуху): *Гражданин Петров*, где вы были вчера с двадцати часов до двадцати двух?

Особенность русской антропонимической системы в том, что она сама по себе содержит этикетные формы. Речь идет о сочетаниях имени и отчества. Наши наблюдения показывают, что в некоторых ситуациях имя и отчество (*Иван Петрович, Ольга Николаевна*) используется так же, как и формула «этикетное слово + фамилия» или «этикетное слово + имя»: *signor Rossi, signora Volpi, signora Maria, signor Francesco*. Это относится ко всем случаям дистанцированных отношений: при общении между соседями, при обращении младшего к старшему, в служебной обстановке и т.д. Наличие этикетных формул с отчеством свидетельствует об особом месте отца в русской картине мира.

Отчества сочетаются только с полным именем; сочетание гипокористической формы и отчества создает комический или иронический эффект: — Это я, *Настя Пал-*

на, — послышался усталый голос Сережи Зарубина (Маринина).

Другая особенность сочетания «имя + отчество» состоит в том, что в разговорной речи, как уже говорилось, оно подвергается сокращению слогов, результатом которых являются так называемые аллегровые формы: Мария Ивановна > Марь Иванна (Марь Ванна), Александр Александрович > Сан Саныч, Иван Иванович > Иван Иваныч, Ван Ваныч и т.д. Более того, мужское имя в таком сочетании не склоняется; образуется как бы унитарный оним: Я вчера с Сергей Петровичем разговаривал; Ты Игорь Палыча предупредил? У женских имен часто опускается конечный гласный: Татьян Михалны сегодня не будет, Передайте Светлан Иванне, что я звонил, Я с Галин Санной (Галиной Александровной) еще не разговаривал (примеры из записей устной речи).

Рассмотрим особенности функционирования итальянских фамилий. В составе полного антропонима обычная последовательность «имя — фамилия», именно такая последовательность используется в процедуре представления, знакомства: Sono Mario Rossi. Обратный порядок «фамилия — имя» характеризует бюрократическую сферу: от удостоверения личности, телефонной книги, школьного журнала до переклички в алфавитном порядке в солдатской казарме. У такой последовательности ясная прагматика: четко обозначить индивида. Когда указанная последовательность встречается вне бюрократической сферы, то создается атмосфера безличности, казенщины. Чтобы сгладить этот оттенок, например, в списке сотрудников, между фамилией и именем ставится название должности или ученой степени: Rossi ingénieur Antonio, D'Angelo professor Michele, Esposito dottoressa Maria.

Б.Мильорини пишет по этому поводу: «Если кто-то подписывается, например, Маркетти Карло вместо Кар-

ло Маркетти, то мы представляем себе не очень воспитанного человека» [Migliorani, 41]. Вот как подобную ситуацию комментирует В. Тартамелла: «Это то же самое, если бы человек обозначил себя каким-либо номером в бесконечном списке» [Tartamella, 120]. В книге известного журналиста Микеле Серы *Il nuovo che avanza* описан эксцентричный персонаж — сотрудница газеты, которая при знакомстве называла свое имя после фамилии: «Piacere Cerasio Giada» (Очень приятно, Черазлио Джада), чем шокировала окружающих. Но больше всего ее коллег пугало то, что и свои статьи в газете она подписывала Cerasio Giada. «Но никто никогда... не пожаловался на это, полагая, вероятно, что Cerasio это экстравагантное мужское имя, а Giada — фамилия, или полагая, что речь идет об обдуманной вольности, полной тонкого заигрывания с антиконвенциональной журналистикой» (M. Sera. *Il nuovo che avanza*. Milano, 1989, 122–123).

Если преимущественная сфера функционирования имени — семья и любая сфера близких отношений, то фамилия, обладая большей дифференцирующей силой, используется вне семьи. Переход к использованию фамилии в жизни итальянского ребенка символизирует переход в мир взрослых, в мир социальных отношений, отличных от отношений в семье. Именно при помощи фамилии ребенок устанавливает социальные контакты в коллективе, прежде всего школьном. «У школьных товарищей есть только фамилия: для меня Мастурцо был просто Мастурцо и ничего более», — так начинается рассказ Л. Де Крешенцо *Il compagno di scuola* (L. De Crescenzo. *Usciti in fantasia*. Milano, 1994).

Фамилия служит также для поддержания дистанции в отношениях между людьми, которая имеет место в силу неравного социального или служебного положения. Только фамилия может сочетаться со словами *dottor*, *commendator*, *professor*: можно сказать *dottor Biagi*, но не *dottor Enzo*

(Enzo Biagi — известный журналист). Что касается слова *signor*, то в официальной сфере оно сочетается с фамилией (*signor Rossi*), но, как уже говорилось выше, может сочетаться и с именем, внося коннотацию невысокого социального статуса адресата, оставаясь при этом этикетной формой вежливого обращения (*signor Mario*); напротив, слово *signora* широко сочетается в функции вежливой формы обращения как с фамилией, так и с именем, не внося указанной коннотации (*signora Rossi / signora Maria*). Формула «*signor + фамилия*» является обычной при общении с малознакомыми людьми. Обращение к человеку, с которым ты едва знаком, по имени считается невежливым, насмешливым, шутливым [Tartamella, 123–124]. Сюда, естественно, не относятся случаи использования только имени в религиозной среде: *suor Maria, padre Pio, don Abbondio, papa Giovanni*.

В. Тартамелла приводит интересный пример обращения к фамилии в целях установления дистанции между коммуникантами: «Один коллега обнаруживает промах в работе другого коллеги, к которому он обычно обращается по имени. Он отчитывает его более или менее добродушно: Маркетти, что ты тут натворил? Здесь говорящий прибегает к фамилии, символу уважения и дистанции, чтобы «встряхнуть» ее владельца, «отодвинуть» дистанцию и, как бы ставя под сомнение наличие близких отношений между говорящими, призвать Маркетти не бросать тень на имя (и надежды) его семьи» [Tartamella, 125]. Способность фамилии использоваться в подобных случаях в качестве средства коррекции поведения — еще одно подтверждение особого статуса в итальянской фамилии, имеющей многовековую историю. Корректирующую функцию фамилия выполняет и в семье: мать может обратиться к сыну по фамилии, чтобы, так сказать, призвать его к порядку: *Marchetti, ascoltami*.

Еще несколько замечаний о прагматике итальянской фамилии. Выше уже говорилось, что итальянка, выходя замуж, не меняет своей девичьей фамилии, но добавляет к ней фамилию мужа. При этом, если она пользуется только фамилией мужа, то в глазах окружающих она выглядит женщиной, полностью поглощенной семьей, для которой на первом месте ее обязанности жены и матери. Напротив, замужняя итальянка, которая в служебной обстановке пользуется только своей девичьей фамилией, производит впечатление самостоятельной женщины, которая не жертвует своей независимостью, даже будучи замужем [Tartamella, 124]. Жена может называть своего мужа по фамилии, например, в случае отношений, близких к разводу: *Il Marchetti mi ha chiesto di uscire insieme domani sera* [Tartamella, 124].

Итальянская фамилия не только может иметь в своем составе артикль, но и сочетаться с артиклем. В таких случаях артикль пишется со строчной буквы. Наиболее четкая прагматика у артикля женского рода перед фамилией женщины — указание на пол, в то время как перед фамилией мужчины артикль отсутствует: *Moravia e la Morante, Sciascia e la Corti*. Артикль отсутствует и перед полным именем женщины: *Maria Corti, Elsa Morante*, но без ограничений появляется перед артиклем, входящим в состав фамилии: — *Con chi hai parlato? — Con la Lo Franco; Oggi ho incontrato la La Sorsa*. В последнее время появилась тенденция, характерная для mass media, симметричного использования мужских и женских антропонимов без артикля: *Thatcher e Brandt, Moravia e Morante; Margaret Thatcher e Willi Brandt, Alberto Moravia e Elsa Morante* [Renzi, 393].

Имеются случаи традиционного употребления артикля перед фамилиями исторических деятелей, особенно итальянских, но эта традиция не носит обязательного характера и не распространяется на все фамилии. Напри-

мер, можно сказать Manzoni — il Manzoni, Carducci — il Carducci, в то время как фамилии Garibaldi, Petrarca, Boccaccio, Verdi не допускают сочетания с артиклем: Le imprese di Garibaldi, ho letto Petrarca e Boccaccio, le opere di Verdi [Ceppellini, 49]. Артикль перед иностранными фамилиями явление несколько архаичное (lo Shakespeare), хотя в случае il Magx такого оттенка не имеет [ibid.]. Артикль является обязательным при прозвищах известных деятелей эпохи Возрождения (il Correggio, il Bassano, il Valentino), но не всегда: Veronese — il Veronese.

В газетной хронике, а также в юридическом жаргоне артикль появляется в анафорической функции и перед фамилиями мужчин: Il responsabile, un certo Antonio Rossi... Il Rossi... [Renzi, 394].

Артикль мужского рода множественного числа перед фамилией означает, что речь идет либо обо всех представителях семьи, либо только о мужчинах: I Santini vengono con noi, I Santini sono bravi ragazzi; артикль женского рода относится только к женщинам данной семьи: Le Santini restano con noi. Артикль множественного числа обязателен при сочетании фамилии с терминами родства, в то время, как артикль единственного числа в некоторых случаях факультативен. Ср.: i nonni Santini, gli zii Santini, le zie Santini; (la) nonna Santini, (lo) zio Santini. Наконец, артикль множественного числа при фамилии может выполнять функцию транспозитора имени собственного в имя нарицательное (как правило, с негативным оттенком): la politica degli Andreotti, dei Forlani (ср. в русском языке: политика гайдаров и черномырдиных).

Неопределенный артикль перед фамилией переводит имя собственное в имя нарицательное по линии метонимии (un Modigliani — картина Модильяни; un Manzù — скульптура Манцү) или метафоры — если фамилия сопровождается добавочным эпитетом (Questo ragazzo è un novello Picasso, Questa scultura testimonia un Manzù inedito).

Прагматика антропонимических моделей — категория социально-историческая. Так, уже говорилось, что употребление русских отчеств на *-вич* в документах было строго регламентировано и зависело от происхождения, должности (XV–XVII вв.), а в XVIII — и от расположения монарха к определенному лицу [Успенский 1989, 352]. В городском быту отчество на *-вич* использовалось лишь при обращении к людям, занимающим «равное или более высокое социальное положение» [там же, 353]; полная форма отчества часто менялась на усеченную (*Пров Викулыч, Пахом Борисыч* — персонажи романа «Петербургские трущобы» В.В.Крестовского), маркировавшую низкий социальный статус его носителя. В официальном именовании и в формуле представления фигурировало отчество на *-ов*: — Честь имею рекомендоваться! — присовокупил он, отдавая скромный поклон, — отставной губернский секретарь Пахом *Борисов* Пряхин; — Виленский мещанин Осип *Иванов* Гречка (Крестовский). Дворянин же представляется с полной формой отчества: — Я поручик Черномырдинского драгунского полка Сергей *Антонович* Ковров! (Крестовский). В дворянской среде обращение только по отчеству считалось презрительным, фамильярным. «Богатые помещики всячески старались выказать мелкопоместным свое презрение; они вышучивали их как могли. Женщин звали только по батюшке: Марью Петровну — Петровна, Анну Ивановну — Ивановной», — пишет в воспоминаниях, относящихся к середине XIX века Е.Н.Водовозова (История одного детства. Петрозаводск, 1963). Дворяне и купцы не обращались к крестьянам по отчеству. Между тем в крестьянской среде жена «величала» мужа по имени-отчеству. Муж же называл жену полным именем (*Анна*), но не *Анюта* или *Нюра*, как это было в пору их добрых отношений [там же], то есть форма имени маркировала изменение социального ста-

туса женщины. В настоящее время, как известно, действуют иные нормы обращения в семье: преобладают гипокористические формы имени, как между супругами (как правило, независимо от их возраста), так и между родителями и детьми (по направлению от родителей к детям).

Что касается усеченных форм отчества (*Петр Иванович* вместо *Петр Иванович*) — это принадлежность устной речи, без социальных коннотаций. Отчества на *-ов, -ев* встречаются в диалектах, в частности в Воронежской области: *Иван Петров, Иван Сергеев*. Использование при обращении только отчества теперь не выражает презрения к собеседнику, но носит несколько заниженный характер (в социальном или ситуативном плане). Например, трудно представить, чтобы меня кто-то из коллег называл *Алексеевич (Алексейч)*, но на даче при общении с соседями-мужчинами это, как правило, обычная (но не обязательная) ситуация. Женщины же в такой обстановке прибегают к формуле «имя + отчество».

Использование отчеством как элементом русского этикета представляет определенные трудности: отчество нужно знать и помнить. Кто из русских не сталкивался с ситуацией, когда перед тем, как войти в кабинет столоначальника, нужно узнать его имя и отчество (если на табличке обозначены лишь инициалы и фамилия)? Помимо обычной формулы *Как Вас зовут?* существующей во всех языках, в русском языке имеются еще специфически русские формулы с разговорным оттенком — *Как Ваше имя-отчество?*, *А по батюшке?* Знание имени и отчества — необходимое условие общения во взрослых коллективах:

— Залазьте, товарищ охотник, не знаем вашего имени-отчества. — Сергей Иванович (Нагибин). — *Salga, compagno cacciatore, non conosciamo il suo nome e patronimico.* — *Sergej Ivanovic.*

Наблюдается сужение сферы употребления отчества. Если в предыдущие десятилетия формула «имя + фамилия» применялась в публичной сфере в основном для именованья видных представителей литературы и искусства (*Евгений Евтушенко, Никита Михалков, Татьяна Дороницина*), то в настоящее время эта формула становится лидирующей и «охватывает» не только деятелей культуры. Особенно это заметно в языке mass media. В телевизионных ток-шоу ведущий представляет участников, как правило, без отчества: *Татьяна Шилова*, директор Института семьи; *Владимир Антонов*, профессор, зав. кафедрой социологии и т.д., но обращается к ним по имени-отчеству: *Татьяна Григорьевна*, каковы, на Ваш взгляд, основные проблемы, с которыми сталкивается молодая семья? *Владимир Сергеевич*, где можно подробнее ознакомиться с подобной статистикой? К своим же коллегам телеведущий обращается только по имени. Так, на всех каналах центрального телевидения можно услышать примерно такой диалог между телеведущим и журналистом-репортером: — *Владимир*, вы меня слышите? — Да, *Катя*, я вас слышу. Несколько десятилетий тому назад такое обращение в публичной сфере между взрослыми людьми было просто недопустимым.

Журналисты подписывают свои статьи без отчества: *Иван Грибанов, Валентина Иванова*. Исключение составляет пресса православной ориентации, где авторы подписываются, указывая имя, отчество и фамилию: *Николай Сергеевич Леонов, Артемий Валерьевич Ермаков, Галина Дмитриевна Пильникова* (Русский дом, 2001, № 10). Прагматика такого использования — подчеркнуть верность и привязанность традиционным ценностям, в число которых входит отчество.

В современной столичной прессе вообще принято избегать употребления отчеств. Например, в газетной статье «Тетя Ася наехала» пенсионерку *Асю Васильевну*

Смышляеву (полный антропоним указан в подзаголовке статьи) автор упорно называет *Асей Смышляевой* (Известия, 23. 03. 2002), что по отношению к пожилому человеку звучит, на наш взгляд, неучтиво. В центральных газетах чаще всего встречается антропонимическая модель «имя + фамилия». Вот примеры из «Комсомольской правды» за 28 июня 2002 года: Министр финансов страны *Алексей Кудрин* на днях огласил список тех, кому в будущем году государство гарантирует лучшую жизнь; Министр обороны России *Сергей Иванов* сообщил в минувший вторник, что в Чечне разгромлена банда боевиков...; Почти каждый день провожу различные встречи, в том числе с министрами, с *Михаилом Касьяновым*, с *Владимиром Путиным*; О том, как в ближайшие годы изменится жизнь российских телезрителей, рассказывает начальник отдела цифровой и компьютерной обработки информации... *Виктор Дворкович*; Так выразил чувства большинства *Алексей Веретенников* из Ижевска; Главный приз получит «Кукушка» *Александра Рогожкина*; Таковую умопомрачительную карьеру сделала *Тамара Кириченко* на одном из малых предприятий Воронежа; *Вениамин Каганов*, директор Института предпринимательства и инвестиций; Следователь облпрокуратуры *Владимир Павлов*; Генерал-майор внутренних войск *Юрий Мамонов*; Появился он (лицей-интернат — Ю.Р.) по инициативе *Михаила Ходорковского*, главы нефтяной компании «Юкос»; *Наталья Шашина*, ведущий специалист НИИ дезинфектологии; *Ирина Успенская*, врач-аллерголог, и т.п. В этом же номере газеты находим примеры именованья людей только по фамилии; это, как правило, фамилии известных людей. Ср. заголовки: *Путин* будет отдыхать в рассрочку; «Кукушка» накукует *Рогожкину* «Золотого Георгия»?; Как *Брежневу* не дали колбасы; Для *Карпина* жизнь закончилась, Для *Сычева* — только начинается; Угадать замысел *Романцева* оказалось невоз-

можно, а также отрывок из заметки: А куда поедут другие политики? Премьер *Касьянов* — в Сочи, вице-премьер *Матвиенко* — на Средиземное море; спикер Госдумы *Селезнев* — в санаторий под Петербургом... Только по имени названы представители шоу-бизнеса: *Лолита*, *Шурб*, *Юлиан*.

Лишь в одном материале этого номера «Комсомолки» используется полная антропонимическая модель «имя + отчество + фамилия», в котором речь идет о людях, живущих в тайге вдали от цивилизации — *Агафье*, *Ерофее*, *Надежде*. Автор называет их только по имени, чем, на мой взгляд, подчеркивает их уникальность (хотя полная форма имени одного из них приводится в тексте материала: *Агафья Карповна Лыкова*). Людей же, каким-либо образом вовлеченных в судьбу таежников, журналист называет по полной антропонимической модели. Прагматика полных именованья в данном случае — не только информирование читателя, но и выражение определенного личного момента: симпатии и уважения автора к этим людям, факта личного знакомства с ними. Ср.: Руководитель полета *Николай Николаевич Кузнецов* позвонил мне в Москву: «Собирайтесь! Вертолет заночует в тайге, вы сможете с ним же и выбраться»; ...был отдан на прокорм плотнику и жестянщику, присланным сюда заботливым администратором таежного городка Таштагола *Владимиром Николаевичем Макутой*; Детскую радость Агафьи вызвала привезенная другом моим *Николаём Николаевичем Савушкиным* посуда»...

В провинциальной прессе, в частности воронежской, именованья взрослых людей без отчества встречаются гораздо реже по сравнению с московской прессой, чаще используется полная антропонимическая модель, особенно в интродуктивной функции. Ср. примеры из воронежской газеты «Берег» от 17 мая 2002 года: *Александр Иванович Аносов* — человек, о каких говорят: «На них земля

держится»; *Ольга Федоровна Шарошкина*, главный бухгалтер Октябрьской сельской администрации; *Нина Николаевна Конторина*, исполняющая обязанности Костенского сельского совета; Гостили в «Береге» *Егор Пахомович Лепехин* и *Александр Евгеньевич Перепеченых* — самые деятельные представители общины федоровцев; Поможет нам в этом замечательный воронежский ученый, философ *Владимир Петрович Фетисов*; Именно так подписался *Владимир Александрович Иванов*, наш читатель со стажем; Об этом с тревогой пишет наша читательница из Воронежа *Марина Ивановна Прусакова*; А во вторник красивая доска из черного мрамора открылась на доме № 32 по улице Студенческой, где некоторое время жил *Анатолий Владимирович Жигулин*, замечательный лирический поэт; В музее С.Есенина и библиотеке им. И.Никитина состоялась встреча с писательницей *Ириной Евгеньевной Ракша*... На наш взгляд, приведенные примеры подтверждают высказанное выше мнение о том, что в таких именовании может содержаться модальность личного отношения пишущего к тому или иному человеку: уважение, факт знакомства или непосредственного общения (при котором использовалась формула «имя + отчество») и т.п.

Активна и двухкомпонентная модель «имя + фамилия», особенно при изложении событий в политической и официальной сфере, в том числе провинциальной: Мэр города *Александр Ковалев* начал планерку с объявления благодарности всем службам и работникам, участвовавшим в организации майских праздников; На эту должность назначен *Анатолий Бородецкий*, директор института «Гипрокоммундортранс». Бывший архитектор города *Александр Сорокин* покинул этот пост для творческой работы; Начальник управления по гражданской обороне и чрезвычайным ситуациям Воронежа *Сергей Хомук* обратился к руководству области с просьбой о

создании специальной комиссии...; Зам губернатора *Александр Ципин* сказал, что теперь ситуация с состоянием дел в ЖКХ будет обсуждаться на подобных селекторах дважды в месяц.

В отличие от трехкомпонентной модели сочетание «имя + фамилия» несет модальность отстранения говорящего от называемого лица. В целом, опущение отчества меняет функциональную дистрибуцию компонентов полной русской антропонимической модели, усиливает роль имени и фамилии. В частности, в mass media формула «имя + фамилия» активно вытесняет трехкомпонентную модель и становится формулой представления и названия лица, особенно когда речь идет об официальной сфере. Мне представляется, что сужение диапазона функционирования отчества — реакция русской антропонимической системы на явления глобализации: двучленная антропонимическая модель, являющаяся базовой в англосаксонском мире, оказывает влияние на другие антропонимические системы. Не случайно, что это явление получило особое распространение в России в постсоветский период. Вспомним, как называли руководителей государства в последние десятилетия. Руководителей государства Брежнева, Андропова, Черненко, Горбачева в прессе 80-ых годов упоминали с обязательным использованием отчества: *Леонид Ильич Брежнев*, *Георгий Владимирович Андропов*, *Константин Устинович Черненко*, *Михаил Сергеевич Горбачев*; лишь в международном контексте, при изложении откликов западной прессы можно было встретить *Леонид Брежнев*, *Михаил Горбачев*. Ельцин в период перестройки был *Борисом Николаевичем*, а в период президентства, особенно в последние годы — просто *Борисом Ельциным*. Что касается В.В.Путина, то его отчество (*Владимир Владимирович*) в mass media можно встретить только в интервью, при непосредственном обращении журналиста к президенту; при

изложении событий фигурируют только фамилия или имя и фамилия — (*Владимир*) *Путин*, иногда только инициалы *ВВП* (в ироничных или критичных контекстах).

По данным РИА «РосБизнесКонсалтинг», на вопрос «Какое обращение на работе либо в официальной среде кажется вам наиболее уместным?» были получены следующие ответы: 54,4 % опрошенных отдает предпочтение обращению по имени, 36,8 % — по имени-отчеству, 0,5 % — по фамилии, 7,2 % респондентов относятся безразлично к формулам обращения, и 1,1 % затруднились ответить на этот вопрос (АиФ, № 1 — 2, 2006). Приведенные данные, несмотря на слишком общий характер вопроса (не дифференцирующий условия коммуникации между сотрудниками — равными или неравными по возрасту или положению, с одной стороны; в различных типах коллективов, с другой), весьма показательны в том отношении, что отражают основную тенденцию последних десятилетий сужения сферы использования отчества и в то же время свидетельствуют о том, что отчество не находится в состоянии кризиса, как, например, формула *don + имя* в испанском языке.

Тем не менее, сужение сферы использования отчества приводит к изменению этикетных норм. Как уже говорилось, формула «имя + отчество» все чаще заменяется именем, в том числе в сфере формального общения. Приведем пример из художественной литературы. Пожилая домработница в романе А.Марининой «Закон трех отрицаний» во время дачи свидетельских показаний называет следователя Силуянова, которого она видит в первый раз, не по имени и отчеству и даже не просто по имени, а используя уменьшительную форму: Согласитесь, *Коленька*, это о многом говорит (Маринина). Это абсолютно новое явление в русском этикете, немыслимое несколько лет назад. Утрата позиций отчества сопровождается «наступлением» местоимения *ты*. В этом же романе Ма-

рининой описана сцена, в которой практически незнакомые люди (мужчина и женщина) примерно одного возраста (за сорок лет) общаются в неформальной обстановке. Мужчина (кстати, филолог) просит женщину сразу же перейти на «ты», на что героиня не соглашается (Мне это сложно), тогда собеседник предлагает: — Но давайте хотя бы обходиться без отчества. Будем называть друг друга просто по имени. Вы — *Настя*, я — *Валя*. — Это можно (Маринина).

Обратимся к русским фамилиям. Как и итальянские, русские фамилии — принадлежность общественной сферы. Называние человека и обращение к нему по фамилии приняты в школе, трудовых коллективах и особенно в армии и силовых структурах.

Различия заключаются в следующем. Итальянская фамилия используется чаще русской: довольно обширной сфере применения формулы «*signor + фамилия*», как говорилось, соответствует русская модель «имя + отчество». Например, при общении между соседями, при обращении к официальному лицу и т.д. Редко встречается русская фамилия в формулах приветствия. Диалог «— Здравствуй, Петров! — Здравствуй, Иванов!» может появиться лишь в особой обстановке (например, при встрече бывших одноклассников). Между тем аналогичный диалог в вежливой форме вообще выглядит нелепо: — Здравствуйте, Петров! — Здравствуйте, Иванов! В то же время итальянский диалог «— *Ciao, Rossi!* — *Ciao, Volpi!*» можно услышать в школе, на предприятии, на улице, в университете, в казарме. Наконец, у русской фамилии нет функции коррекции поведения.

Русские фамилии часто превращаются в прозвища; в известном смысле это процесс, обратный образованию фамилий, характерный, по мнению Б.А.Успенского, для школьной среды: «Так, попадая в школу, *Соколов* стано-

вится Соколом, Попов именуется Попом, Киселев — Киселем» [Успенский 1989, 347], Кузьмин — Кузьмой, а также для творческих коллективов:

Все, что делал Щекочихин (*Щекоч*, как звали его меж собой коллеги), было неизменно ярко, революционно («МК», 4 июля 2003).

Типично преобразование фамилий в клички для криминального жаргона: «Одного из гостей, гражданина Украины Александра *Фомина*, после проверки задержали и препроводили в «воронок». *Фома*, украинский вор в законе, четыре года находился в международном розыске» («Мегаполис-экспресс», 04.03.2002).

Подобное сокращение фамилии — явление не новое в русском обществе. В уже упоминавшихся воспоминаниях Е.Н.Водовозовой отмечается фамильярное отношение богатых помещиков к мелкопоместным, что выражалось, в частности, в искажении фамилии. Приведем две цитаты: «Мелкопоместного дворянина, по фамилии Чижов, все называли *Чижом*. Когда он входил, ему кричали: — А Чиж! Здравствуй! Садись! Ну, чижик-пыжик, где ты был?»; «Обращался он (богатый помещик — *Ю.Р.*) с ним (с мелкопоместным — *Ю.Р.*) так, как вожак с ученым медведем. Например, говорил мелкопоместному: — А ну-ка, Селезень, — так звали мелкопоместного Селезнева, — расскажи-ка нам, как ты с царем селедку ел» (Е.Н.Водовозова. История одного детства. Петрозаводск, 1963).

Образование прозвищ от фамилий явление не типичное для Италии, хотя можно встретить и сокращения типа *il Berlusconi (il Berlusco)* — иронично-деспективное именование политика *Berlusconi* или *la Merla* — так за глаза соседи называют женщину по фамилии *Merlo* (*merlo* «дрозд»). В Испании тоже возможны сокращения типа *Guti < Gutiérrez*.

Помимо общих тенденций именованя человека, существуют частные традиции, складывающиеся в отдельных коллективах. По каким-то причинам, ясным только членам сообщества, одних называют по краткой форме имени, других — используя диминутив, третьих — по фамилии, четвертых — по имени-отчеству: «На этих праздниках появлялись какие-то дяди Саши, Лидочки под пятьдесят, Анжелы Михайловны, Борис Ивановичи» (А.Кучаев. Как стать знаменитым писателем. — Москва, 2002, № 4). Подобные явления происходят и в итальянских коллективах, но здесь заметную роль играют также этикетные слова *signor, signora, signorina, don, donna*.

ЛЕКЦИЯ XIII

НЕКОТОРЫЕ ГРАММАТИЧЕСКИЕ
И СОЧЕТАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
ИСПАНСКИХ АНТРОПОНИМОВ

Как уже указывалось, большинство испанских имен, с одной стороны, образуют родовые пары. Ср. необычные для русских женские имена: Davida < David, Jesъsa < Jesъs, Ivana < Ivbn. С другой стороны, известно также, что в качестве женских имен могут использоваться существительные мужского рода единственного (Rosno, Socorro, Pilar) и множественного числа (Dolores, Remedios), существительные женского рода множественного числа (Nieves, Angustias), а также топонимы (Lourdes, Montserrat). Соответственно, женские обиходные имена могут оканчиваться на -o: Dolo (Dolores), Тео (Teodora), Filo (Filomena). Еще одна особенность функционирования категории рода касается женских имен на -o, -es, которые сочетаются, согласно норме, только с суффиксами мужского рода: Rosarito, Consuelito, Socorrito, Amparito, Doloresitos. В качестве мужских имен встречаются существительные женского рода (чаще в Латинской Америке): Trinidad, Cruz (ср. имя героя известного телесериала: Cruz Castillo), а также образования на -a: Chema, Borja. Таким образом, в сфере личных испанских имен наблюдается уникальная в своем роде нейтрализация показателей числа и рода: субститутом имени Dolores является местоимение женского рода единственного числа ella, а субститутом нарицательного существительного dolores, к которому восходит антропоним, — местоимение мужского рода множественного числа estos (ellos).

Что касается категории рода в сфере фамилий, то еще в XVII веке, по данным Т. Тайера Охеды, многие фамилии, особенно зооморфные, изменялись по родам:

Inъs Brabra — Hernando Brabro,
Marna Brava — Elvaro Bravo,
Leonor Peinada — Juan Peinado,
Catalina Becerra — Pedro Becerro,
Inъs Ternera — Luis Ternero [Thayer Ojeda, 29].

В «Дон Кихоте» М. Сервантеса фамилии Ricote, Quijano — мужские, Ricota, Quijana — женские. В настоящее время фамилии не различаются по родам — в отличие от нарицательных существительных. Правда, в разговорной речи возможно использование фамилий типа Mendoza в мужском роде для обозначения мужчин: Mendoza. Что касается ненормативных образований женского рода типа la Perona, la Ruiza, то, по мнению Р. Карнисера, они выражают явно враждебное и презрительное отношение к называемым лицам [Carnicer, 205].

Особое отношение антропонимов и к категории числа, как в смысле ее семантики, так и формы. Множественное число фамилий может обозначать как все множество однофамильцев (Los Garcnas bastarnan para llenar la plaza), так и некоторое множество, образующее определенную семью, род, клан (это значение множественного числа у фамилий более обычное): Anoche cenъ con los Gonzblez.

По поводу образования формы множественного числа испанских антропонимов среди лингвистов нет единого мнения. Разногласия касаются в основном фамилий. Если фамилия оканчивается на -ez, -es, -iz, -az, -anz, -enz, то для обозначения членов одной семьи используется лишь артикль множественного числа: los Lypez, los Gonzblez, los Dnaz, los Dnez, los Cervantes, los Herranz, los Saenz. В то же время, Р. Карнисер считает возможными такие формы, как los Ortices (от Ortiz), los Mucoces (от Mъcoz) [Carnicer, 205]. Не изменяются во множественном числе фамилии типа Marco: los Marco (иначе меняется сама фамилия: Marcos).

Что касается остальных фамилий, то здесь сосуществуют две противоборствующие тенденции. Первая, более древняя, подкрепленная историческими фамилиями, заключается в добавлении аффикса множественного числа (los Borbones, los Pinzones, los Quinteros; ср. также: los Garcnas, los Sotelos, los Martines); « No quiero recir con Paquita Larrea, que si ella recibe a los Valentines, Ostolazas, Tenreyros, los Marros y Borrules, yo tengo el gusto de que vayan a mi casa los Argbelles, Torenos y Quintanos (Galdys, Сбдiz).

Другая тенденция — аналитического характера — заключается в использовании только артикля: los Garcna, los Madrazo (ср. название улицы в Мадриде: calle de los Madrazo), los Quintero, los Argensola. В разговорном языке чаще побеждает первая тенденция. Письменный же язык стремится к исключению формы на -s [Seco, 116]. Авторы «Проекта новой грамматики» считают, что тенденция не изменять форму числа антропонима иногда доходит до абсурда и приводят следующие примеры из мадридской прессы: apariciyn de presuntos Solana, comercios de falsos Solana [Esbozo, 189].

Если фамилия сопровождает слова los primos, los hermanos, las hermanas, то форму числа не меняет: los hermanos Machado, las hermanas Fleta. Тем не менее, у Лорки находим: Mis cuatro primos Heredias. Не образуют множественного числа при помощи -s полные фамилии (то есть обе фамилии вместе): las Pardo Bazbn de hoy (Pardos Bazanes — невозможно).

Что касается имен, то при образовании множественного числа они приобретают морфему -s и используются с артиклем. Например, в день San Josй (Святого Иосифа) — в Испании это День отца — так передают поздравления: Felicita a todos los Pepes de tu casa; что означает: поздравь всех Хосе в твоём доме.

Обратимся к проблеме сочетаемости артикля и антропонима. В своём большинстве имена собственные ис-

пользуются без артикля. Тем не менее, в ряде случаев имя или фамилия выступают с артиклем. Сочетания артикля с антропонимом интересны как в плане лингвопрагматики, так и в социокультурном аспекте.

Артикль не вносит дополнительных оттенков в рассмотренных выше случаях образования множественного числа: los Garcna, los Garcnas, los Lypez, los Pepes. Обязательно присутствие артикля, если антропоним сопровождается определениями: La hermosa Dulcinea, el Mozart espacial, un Menйndez Pidal de la lengua.

Имя, сопровождаемое определенным артиклем, имеет в современном испанском языке фамильярный и просторечный оттенок: «El viajar ilustra mucho, da cultura, se aprende la mar. Fñjese usted, la otra noche le dije a la Paca, mi secora, que tambйn es muy instruida (V. Zamora. A traque barraque. М., 1972)... Использование артикля с женскими именами — особенность мадридского разговорного языка: Voy a pasear con la Antonia; ¿Sabes que se casa la Manuela? [Salvб, 358]. Часто имя, сопровождаемое артиклем (¿Has hablado con la Magna? — из записи разговорной речи), приобретает деспективный оттенок. Такой эффект в русском языке достигается использованием суффиксации (ср.: Ты говорил с Машкой?). М. Касадо считает, что артикль перед именем характерен также для деревенского просторечия (без фамильярных и деспективных коннотаций): el Antonio, la Mercedes [Casado, 65]. Особенно часто сочетаются с артиклем женские имена: la Tomasa, la Josefa, la Pера; это явление распространено, по данным указанного автора, в Каталонии. Наконец, в ряде работ указывается, что обычно используются с артиклем (без каких бы то ни было коннотаций) женские имена, начинающиеся с ударного а: la Ana, la Bngela, la Bgueda [Alcina Franch, Blecua, 558]. Артикль при этом не меняет своей формы, в отличие от случаев с нарицательными существительными: el aula, el arma. По нашим наблюдениям, подтвержденным дан-

ными опроса, обычай сочетать указанные имена с артиклем в настоящее время утрачен.

*В Италии, как отмечалось выше, использование артикля в сочетании с личным именем тоже более характерно для женских имен; объяснение этому, по всей видимости, следует искать в сфере социальной роли мужчины и женщины: если мужчина в силу традиций не нуждается в иной детерминации, кроме фамилии, доставшейся по наследству, то женщина определяется еще и по линии мужа, отсюда, по всей видимости, и сочетания типа *la Maria de Pedro* > *la Maria*, *la Maria di Pietro* > *la Maria*. Коннотации, связанные с артиклем в таких сочетаниях в итальянском языке, иные: *la Maria*, *la Nella* несут оттенок близости, доверия. В северных областях Италии, как указывалось, артикль сочетается с мужским именем, внося тот же оттенок.*

Артикль перед именем или фамилией — особенность процессуального языка и означает *tal*, *susodicho*, *citado* (упомянутый, упомянутый выше, тот самый): *el Antonio*, *el Martnez*; *y el Juan Gymez dijo que no querria esperarme*; *y la Martnez se fue* [Fernández Ramírez, 179]. Использование определенного артикля в значении «упомянутый», «тот самый» известно с XV века. Вот пример подобного использования артикля у Сервантеса: ...*Conty a sus padres como ella era verdadera esposa de aquel Cardenio que he dicho. Supe más que el Cardenio, según decían, se halló presente a los desposorios (Quijote, I, 48).*

Подобное явление наблюдается и в итальянском языке: *Il responsabile* и *un certo Antonio Rossi... Il Rossi ha dichiarato che...*

Итак, сочетания имени с определенным артиклем социально, эмоционально или ситуативно (прагматически) маркированы.

Артикль перед фамилией служит для дифференциации пола: — *Que venga Gonzblez*. — *¡La Gonzblez o el Gonzblez?* (В итальянском языке противопоставление фамилий по линии рода маркируется артиклем *la* в женском роде и нулевым артиклем в мужском). Иногда артикль может иметь указательный оттенок. Х.Альсина Франк и Х.М.Блекуа приводят следующий пример [Alcina Franch, Blecua, 562]: ... *hace el mismo efecto que la joya que le trajo de Paris su marido a la Torres-Nobles (Pardo Bazón, Insolación)*. В остальных случаях фамилия в сочетании с артиклем, как и имя, обозначает фамильное отношение говорящего к носителю этой фамилии: *el Solana*, *el Gonzblez*, *el Aznar*; *ha venido la Gutiérrez*.

Социокультурные особенности фамилий, сопровождаемых артиклями, следующие.

В литературном языке принято, вернее, допускается использовать с артиклем фамилии деятелей итальянской культуры отдаленных эпох: *El Petrarca*, *El Veronese*, *El Cotreggio*, *El Tiziano*, *El Tasso*, реже *El Dante*. При этом необходимо отметить, что нет четких правил написания артикля: у М. Молинер артикль в подобных случаях пишется с большой буквы, в других, не менее авторитетных изданиях — с маленькой [Moliner, t. 1, 264; Alcina Franch, Blecua, 562].

Существует также традиция сопровождать артиклем фамилии, реже имена женщин — знаменитых писательниц, актрис и певиц: *la Avellaneda*, *la Pardo Bazón*, *la Callas*, *la Pantoja*, *la Guerrero*, *la Raquel Meller*, *la Mistral*; *Todos aplaudieron a la Lola de Espasa*; *Esta es la mejor película de la Garbo* [Marsó, 228]. С. Фернандес Рамирес отмечает тенденцию к исчезновению этой традиции [Fernández Ramírez, 179].

Неопределенный артикль перед известной фамилией либо переводит ее в разряд нарицательных существительных с оценочным, метафорически преувеличительным

значением: *Es un Cervantes* (он настоящий Сервантес); *Es un Napoleyn* (он настоящий Наполеон); *Es un Menéndez Pidal de la lengua* (разбирается в языке как Менендес Пидаль), либо выступает как средство метанимизации: *un Velázquez, un Picasso* (картина Веласкеса, картина Пикассо). Заурядные фамилия и имя в сочетании с артиклем приобретают деспективное значение: *Es un Juan Pérez* (Он Хуан Перес, то есть никто). Антропонимы с неопределенным артиклем — особенно с оценочным значением — появляются, как правило, в присвяточной позиции.

Таким образом, испанский артикль в сочетании с антропонимами выполняет функции, не свойственные артиклю в сфере нарицательных имен. В частности, определенный артикль может переводить антропоним в регистр просторечия и фамильярности или процессуального языка, а неопределенный — привносить модальный оттенок деспективности или транспонировать антропоним в имя нарицательное — по линии метафоры или метонимии. Отметим также дифференцированное отношение артикля к мужским и женским антропонимам. Все это еще раз свидетельствует об особенностях антропонимов как класса существительных.

Не меньший интерес представляет функционирование антропонимов в сочетании со словами *don / doña, seño / señoa*, обозначениями профессий и должностей.

Испанский язык уже в средние века обладал сложившейся системой формул обращения (*tratamientos*). В Энциклопедии испанской культуры говорится по этому поводу: «Формы обращения были строго упорядочены и считалось большой ошибкой нарушать установившиеся правила» [*Enciclopedia de la cultura española*, т. II, 532]. На самой низшей ступени находилась формула *tú + имя*, на верхней отметке — обращения *don, vuestra merced, su señoa, su excelencia*. Наиболее универсальная формула

обращения — *seño / señoa / señoito / señoita*. Эта система форм обращения претерпела глубокие изменения; некоторые из них происходят буквально на глазах.

Существует мнение, что «проблема формул обращения в испанском языке — проблема образовательно-культурного, то есть экстралингвистического характера» [Miranda, 55]; с этим можно согласиться лишь отчасти. В самом деле, с одной стороны, употребление/неупотребление этикетных формул часто зависит от культурного уровня индивида, его воспитанности; действует и экстралингвистический фактор выбора той или иной формулы обращения (возраст, социальное положение, пол говорящего, обстановка общения и т. п.), хотя при этом каждая формула по-своему, иногда довольно четко, маркирует эти экстралингвистические факторы. С другой стороны, этикетные формулы являются неотъемлемой частью системы языка, что обеспечивает им в каждом языке глубокую специфичность; они не только связаны между собой, но и взаимодействуют со всей системой языка в целом. Поэтому нельзя согласиться и с тем, что формулы обращения «не явление языка, ни даже нормы, которая не существует или неизвестна, а явление речи» [Miranda, 55]. Правила использования формул обращения существуют, они довольно сложны, и их усвоение требует определенных усилий со стороны изучающих испанский язык.

Обратимся к словам *don / doña*. В средние века это исключительно аристократический титул. В XVI веке его использование распространилось и на другие социальные слои, причем так широко, что в XVII веке потребовалось даже вмешательство короля Филиппа III, с целью запретить это обращение применительно к нетитулованным особам. Тем не менее, в последующие эпохи за *don / doña* закрепилась функция не просто вежливого, а скорее ува-

жительного обращения. В настоящее время сфера его использования значительно сократилась. Слова *don* / *dosa* никогда не употребляются изолированно, то есть в качестве формул обращения, не сочетаются с определенным или неопределенным артиклем (за исключением фразеологических единиц типа *un don Nadie*⁴) и могут предшествовать только *имени*, но не фамилии: *don José*, *don Fernando*, *dosa Rosa*. Формула с этим этикетным словом переживает глубокий кризис, связанный, на мой взгляд, с экспансией местоимения *ты*. Первой реакцией испанских респондентов на мой вопрос, в каких ситуациях они использует формулу *don* + имя, было слово «никогда». Но при детализации вопроса (Как Вы обозначаете на конверте адресат, если это Ваш начальник или уважаемое лицо?, Как Вы обращаетесь к особо уважаемому лицу? и т.п.), выяснялось, что формула жива и имеет глубокие культурные корни. В самом деле, еще совсем недавно — в семидесятые годы! — эту формулу использовали школьники при обращении к учителю. Обращение *don* + имя было обязательным к бакалаврам (бакалавр в Испании — человек со средним образованием) и к людям с высшим образованием. *Don*, как правило, маркер несимметричных отношений.

С 90-ых годы нашего столетия «*don* + имя» как формула уважительного отношения сохраняется лишь в сельской местности. *Don José*, *don Ramon* — так обращаются сельские жители к священнику, врачу, учителю, ветеринару. По рассказу одного информанта в их деревне к прежнему священнику, который пользовался безграничным доверием и уважением односельчан, обращались и гово-

⁴ В классической литературе, тем не менее, можно обнаружить примеры типа: *Antes de que concluyera la frase, el don Carlos voly* (Galdys. *Misericordia*); *Salty la dosa Pepita, muy avispada* (Valle-Inclén. *La corte de los milagros*). Для современного испанского языка такие сочетания не характерны [Fernández Ramírez, 176].

рили о нем в третьем лице именно так: *don Ramon*. К теперешнему же пастырю (который после службы передевается в джинсы, садится в автомобиль и уезжает в город) обращаются вежливо и уважительно (*señor cura*), но без того оттенка глубокого почтения, который имплицитруется словом *don*. В третьем лице его называют просто *el cura*.

Don может предшествовать также полному антропониму (имя + фамилия). Рассмотрим, что имплицитует слово *don* в сочетании с полным антропонимом и с именем в следующих фразах (из гипотетического разговора с секретаршей по телефону — данные информантов):

- 1) *Puñgame con don Francisco*;
- 2) *Puñgame con don Francisco Lypéz*.

В первом случае вся фраза указывает на то, что говорящий знаком с доном Франсиско (главная импликация) и в учреждении только один человек имеет это имя (необязательная импликация). Второе же высказывание подразумевает две ситуации: 1) в офисе имеется несколько человек по имени Франсиско, 2) говорящий не знаком с указанным лицом. В обоих случаях имплицитруется не только более высокий социальный статус донна Франсиско по сравнению с посредником (секретаршей), но и то, что этот человек «что-то решает».

Женский вариант *dosa*, по данным словаря *Gran diccionario general de la lengua española Vox* (1995), используется по отношению к замужним женщинам, обычно пожилым, и чаще всего вдовам как формула уважительного отношения: *¿Está dosa Carmen?* (нотариус спрашивает по телефону о пожилой клиентке). *Dosa* является также показателем высокого социального статуса женщины.

В Латинской Америке это слово часто имеет деспективный оттенок или маркирует почтенный возраст.

Don / *dosa* в современной Испании применительно к человеку с невысоким образовательным цензом, так ска-

зять, «титул» богача. Так обращаются к сельским богачам, самому богатому человеку в квартале, районе. Одним из персонажей романа К.Х.Селы «Улей» является *dosa Rosa*, женщина, держащая в кулаке весь квартал.

Don / dosa уместны также в церемониях представления. Вот пример из пособия по испанскому разговорному языку, где он приводится без интерпретации: *Don Rodrigo Menéndez, don Felipe Trujillo. Aquí mi mujer, aquí Jaime Rueda, mi compasero de trabajo* [Cascyn Martín, 63]. В данном монологе слово *don* вряд ли является показателем особого почтения, скорее вежливости и языковой необходимости. Здесь нельзя употребить более нейтральное слово *señor* для представления гостей, поскольку *señor* сочетается с фамилией, а так как предполагается, что в дальнейшем все собравшиеся будут общаться по имени, имя необходимо ввести для соблюдения правил вежливости, а для соблюдения языковых норм перед именем нужно поставить слово *don*. Обращает на себя внимание тот факт, что один из участников этой сцены (*Jaime Rueda*) представлен без слова *don* — свидетельство, так сказать, «коротких» отношений с говорящим, в то время как *don* — дистанцированных (не только по отношению говорящему, но и отношению к другим участникам этой сцены).

Слова *don / dosa* сочетаются со словами *señor / señora* в следующем порядке: *señor don Mario Lope, señora dosa Magna Lope*. Такая формула используется в частности, на конверте, но в сокращенном виде и с большой буквы: *S.D. Mario Lope, Sra Dosa Magna Lope*. Если эти же слова встречаются в тексте, то они пишутся полностью и со строчной буквы.

Don сочетается с наименованиями профессий и званий: *el capitán don Agustín Montoria* (Galdys). Ср. также в речевом акте идентификации: *¿El ingeniero don Juan Lope?*

Don / dosa, кроме того, формула официальной вежливости, широко используемая в прессе: *don Juan Carlos, dosa Sofía, dosa Elena, dosa Cristina* — так называют, как уже говорилось выше, членов королевской семьи в официальной хронике.

Наконец, *don* широко используется в ироническом смысле. Если, по свидетельству одного из информантов, одного из членов коллектива называют *don Jesús*, то связывают это с какими-либо его качествами (лень, рассеянность, жадность). Поэтому фразы типа *¿Y qui te dice don Jesús?, Y en ese momento viene don Jesús* (сами по себе нейтральные) в определенной ситуации могут вызывать всеобщую улыбку или смех.

Рассмотрим слова *señor / señora / señorito / señorita*. Как и слова *don / dosa* это важнейший компонент испанского этикета и культуры в целом.

Обращение *señor* используется в испанском языке с древнейших времен в значениях, принятых и сейчас. В «Песне о моем Сиде» сеньором называют и короля, и самого героя — Сиду; его вассалы обращаются так к христианскому рыцарю Муньо Густисосу, и к арабскому губернатору Абенгальбону; *señor* используется как обращение к Богу и святым; уличный артист (*juglar*) так обращается к своим слушателям; наконец, *señor* это владелец шпаги, коня и т.д. [Corominas, Pascual, 211]. В отличие от слова *don*, *señor* очень рано становится формулой обращения; сначала к уважаемому или занимающему высокое положение человеку, а затем и к любому лицу, любого социального статуса. Это слово используется как при симметричных, так и асимметричных отношениях.

Señor / señora сочетается только с фамилиями и употребляются с определенным артиклем, если речь идет о третьем лице (*el señor Lope viene mañana*) и без артикля при обращении: *Buenos días, señora Lope. ¿Cómo está?*

Исключение составляют речевые акты идентификации: — ¡El *señor* Ortega? — Sí, soy yo [см. также: Matte Bon, 212]. Если говорящий по той или иной причине называет полный антропоним (имя + фамилия или фамилия), то между словом *señor* и именем нужно поставить *don*: ¡Puedo hablar con el *señor don* Pedro González? Это еще раз подтверждает, что этикетные слова — явление языка, подчиняющиеся определенным правилам сочетаемости между собой и другими словами. В Латинской Америке, напротив, формула «*señor* + имя + фамилия» вполне возможна: ¡Está el *señor* Luis Martínez?

Сочетание «*señor* + имя» — просторечная форма вежливого обращения (*señor* Luis, *señora* Carmen), аналогичная использованию отчества в русском языке (Петрович, Ивановна). Как известно, в России это широко распространенное явление в рабочей и крестьянской среде. М. Молинер уточняет, что формула «*señor* / *señora* + имя» используется среди крестьян при общении между неблизким или малознакомыми людьми (*las personas que no tienen entre sí mucha intimidad*); эта формула применима также к старшим по возрасту: *Mi vecina la señora* Magna (Moliner, II, статья *señor*).

Кроме того, данная формула может маркировать также социально асимметричные отношения. Например, если начальник позволяет себе обращение к подчиненному просто по имени и при этом не желает подчеркивать своего превосходства, то он скажет так: *Este paquete es para que lo lleve el señor Ramon* a su destino [Moliner, статья «*señor*», т. II].

В каких случаях используется формула «*señor* / *señora* + фамилия»? Во-первых, в речевых актах идентификации (см. выше). Во-вторых, при несимметричных отношениях как вежливая форма обращения к клиенту (в банке, в гостинице, в любом учреждении): *Señor* Lope, ¿puedo servirle? Это также форма обращения к на-

чальнику, к официальному лицу. В свою очередь, начальник (например, на большом предприятии) обращается к подчиненному *Señor* Martínez или Martínez. Официальное лицо (например, представитель власти) при обращении к посетителю употребляет исключительно формулу «*señor* / *señora* + фамилия». В настоящее время сфера применения этого обращения сужается, слово *señor* все реже появляется при обращении младшего к старшему по возрасту. Таким образом, экспансия *señor* сказывается на вытеснении не только формул с *don* / *doña*, но и формул с *señor* / *señora*. Слово *señor* исчезло также из сочетаний типа *el señor presidente Felipe González*, *el señor alcalde Julio Rodríguez*, характерных и сейчас для Латинской Америки, в пользу сочетаний *el presidente Felipe González*, *el alcalde Julio Rodríguez* или просто *Felipe González*, *Julio Rodríguez*.

При симметричных отношениях формула «*señor* + фамилия» используется при общении с неблизко знакомыми людьми. ¡Buenos días, *señora* Lopez! — ¡Buenos días, *señor* González! Такой диалог может состояться между соседями по многоквартирному дому, между жителями одного квартала, городка, деревни, между лавочником и постоянным покупателем и т. п. В настоящее время эта формула может быть и сигналом недружественных отношений — в случае, если в коллективе (например, академическом) между коллегами принято обращение на *tú*, то обращение «*señor* + фамилия», предполагающее *Usted*, маркирует неприязнь.

Функционирование слова *señora* несколько отличается от его мужского аналога. Во-первых, в отличие от мужского, женский вариант имплицитно сему «семейное положение» — это слово используется лишь по отношению к замужней женщине или вдове; таким образом, к замужней женщине можно обратиться или говорить о ней в третьем лице, используя один из следующих вариантов:

(la) secora Vbzquez Lypez (общение в официальной обстановке); (la) secora Vbzquez (общение в официальной обстановке или между неблизко знакомыми людьми); (la) secora Vbzquez de Martnez (последний компонент — фамилия мужа в ситуации представления акцентирует факт замужества за определенным лицом); (la) secora (de) Martnez (в этом случае подчеркивается принадлежность замужней женщины к определенной семье, клану; использование предлога de регулируется региональными преференциями: на севере предпочитают формулы с предлогом de, в Андалусии — без предлога).

Все эти варианты объединяет установка говорящего либо подчеркнуть официальность обстановки, либо особое — уважительное — отношение к замужней женщине, не или вдове в силу ее возраста, социального положения или по каким-либо иным причинам, поскольку в настоящее время, например, в неофициальной обстановке представления или знакомства можно использовать только имя и обращаться на ты. Обращение «secora + фамилия» возможно и по отношению к незамужней женщине, имеющей детей или определенный социальный статус.

Во-вторых, в отличие от мужского аналога, непосредственно за словом secora могут следовать имя и фамилия (la secora Магна Рйез), не внося просторечных коннотаций, как в случае secora Магна. За словом secora может следовать и слово *dosa*: *secora dosa Магна Рйез* (например, в официальном послании).

Слово *secorito* сочетается с именем и используется традиционно применительно к сыну аристократа: так обращаются и называют в романе Делибеса «Los santos inocentes», действие которого происходит в послевоенной Испании, сына хозяина поместья — (el) *secorito*. Метафорически так могут называть сына (наследника) богатого человека вообще. В целом, эту формулу можно расценивать как архаическую.

Этикетное слово *secorita* содержит сему «семейное положение», применяется по отношению к незамужней женщине и сочетается как с фамилией, так и с именем. Рассмотрим три варианта вопроса: 1) *¿Está la secorita Julia Miranda?*; 2) *¿Está la secorita Julia?*; 3) *¿Está la secorita Miranda?* Между первым и третьим высказываниями практически нет смысловой разницы, разве что первое может быть более официальным. Что касается второго вопроса, содержащего только имя, то он имплицитно означает знакомство говорящего с девушкой. В то время как первый и третий вопросы этого не подразумевают. Все три вопроса могут быть заданы скорее всего в служебной обстановке, и речь в них идет об одной из служащих.

За словом *secorita* никогда не ставится *dosa*. В современном испанском языке наблюдается сужение сферы применения рассматриваемого слова (как и итальянского аналога *signorina*). В качестве обращения (без имени и фамилии) это слово закрепилось за секретаршами, продавщицами, кассирами, официантками — независимо от их семейного положения и часто возраста. В Испании существовала традиция употреблять слово *secorita* при обращении к учительнице (тоже независимо от семейного положения и возраста), сейчас эта традиция ушла в прошлое. Между тем в Англии слово *miss* по сию пору продолжает использоваться в аналогичной ситуации.

Слова, обозначающие профессии, должности и звания (*profesor, ingeniero, ministro, arquitecto, sargento, capitán, etc.*) сочетаются с именем и фамилией: *Si te sientes tan mal, creo que seré mejor que llamemos al doctor Vbzquez. — Queré hablar con el profesor Eulosio Mbrquez, por favor. — ¿De parte de quién?*

В определенных сферах бытует ряд специальных форм обращения, например, «*Excelentísimo + secor + фамилия*» (или название должности). Такая формула уместна при обращении к министру, алькальду (особенно в письмен-

ном послании): *Excelentissimo secor Subrez*. При обращении к епископу или директору употребляется слово *Ilustrnssimo*, а к ректору — *Magnifico: Ilustrnssimo Secor Obispo...*, *Magnifico Secor Subrez* (или *Secor Rector*).

Итак, все многообразие сочетаний слов *secor*, *don* и подобных с антропонимами показывают не только богатство традиций этикета, но и богатство коннотаций, возникающих при различных сочетаниях слов. Каждая формула по-своему маркирует ситуацию общения, имеет свою прагматическую установку. В то же время следует отметить активные процессы изменения норм использования данных единиц, что связано, в первую очередь, с эволюцией системы личных местоимений, в частности с экспансией местоимения *ты*, повлекшей сужение сферы использования этикетных слов.

ЛЕКЦИИ XIV – XV

АНТРОПОНИМЫ В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ЯЗЫКА

Антропонимы — важнейшая часть лексики любого языка, активно взаимодействующая с лексической системой языка в целом. Будучи частью системы определенного языка, антропонимы, в частности имена, обретают в нем уникальные коннотации, что связано с историей народа, его фольклором, традициями, культурой в целом.

Антропонимы как нарицательная лексика

Значительная часть романских и русских личных имен совпадает по происхождению, что объясняется принадлежностью соответствующих этносов к христианскому миру. Так, русские имена *Иван, Петр, Юрий, Мария, Анна, Марфа* соотносятся с итальянским и испанскими *Giovanni — Juan, Pietro — Pedro, Giorgio — Jorge, Maria — Марна, Anna — Ана, Marta*. Очевидно также, что как русские, так романские имена имеют различный статус в соответствующих лексических системах, различную «ценность». Некоторые имена, например *Giuseppe — Josü, Marta* — очень распространены в Италии и Испании, что же касается их русских эквивалентов, этого утверждать нельзя: имя *Иосиф* в России редко используется русскими, как и некоторые другие ветхозаветные имена (*Адам, Ева, Самуил, Ребекка, Сара* и др.). Что касается имени *Марфа*, то в наши дни оно практически не встречается, в прежние эпохи оно было именем социально маркированным — преимущественно крестьянским, как и имена *Фекла, Агафья* (ср. *Tecla, Agata — Бгата*, не имею-

щие таких коннотаций в Италии и Испании). Кроме того, указанные имена по-разному «вписываются» в лексическую систему в целом. Так, с именем *Иван* связана обширная фразеология, как и с испанским именем *Juan*. Эти имена могут выступать как нарицательные. Что касается итальянского имени *Giovanni*, оно практически не вовлечено в нарицательную лексику. О семантическом своеобразии деантропонимической лексики и пойдет речь в дальнейшем изложении.

Личные имена в итальянском довольно редко становятся нарицательными. Приведем примеры: *lucia* — божья коровка; *lucia* — медяница (змея); *carlino* — мопс (от Carlo Bertinazzi, по прозвищу *Carlino*, который в 1700 году выступал с собакой в Париже в роли Арлекино, где имел огромный успех); *carludovica* — разновидность пальмы (в честь Карла IV и Марии Луизы Лудовико); *giovanni lo stupido*, *paolino* — названия птиц; *paolino* — простак; *carlino*, *luigi*, *paolo* — названия монет; *giorgina* — георгин; *giulietta* — колокольчик (растение).

Для именованя предметов используются и имена святых: *sampietro* — рыба (солнечник); *sampietrino* — булыжник, которым вымощена площадь *San Pietro* в Риме; *santabarbara* — пороховой склад (как и в испанском языке); *sangiovanni* — отношения между крестным отцом, крестником и родителями; *sanbernardo* — сенбернар.

Из нарицательных существительных с культурной коннотацией можно отметить имя персонажа, заимствованного из испанской культуры, — *don Giovanni*, ставшее обозначением любвеобильного человека.

Любопытно то, что современный итальянский воровской и молодежный жаргоны широко прибегает к именам собственным, в том числе и именам святых, для обозначения самых различных объектов; *gianna*, *santa giustina* — полиция (последнее по созвучию с *giustizia* —

правосудие); *gianni* — карабинер/ы; *maria maddalena* — полицейский фургон; *sanmichelista* — вор-домушник (*San Michele* был сторонником наказания богатых в виде нанесения им материального ущерба [Ferrero, 294]); *chessa* (дими́нүтив от *Francesca*) — педераст; *maria giovanna* — марихуана; *santa margherita* — нож; *santantonio* — побои (обычно полученные в полиции); *paolo* — дырка в подошве, зад; *giorgio* (от *San Giorgio*) — крутой, щеголь (по ассоциации с внешностью святого), глупый любовник; кроме того, *giorgio* может означать «менструация» (кровь убитого дракона на изображениях святого): *Quando aspetta giorgio* и *sempre nervosa* [Lotti, статья *Giorgio*]. В этих случаях наблюдается характерное для итальянской идиоматики занижение образа христианских святых (см. также ниже).

Более активно входят личные имена в идиоматику: итальянская фразеология с личными именами весьма разнообразна, приведем несколько примеров: *Paolo di trentotto* (человек, не внушающий доверия); *fare la Maria* (притвориться простачком); *cercare Maria per Ravenna (per Roma)* (искать ветра в поле); *non u piu il tempo che Berta filava* (прошли те времена); *fare il mestiere di Michelaccio* (хорошо есть и развлекаться); *fare Giacomo, fare Diego Diego* (дрожать от страха, от слабости); *essere un gallo della Chessa* (быть бабником). Интересна история выражения *per un punto Martin perse la capra* (даже самое маленькое упущение может погубить дело): монах Мартин в надписи над входом в монастырь не там поставил точку, полностью исказив тем самым смысл. Вместо «*Porta patens esto. Nulli claudatur honesto*» (Пусть врата будут открыты. Ни для кого из честных людей они не закрываются) получилось: «*Porta patens esto nulli. Claudatur honesto*» (Ни для кого врата не открыты. Для честных людей тоже) [Черданцева, Рецкер, Зорько, 597]. Выражение *dare (avere) il resto del Carlino* означает «добавить, прибавить (на оре-

хи) (букв. дать / получить сдачу с Карлино. Карлино — монета, пущенная в обиход в 1278 г. в Сицилии, позже монета с таким названием выпускалась и в других местах)» [Черданцева 2000, 198].

В испанском языке имена святых и просто личные имена широко используются в качестве нарицательных существительных и могут обозначать насекомых (*santana*, *santanica*, *santanita* — разновидность муравья; *sananica* — божья коровка (диалект.), *santateresa* — прямокрылое насекомое, *jorge* — разновидность шмеля); растения (*sandiego* — декоративное растение; *hierba de San Juan* — цветок с желтыми цветами; *hierba de San Roberto* — разновидность герани; *perita (haba) de San Ignacio* — разновидность бобов; *pedrojiménez* — сорт винограда, в другом значении — нечистая сила; *hierba de Santa Marna* — лат. *Pyrethrum tanacetum*; *hierba Luisa*, *dompedro*, *brbol de Marna*, *cardo de Marna* — растения; *gabrieles* — круглый горох); блюда и напитки (*sanjacob* — бифштекс с сыром; *sanfrancisco* — фруктово-ягодный безалкогольный напиток; *magdalena* — кекс); птиц (*perico* — попугай; *sanantona* — трясогузка); болезни (*mal de San Lbazar* — проказа; *mal de San Antyn* — рожа; *mal de San Vito* — хорея; *fuego de San Marcial* (или *de San Marcos*) — рожистое воспаление); танцы (*sanmiguel* — боливийский танец; *pericyn* < *Pedro* — аргентинский танец); сооружения (*santabbrbara* — пороховой погреб); народные названия месяцев (*el mes de Candelaria* — февраль; *el mes de San Antyn* — январь; *el mes de San Antonio*, *el mes de San Juan* — июнь; *el mes de San Josy* — март; *tl mes de San Lorenzo*, *el mes de San Roque* — август; *el mes de Santiago* — июль). Деоним *lorenzo* — синоним слова *солнце*: *Усумо pega el lorenzo!* «Как припекает!». Имя святого Тельмо превратилось в обозначение спасителя, покровителя: *eres mi santelmo*. Бенжамин, имя младшего сына библейского Иакова, в испанском языке подверглось деантро-

ропонимизации и, в полном согласии с прецедентным текстом, стало именованим любимого сына, всеобщего любимчика: *De porte menos aristocrático, Sojo es el benjamín* (El País, 15. 08 2004), а женский вариант этого деантропонима — всеобщей любимицы: *Quien también fally fue la benjamina de los Casiraghi-Grimaldi* (El Mundo/Crónica de Leyp, 4. 08. 2002). Диминутив *Juanillo* значит «чаевые, взятка» (Перу).

Живой и озорной *Jaimito* — герой испанских анекдотов (ср. *Петю Иванова* из русских анекдотов); соответственно, данный диминутив приобрел значение «озорник, шалун»: *Nico, eres un Jaimito* [Симеонова 2001, 89].

Имя *Marna* может обозначать монету в 12 реалов, печенье, погребальное покрывало. В просторечии *Marna* — деспективное именование домохозяйки (часто в сочетании *tna Marna*; *las tres Marnas* говорится о нескольких женщинах такого типа): *Estós hecha una Marna, ya no quieres viajar ni hacer cosas divertidas*. На воровском жаргоне *Marna* означает «небольшой сейф» (*no pudieron encontrar la Marna con las joyas*), на студенческом жаргоне — легкий предмет [Sanmartín Sbez].

Производные онимы *Maruja* и *Marujona* — деспективные обозначения ограниченных мешанок: *Gloria estó hecha una Maruja, sylo habla de la casa y de los nicos; iDynde habrb comprado este semejante pingo de marujona insatisfecha y sin estudios* (Sbnchez Dragy)? [Симеонова 2001, 107; Мед 2005, 123].

В арго используются и другие имена *Perico* «наркотик» и «газета» — последнее значение по созвучию с *periydico* «газета», *Eva* «наркотик» [Sanmartín Sbez], *Perica* «проститутка». В разговорной речи имя *Rogelio* означает «человек левых взглядов» — по созвучию с *rojo* «красный». На созвучии основано использование в молодежном жаргоне онима *Emilio* в значении e-mail: *Mbdname un emilio con los datos* [Симеонова 2001, 65].

Гипокористическая форма *Quico/Kiko* входит в состав выражения *ponerse como el Quico* «объедаться»: *En Navidades nos ponemos como el Quico*. Имеется ряд идиом с диминутивной формой *Perico < Pedro*: *Perico entre ellas* — дамский угодник, человек, постоянно находящийся в женском обществе; *como Perico (Pedro) por su casa* — человек, который чувствует себя в любом обществе как рыба в воде; *Perico el de los palotes* — кто угодно, любой человек: *¡Pama a tu hermano, a tu cucado o a Perico el de los palotes* (M. Moliner). Наконец, имя *Pedro* входит в обозначение черта и нечистой силы: *Pery (< Pedro) Botero, Pedro Jiménez (pedrojiménez)*. Имя другого фольклорного персонажа — *Pedro Machuca* — входит в обозначение бесполезного, никуда не годного предмета: *como el sable de Pedro Machuca que parte y no corta*.

Juan Lanás (Juan Vainas) — прозвище бесхарактерного человека, живущего под каблуком у жены. Глупость некоего фольклорного *Pichote*, равно как и такое же свойство человека по имени *Abundio*, стала, так сказать, эталоном для испанцев: *mbs tonto que Pichote, mbs tonto que Abundio* — олух царя небесного, как и непривлекательная внешность *Pichote*: *ser mbs feo que Pichote* «быть очень некрасивым». *Capitón Araca* — человек, выбившийся «из грязи в князи»: *hacer de capitón Araca*.

Выразительна и богата идиоматика, включающая наиболее распространенные имена. В качестве примера приведем фразеологизмы с именем *Juan*: *buen Juan, Juan de buen alma, Juan de las vicás* (простак, добряк); *Juan soldado* (простой солдат); *Juan y medio* (коротышка); *a Juan y a Pedro, a Diego y a Juan* (встречному и поперечному); *lo mismo le da Juan que Pedro* (один черт); *todo es Juan y Manuela* (все это вздор, чепуха). Сочетание *Juan y Pedro* может быть свободным (Хуан и Педро) или связанным (неизвестный человек), как в диалоге: — *¡Quién lo ha*

hecho? — *Juan y Pedro* (— Кто это сделал? — Откуда я знаю).

Так, в итальянском языке, как и в испанском, с именем святого *Иова* связано представление о неограниченном терпении: *avere la pazienza di Giobbe* (ит.) «быть очень терпеливым человеком», *su padre es un Santo Job* (исп.) «его отец святой Иов (то есть очень терпеливый человек)». В русском языке актуализированы другие черты этого образа. Ю.А.Бельчиков считает, что «фразеологизмы с компонентом *Иов* в русском языке говорят о бедности (беден, как Иов), о страданиях библейского персонажа (Иов многострадальный)» [Бельчиков, 51]. С этим нельзя не согласиться, но отметим также, что указанные выражения носят книжный характер. В сознании же простого народа *Иов* связывался с его местом в традиционном русском месяцеслове, и в народе его называли *Иов-огуречник*, поскольку в этот день (19 мая по новому стилю) следует сажать огурцы; по состоянию погоды в этот день определялись виды на урожай: большая роса или ясный день сулят хороший урожай огурцов [Литература и культура Древней Руси, 291].

Аналогичному процессу превращения в нарицательные существительные подвержены и обычные испанские фамилии. Например, фамилия *Rodríguez* приобрела значение «муж, остающийся дома, когда семья на отдыхе, и пользующийся этой ситуацией»: *Este aco que me quedo de Rodríguez pienso organizarme al completo*. Фамилия *Contreras* используется в выражениях *ser un Contreras* «противоречить во всем» и *que no te enteras, Contreras* «не отдаешь себе отчет в том, что происходит» [Sanmartín Sbez]. Фамилия *каудильо Франко* входит в состав выражений *Cuando Franco era cabo, cuando Franco era corneta* «давным-давно»: *Este baile estaba de moda cuando Franco era cabo* [Симеонова 2001, 75].

Итальянская фамилия Paganini служит обозначением человека, который по глупости платит за всех (*Es un paganini, le chulean constantemente*), а другая итальянская фамилия — Pararazzi (в испанской огласовке *pararachi*) в качестве нарицательного имени имеет значение «фотограф, преследующий знаменитостей, чтобы заснять скандальные сцены из их жизни»: *Sin los pararachis las revistas del corazon no ejersegran el tetterismo rosa* [там же, 126].

Может стать нарицательным существительным и прозвище, как произошло с прозвищем Рафаэля Морено, известного футболиста, — *Pichichi*, которое стало означать «самый результативный бомбардир»: *Stoichkov no sylo ha sido pichichi en la liga espacola, sino tambiin en la europea*. [Симеонова 2001, 140].

В литературном русском языке антропонимы довольно редко используются для именованя предметов окружающего мира. Приведем общеизвестные примеры: анютины глазки, василек, иван-да-марья, иван-чай, марьян башмачок, марьян корень, петрушка — растения; ванька-встанька, петрушка — куклы, Ванька-каин (грабитель), кондрашка (кондратий, Кондратий Иванович) — апоплексический удар. Как видим, как видим деантропонимические образования часто представляют собой идиоматичные сочетания или своеобразные сложные слова.

В русском языке личная антропонимия задействована в идиоматику гораздо меньше, чем в испанском языке. Тем не менее, имеющиеся выражения очень выразительны. Общеизвестны и употребительны: Я тебе про *Фому*, а ты мне про *Ерему*, по *Сеньке* и шапка, куда *Макар* телят не гоняет, вот таким *макаром*, выдрали как *Сидорову* козу, *филькина* грамота, *тришкин* кафтан, показать *Кузькину* мать, *шемякин* суд. Ср. также:

Она больше всех и рвалась на это место. А когда дорвалась, то показала всем *кузькину мать* (А. Лукьянов. Артиллеристы // Октябрь, 2003, 2).

Шапка должна быть по *Сеньке*, сомбреро — по *Хуану*, а каждый сверчок гораздо успешнее справляется с вокалом, когда сидит на своем шестке, а не на чужом (Марина А. Каждый за себя. М.: Эксмо, 2003).

Однако кассационная коллегия Орловского суда отменила решение с формулировкой, которая достойна войти в анналы правосудия, кое наши предки именовали «*шемякинью*» (А. Казинцев. Менеджер дикого поля // Наш современник, №8, 2005).

В русском языке имена святых в качестве деантропонимической лексики используются практически не используются; нам известны названия растений: *петров крест*, *петровы батюги* (несмотря на то, что в данных именованях нет слова «святой», с большой степенью уверенности можно утверждать, что они связаны именно со святым Петром, поскольку их цветение совпадает с празднованием дня Апостолов Петра и Павла — 12 июля по новому стилю).

Наиболее часто в «неантропонимической» функции выступает имя *Иван*. Оно может означать «русский человек, русский народ», а также «простой человек, человек из простонародья, протак»: Россия вся единый *Иван* (Маяковский)...; Хотя и есть пословица, что на *Иване* далеко не уедешь, однако ж этот постоит за себя и за своих (Лажечников)... [См. подробнее: Отин 1994, 85–90].

Близкое значение имеет и фамилия *Иванов*: По крайней мере ясно, что человек лучше человечества и личность выше общества, ибо с *Ивановым* всегда договоришься с глазу на глаз, а в составе маршевой роты *Иванов* — зверь (Пьецух). Сочетание *Иван Иванович* может означать «некто, всякий мужчина, всякий русский»: По-

лучалось, что виноваты некие *Иваны Ивановичи*, руководившие конкретными ведомствами (Известия, 1990, 17 февр.). На воровском жаргоне *Иван Иванович* — «политический заключенный из интеллигентов»: Такая деятельность носила массовый характер — предметом постоянной ненависти воров в лагере всегда была интеллигенция из заключенных — «*Иваны Ивановичи*» [Отин, 89]. Наконец, *Иван Иванович Иванов* — «некто из русских» или «ничем не выделяющийся человек»: Но неужели, если пермяк *Иван Иванович Иванов*, будучи в командировке в Одессе, опустит пермские автобусные билеты в одесскую автобусную кассу, то тем самым нанесет ущерб местной экономике? (Известия, 1984, 21 окт.); — Я действительно пишу и непременно напишу драму, — сказал он, — «*Иван Иванович Иванов*»... Понимаете? Ивановых тысячи... обыкновеннейший человек, совсем не герой (Короленко) [там же, 90].

Оним *Иван* в сочетании с отчеством может иметь окказиональные значения. Перед празднованием 60-летия Дня Победы по телевидению прошел сюжет об испанских республиканцах, сражавшихся в рядах Красной Армии в годы Великой отечественной войны. Среди прочего, один из ветеранов вспомнил забавный эпизод о том, как обед, состоящий из пшеничного супа на первое и пшенной каши на второе, они называли *Иваном Ивановичем*.

Диминутивно-деспективная форма *Ванька* в качестве нарицательного существительного может иметь значения «комнатный цветок», «извозчик»:

— Слышь, ты мне уברי-ка мне с окошка «*ваньку* мокрого», а то ведь точно занавеской поломаю... Бронислава перетащила тяжелый горшок с цветком на стол (Галлактионова)...

Тут вот еще что: в магазин Рыбников приехал на обычном «*ваньке*», а укатил на лаковой пролетке, из тех, что

берут полтинник за одну только посадку (Акунин, Алмазная колесница).

Инженер и надворный советник переоделись *ваньками* и, пошатываясь вошли в трактир (Акунин, Алмазная колесница).

В итальянском языке, как отмечалось соответствующее имя *Giovanni* практически не задействовано в нарицательной лексике, за исключением заимствованного из испанского языка обозначения концепта «дон Жуан»: *don Giovanni*, а также названия пьемонтской маски *Gianduaia*, обозначающего также сорт шоколада с орехами.

В отличие от литературного языка, переход личных имен в разряд нарицательных более характерен для русских диалектов: *демянки* — баклажаны (южная Волга); *абрам* (олонецкое) — человек с бородой, *абрамка* (олонецкое) — железный лом, *авдотья* (сибирское) — болотный кулик, *агафон* (вологодское) — протак, *акulina* (уральское) — неопрятная женщина, *анютка* (калужское) — маленькая рыбка, *арина*, *ариша* (владимирское) — гриб чернушка, *артюха* (смоленское) — головорез, *артюшка* (донское) — оборванец, *афонька* (олонецкое) — задира, *дёмка* (смоленское) — обманщик, плут, *гурий* (олонецкое) — камень, отшлифованный водой и др. [См. подробнее: Словарь русских народных говоров, вып. 1, 7].

Как и в итальянском и испанском языках, именование предметов при помощи личных имен типично и для русского арго. Общеизвестно слово *фомка* «ломик для взламывания запоров», явно пришедшее из языка деклассированных элементов. Арготизация личных имен — явление не новое для русского языка. В романе В.В.Крестовского «Петербургские трущобы» находим следующие примеры: *светлана* «очищенная водка», *алешка* «лакей»,

жорж «мошенник», *кирюшка* «палач», *кирюшкина кобыла* «инструмент, на котором наказывали плетью»; *рыжая сара* «полуимпериал» (значения приведенных арготизмов даются в примечаниях самим автором):

Брат Жозеф стал оказывать страстное влечение и сердечную привязанность к российской очищенной, известной тогда под популярным и балладно-романтическим названием *Светланы*... Светский костюм, который носил он в качестве слуги, гарантировал его страстные отношения к *Светлане* от соблазна людей посторонних.

— Из каких он? — Надо полагать из *алешек*, — сказал Гречка. — А может быть, из *жоржей*.

— Уж быть тебе, кощуну здакому, быть тебе кончену *Кирюшкиной кобыле*, помяни мое слово! — постучал о край пальцем о край стола Викулыч.

— Я по чести, как есть, три рыжика правлю. — Какими? *Рыжею Сараяу*? — Ну вестимо, что *Сарой*...

Слово *фомка* в романе В.В.Крестовского сохраняет связь с мужским именем по линии рода: — У меня *фомка* востер!.. — похвалился Гречка. Мужским родом помечено это слово и в 17-томном Словаре современного русского литературного языка, который ссылается на Словарь В.И.Даля, хотя в настоящее время носителями русского языка *фомка* воспринимается и функционирует как слово женского рода:

Они (мантры — *Ю.Р.*) являются отнюдь не индивидуально подобранным звуковым «ключом», а *грубой «фомкой»*, которой бесы проламывают вход в душу (Ю.Воробьевский. Путь к демонам // Молодая гвардия, 2003, № 10).

Антропонимы в составе прецедентных высказываний

Из прецедентных высказываний рассмотрим паремии [Лаенко 2004, 126]. В различного рода паремии могут вхо-

дить личные имена (иногда в сочетании с фамилией). В итальянском языке самые известные паремии такого рода — рифмованные: *Chi fa la spia, non è figlio di Maria*; *C'era una volta Marco Rivolta* (говорится детям, пристающим с вопросами); *Si chiama Pietro e torna indietro* (напоминание о том, чтобы вещь была возвращена); *Si chiama Rocco, si guarda e non si tocca* (смотреть можно, а трогать нельзя); *Adagio, Biagio* (напоминание о том, что надо быть осторожным и думать, перед как начинаешь действовать).

Разнообразны испанские паремии. К выражению *Juan Palomo, yo me lo guiso, yo me lo como* прибегают, когда с осуждением говорят о человеке, стремящемся сделать все самостоятельно, без посторонней помощи, а поговорка *¿Que si quieres arroz, Catalina!* более или менее означает «Любишь кататься, люби и саночки возить». *Para quien es don Juan, con doca Magna basta* (Один другого стоит) — так высказывается невысокое мнение о паре, вступающей в брак. Близкое значение у пословиц *Tal para cual, Pascuala con Pascual*; *Tal para cual, Pedro para Juan*. Паремия *A ti te lo digo, Juan, para que lo entienda Pedro* соответствует русской «Дочку ругают, невестка, слушай». При помощи выражения *¡Viva la Pepa!* (дими́нүтив от *Josefa*) (Да здравствует Пепа!) комментируется наглое поведение: *Se va sin acabar el trabajo y ... ¡Viva la Pepa!* (Moliner) — он уходит, не сделав работу, и ... вперед!

Много рифмованных паремий. Приведем несколько из них. *¡Porquй me quieres Andrés? Por interйs; Poco os duelen, don Jimeno, estocadas en cuerpo ajeno* (чужие раны не такие болезненные, своя рубашка ближе к телу); *Malo es Pascual, y nunca falta quien le haga mal* (как ты с людьми, так и они с тобой); *Macana ayunarб Santana. A bien que no es hoy, que es macana* (утро вечера мудреней); *Don Juan de Mena, ni palabra mala; ni otra buena* (ср. русскую поговорку: Дядя Иван, ни людям, ни нам); *¡Acбbesе el mundo,*

pues falty de йl don Facundo!; Para que dice Rodrigo, no vale un higo (говорится о лгуне); Si pare y noigna, no es madre Magna; La purga de Fernando que desde la botica estaba obrando (опомниться не успеешь, как...).

Имеются также паремии со специфической вокалической рифмой: Pesa presto, Magna, cuarterun por media libra; En casa de Gonzalo mbs canta la gallina que el gallo [Пословицы приведены из: Junceda 1998].

Русские паремии с личными именами тоже, как правило, рифмованные. Их прагматика разнообразна: они использовались и как эпитеты к имени и как косвенные речевые акты различных типов: совет, приглашение, комментарий чьих-то действий, насмешка, отказ и т.п., но в любом случае им присущи юмор или ирония. Ср., с одной стороны: Катя-Катерина — ножка голубина; Роман — кожаный карман; Анна таланна; Анна — затычка банна. И, с другой: Позвать Ивашку, белую рубашку; Фоку приставляй с боку, а Демид прямо глядит; Семка, пойдём-ка; Ты, Исай, наверх ступай; Милости просим, отец Амбросим: тебе ли с нами — садись под образами; Возьми у Савки в лавке!; Плешивый Тарас, моли Бога о нас!

Наконец, чаще всего рифмованные пословицы с личными именами содержат мораль: Амбросим не просит, а дарует, не бросит; Каков Пахом, такова и шапка на нем; У меня лакеи все были Мокеи, а нынче к Мокею самому пришлось идти в лакеи; При деньгах Панфил всем людям мил, без денег Панфил никому не мил (всем постыл); Друг на дружку, а все на Петрушку; Иван в дуду играет, а Марья с голоду умирает, Ехал к Фоме, а заехал к куме; Наш Фаддей — ни на себя, ни на людей; Нашему Петру скотина не ко двору [Паремии извлечены из: Даль 1994]. Русские рифмованные паремии, как видно из примеров, очень образны, представляют яркие фрагменты народной картины мира, но в большинстве своем архаичны (в том

числе и в части задействованных в паремии личных имен); как говорится, они «не на слуху». Из активно используемых, знакомых всем в настоящее время пословиц рассматриваемого типа можно привести: Хороша Маша, да не наша; Федот, да не тот; Дядя Иван, и людям и нам. Последняя пословица, впрочем, встречается и в варианте с противоположным значением: Ты думаешь, зря люди говорят? Что «горе, — говорят, — мужу Григорий, а у меня Иван — не дай Бог и вам»? Предупреждают люди-то (В. Галактионова. На острове Буяне // Наш современник, 2003, № 7).

Антропонимы-прецедентные имена: нарицательная лексика, фразеология, прецедентные высказывания

Еще один малоизученный аспект антропонимии касается функционирования в языке прецедентных онимов: имен библейских персонажей, христианских святых (в том числе в составе паремий — прецедентных высказываний) и литературных героев, а также исторических личностей. Дело в том, что имена (и образы) одних и тех же персонажей в разных культурах часто интерпретируются по-разному и, соответственно, представляют различные когнитивные концепты. Обратимся к именам, общим для всех христианских культур. Выше уже было отмечено, что прецедентные имена способны переходить в разряд аппелятивной лексики (особенно в испанском языке) и обозначать предметы окружающего мира. Теперь обратимся к своеобразию трактовок одних и тех же прецедентных имен в трех культурах и, соответственно языках.

Начнем, так сказать, от Адама. Образы *Адама* и *Евы* вырисовываются из итальянской фразеологии весьма своеобразно, они как бы вписаны в Ветхий и Новый Завет;

в христианскую доктрину: если *il vecchio Adamo* — это человеческая натура, склонная к греху, то *il nuovo Adamo* — Иисус Христос, *la nuova Eva* — Мария (*madre di Dio*). *Eva*, кроме того, является символом женственности. Приведем еще несколько идиоматичных выражений с этими именами: *quel d' Adamo* — человеческое тело, *parente per parte di Adamo* — родственник со стороны Адама (то есть, очень дальний), *i figlioli di Adamo* — мужчины (иронично), *da Adamo in qua* (от Адама), *i figli di Eva* — человечество. В русской картине мира в образах Адама и особенно *Евы* акцентируется понятие греха. Ср. пословицы, приводимые В.И. Далем: Адам плотию наделил, *Eva* — грехом; Адам согрешил, а мы воздыхаем; *Eva* Адама прельстила, весь род потопила (или: погубила); *Eva* прельстила дровом, простонала чревом; Адам грех сотворил — рай затворил. Кроме того, для русского человека Адам — физически совершенный образец мужчины. Ср. у В. Хлебникова: Страна, где все люди Адамы. В самарском и московском говорах *адам* — человек огромного роста [Словарь русских народных говоров, вып. 1].

Сочетание *в костюме (наряде) Евы (Адама)* означает «голый»:

Графиня Эн высажена из кареты в *наряде Евы!* (Акунин, Алмазная Колесница)

Наконец, *Адам* и *Eva* могут быть синонимами слов *мужчина* и *женщина*:

В борьбе за лидерство *Адам* проигрывает *Eve* (ЛГ. № 10 (6013), 2005).

Совсем другой образ данного персонажа в испанской картине мира. С этим именем — оно звучит по-испански *Adán* — связаны следующие коннотации: грязный; неопрятный, неряшливый человек (*ser un Adán; hombre, estés hecho un Adán; Manuel es el típico Adán; se viste mal y no*

se cuida nada) [Sanmartín Sbez, статья *Adán*]. Ср. также: *Y después de todo, estas cosas te ocurren por ser un adán, porque si tú vienes vestido como Dios manda (Delibes)...* Производное от *Adán* — *adamismo (adanismo)* используется в выражениях типа *obrar con adanismo*, что означает «делать что-то так, как будто до тебя этого никто не делал» (изобретать велосипед). Имя же прародительницы *Евы* употребляется в выражении *hijas de Eva* (дочери *Евы*) для обозначения женщин вообще; кроме того, *eva* на молодежном жаргоне — разновидность наркотика [Sanmartín Sbez, статья *Eva*]. Кстати, имена *Adán* и *Eva* отсутствовали долгое время среди христианских имен; они были введены в обиход протестантами в период реформации и лишь в XVIII веке были приняты католической церковью.

Из ветхозаветных имен приведем имя *Ной*. В итальянском языке оно входит в состав выражения *Viva Noé!* (Да здравствует Ной!), которое произносят при чокании (аллюзия на пьянство *Ноя*). Ни в испанском, ни в русском языках подобной идиомы нет. В русском же языке стало нарицательным имя сына *Ноя* — *Хама*: *хам* — «грубый, наглый человек, готовый на всякую подлость и низость» (Ожегов).

В итальянском языке, как и в испанском, с именем святого *Иова* связано представление о неограниченном терпении: *avere la pazienza di Giobbe* (ит.) «быть очень терпеливым человеком», *su padre es un Santo Job* (исп.) «его отец святой *Иов* (то есть очень терпеливый человек)». В русском языке актуализированы другие черты этого образа. Ю.А. Бельчиков считает, что «фразеологизмы с компонентом *Иов* в русском языке говорят о бедности (беден, как *Иов*), о страданиях библейского персонажа (*Иов* многострадальный)» [Бельчиков, 51]. С этим нельзя не согласиться, но отметим также, что указанные выраже-

ния носят книжный характер. В сознании же простого народа *Иов* связывался с его местом в традиционном русском месяцеслове, и в народе его называли *Иов-огуречник*, поскольку в этот день (19 мая по новому стилю) следует сажать огурцы; по состоянию погоды в этот день определялись виды на урожай: большая роса или ясный день сулят хороший урожай огурцов [Литература и культура Древней Руси, 291].

Центральным образом во всех христианских культурах является образ Иисуса Христа. Рассмотрим, как он предстает в рассматриваемых языках.

В итальянском языке распространены энантеосемичные междометия с именами *Gesù, Cristo: Gesù!, Gesucristo!, Gesù, Giuseppe e Maria!*, а также восклицание *Addio, Gesù!* — в значении «ничего не поделаешь». Восклицание *Cristo!*, в отличие от испанского (см. ниже), обозначает удивление, гнев, бессильную злобу и предстает как выражение непочтительное, если не богохульное [Lessico universale italiano, t. V., статья «Cristo»].

Фразеология с этими именами богата и разнообразна. Отметим наиболее типичные идиомы. *Quant'è vero Cristo* (*Quanto è vero Iddio*) — энергичное подтверждение чего-либо (вот-те крест!) или угроза; *non c'è Cristì che tengano* — тут уж и Бог не поможет; *un povero Cristo* — бедняга, бедолага; *pare un Cristo (spirante), un Gesù morto* — говорится об очень худом человеке; и *la vigna di Cristo* — место, где нуждающийся может найти то, чего у него нет; *non darebbe un Cristo a baciare* — говорится об очень жадном человеке; *non c'è Cristì, non c'è Cristo che comanda* — невозможно (часто отказ); *con lui non ci sono Cristì* — от него толку не добиться; *un Cristo d'uomo* — о высоком, сильном человеке; *tutto è Gesù u Maria* — о внешне набожном человеке; *fare Gesù con tre o cento mani* — быть очень благодарным; это выражение всегда

используется в *Condizionale: farei Gesù con cento mani, se facessi l'esame; Gesù pietoso* — ломбард; *sembrare un Cristo fra due ladroni* — о честном человеке среди воров; *esser quello di Gesù* — последний из запаса: *questo* и *quello di Gesù, dopo questo non c'è più; segnato da Cristo* — убогий, урод (в русском языке аналогичное выражение «отмеченный богом» имеет противоположное значение «необыкновенный, одаренный»).

Итальянская фразеология, как видно из примеров, очень образна и актуализирует различные стороны этого образа. Некоторые итальянские выражения, тем не менее, по крайней мере для носителя русской культуры, представляются если не совсем почтительными, то несколько несогласующимися с обычными представлениями об этом образе. Таковы междометные образования *Cristo di legno!* «Елки-палки!, Черт возьми!», *Cristo!, Cristì!*; таковы выражения *non c'è Cristì; Gesù pietoso; senza tanti Cristì* «не церемонясь, без лишних слов»; *fare un Cristo* «полететь кубарем», *dare ad intendere che Cristo è morto di sonno (dal freddo)* «втирать очки»; *tenere in Cristì* «держат в узде»; *Buona notte, Gesù, che olio* и *caro* (так обрывают бесполезный разговор), в которых наблюдается явное снижение образа, чему, на наш взгляд, способствует в ряде случаев форма множественного числа *Cristì*. В синонимичных выражениях *povero Cristo* и *povero diavolo* (бедняга, бедолага) нейтрализованы противоположные для всех христиан концепты: Христос и дьявол. В словаре итальянского жаргона находим несколько дериватов от этого имени, например, существительное *crìstone* «импульсивный, дерзкий, вспыльчивый, непреклонный человек», а также глагол *crìstone* «богохульствовать, ругаться, извергать проклятия» [Lotti, статьи *crìstone, crìstone*]. «Давно замечено, — пишет В.Г.Гак, что сакральное имеет тенденцию к десакрализации. Многие священные формулы, цитаты из священных книг, названия

предметов культа в различных языках превращаются в иронические речения и даже бранные слова» [Гак, 60]. Десакрализация рассматриваемого образа характерна для итальянской фразеологии.

Специфика испанской фразеологии, включающей имя Христа (*Cristo, Jesús, Jesucristo*), в том, что в ней содержится много междометных образований: *¡Por los clavos de Cristo!* — восклицание со значением протеста, нетерпения, патетическое выражение просьбы или приказа (ради Бога!); *¡Ni Cristo que la fundy!* — эмфатическое отрицание возможности или правдоподобности чего-либо (ничего подобного!); *¡Vive Cristo!* — устаревшее восклицание, обозначающее раздражение; *¡Hasta verte, Jesús mío!* — фраза, сопровождающая осушение бокала: в древности на дне сосудов для питья часто изображались буквы I. H. S. Восклицания *¡Jesús!*, *¡Jesucristo!*, *¡Cristo!*, *¡Santo Cristo!*, *¡Jesús, Dios mío!*, *¡Jesús, María y Josú!*, *¡Jesús mil veces!* могут сопровождать широкую гамму чувств — от жалобы и удивления до испуга и облегчения. Кроме того, междометие *¡Jesús!* произносится, когда кто-то чихнул (соответствует русскому «Будьте здоровы!»); этот обычай восходит к временам чумы, имевшей место в XIV веке.

Имеется и ряд выразительных фразеологизмов. М. Молинер приводит следующие: *como a un Cristo (a un santo Cristo) dos pistolas* «как Христу два пистолета», то есть не подходить, не сочетаться; *como Cristo con los mercaderes* «как Христос с торговцами», то есть неприемлемо; *donde Cristo dio las tres veces* — очень далеко; *poner a alguien como un Cristo* — оскорбить, загрязнить, обойтись плохо; *armarse la de Dios es Cristo* — устроить скандал; *nico Jesús, Jesús nico* — изображение младенца Христа; *hénica de Cristo* — растение; *en un decir Jesús, en un Jesús* — очень быстро [Moliner, статьи «Cristo», «Jesús»]. Зафиксированы и другие выражения: *a mal cristó,*

mucha sangre — говорится о книге или картине, низкой по качеству, но использующей средства, привлекающие толпу; *cristo con todos* — фраза, которой завершается дело; *ni por un cristó* — ни за что; *sacar el cristó* — прибегать к крайнему и решительному средству убеждения [Diccionario de la lengua española, статья «Cristo»]. Некоторые из приведенных выражений содержатся также в словарях арго, что свидетельствует об их стилистически заниженной окраске: *como a Cristo dos pistolas, donde Cristo dio las tres veces, poner a alguien como un Cristo, armarse la Dios es Cristo*. В словарях испанского арго имеются и другие идиомы с этим именем: *como hay Cristo que «клянусь»*: *¡Como hay Cristo que no me ve el pelo para los restos!* «Клянусь, что вы меня больше не увидите!»; *ni Cristo, no hay Cristo que «никто»*: *En esta oficina no te echa la mano ni Cristo; Se pone a chapurrar español y no hay Cristo que lo entienda; ni para Cristo «ни за что»*: *¡Non salgo ahora ni pa Cristo!*; *todo Cristo «все»*: *El dueco del local se cabrey y mandy echar fuera ty (todo) Cristo* [Martín Martín, Sanmartín Sbez, статья Cristo].

Имеются также выражения, общие для итальянского и испанского языков: *la esposa de Cristo, la sposa di Cristo* (церковь); *a. C., d. C.* (до новой эры, нашей эры).

В русском языке фразеология, содержащая имя Христа, ограничена. Энантеосемичные восклицания *Господи Иисусе!*, *Господи Иисусе Христе!* обозначают страх, удивление; междометное образование *Христа ради* усиливает просьбу (Христа ради, прошу тебя, останься). Возглас *Вот тебе (те, вам) Христос!* подтверждает правдивость, достоверность сказанного, а *Христос с тобой! (с вами, с ним)* — пожелание благополучия, выражение согласия (ладно, пусть будет так), предостережение [Словарь современного русского литературного языка, т. 17]. Имя Христос в ряде выражений заменимо на слова «Бог» или «крест»: *Бога ради, Вот те крест!, Бог с тобой!*

В.И. Даль приводит следующие выражения и производные образования от этого имени: Христа ради, Христа ради невест не выдают (ответ назойливой свахе), христарадничать, христарадник, христосоваться («целоваться радостно потрижды со встречным, на праздник Пасхи, приветствуя словами: *Христос воскрес!*»), Светлое *Христово* Воскресение, *Христов* человек (милосердный), христоронец, христорождный, христорождец, христоносный, христоносец [Даль 1955, т. IV]. Эмоционально окрашенных слов-дериватов, а также образных выражений немного: исусик, христосик (человек благообразной внешности, человек с мягким характером, отрешенный от жизни человек), как у *Христа* за пазухой (вольготно, привольно), *Христом-богом* просить (сильно просить). Как видим, фразеология и производные от имени *Христа* в русском языке совсем иные по духу и по «подаче» этого образа.

Имеются в итальянском и испанском языках идиомы с именем Богородицы. Приведем несколько итальянских выражений: *Paiono le tre Marie* (похожи на трех Марий) — говорится о нескольких плачущих женщинах; *essere la Maria pietosa* — быть великодушной; *non ha potuto dire Gesù e Maria* — не успел маму крикнуть; *tutto il male che c'è in Santa Mari' Nova* — сразу все напасти (*Santa Mari' Nova* — больница во Флоренции); *far viva Maria* — грабить, красть (в 1799 году восставшая в Тоскане толпа граждан под крик *Viva Maria!* преследовала французских республиканцев, одновременно грабя места, по которым проходила); *fare da Maria e da Maddalena* — в каждой бочке затычка. Как можно заметить, в некоторых фразеологизмах наблюдается занижение образа Марии.

Выразительны испанские идиомы с рассматриваемым онимом: *no es cada día Pascua ni Santa Marra* — не всякий день праздник; *para él no hay más Dios ni Santa Marra*

que... — для него ничего не существует на свете, кроме...; *¡Abre, Marra, la puerta!* — ну и ну!; *¡Yeses, Marra y Josú!* — возглас удивления; *¡Engela Marra!* — междометное образование, обозначающее испуг, удивление, протест; *¡Vive Marra!*, *¡Vive Marra Purísima!* — приветствия (устар.) и возгласы удивления; *Buenas manos tiene Marra Santísima para sacar pollos (cebar gorrines)* — у него (у нее) все в руках спорится; *el mes de Marra* — май; *la terra de Marra Santísima* — Андалузия. Выражение *las tres Marras* (три Марии) во времена Франко на студенческом жаргоне означало три дисциплины — закон божий, политика, физическая культура; в то же время это именование из области астрономии — Пояс Ориона.

В русском языке фразеологии, связанной с именем Богородицы, нет: в этом отношении оно табуировано в русской картине мира. В.И. Даль приводит несколько сочетаний с именем Мария, но они отношения к Богородице не имеют: Мария Иродовна — лихорадка (Мария — одна из дочерей Ирода); Марьян башмачок, Марьян корень, Иван-да-Марья [Даль 1955].

В итальянской фразеологии, использующей прецедентные антропонимы, в частности имена святых, большое количество выражений связано со святым Петром. Рассмотрим некоторые из них. Часть выражений имеет терминологический характер: *cattedra di San Pietro* «папский престол», *navicella di San Pietro* «католическая церковь». Но в основном народная фразеология создает несколько неожиданный для русского восприятия образ: *gabbare San Pietro* — обманывать святого Петра, то есть ходить без разрешения не в церковном платье; *far San Pietro* — нагло врать (в этом выражении актуализировано евангельское предание о том, как Петр трижды отрекся от Христа); *esser il gallo che cantò a San Pietro* «быть петухом, который кричал святому Петру» — о жесткой

курице; essere peggio della mamma di San Pietro «быть хуже мамы Святого Петра» — быть жадным, эгоистом. Наконец, sanpietro или san Peder (Ломбардия) — ворышка, который вылавливает просмоленной палочкой деньги из церковного ящика для пожертвований; так своеобразно актуализируется здесь ассоциация с ремеслом и делом Петра: рыбака и «ловца человеков» [Lotti; Ferrero, 294].

С именами San Michele (29 сентября) и San Martino (11 ноября) связывается окончание действия контрактов с хозяином; отсюда выражения: far San Michele — уйти, освободить помещение, переехать; far San Martino — уйти, скрыться. Выражение estate di San Martino «бабье лето» входит в состав рифмованной пословицы L'estate di San Martino dura tre giorni e un pochino «поздняя любовь не долговечна». Сочетание gabbar San Martino буквально «обмануть святого Мартина» означает «уйти с военной службы, дезертировать» (святой Мартин — покровитель солдат) [Lotti]. Приведем еще несколько выражений: domandare se San Cristoforo fu nano — задавать бесполезные вопросы; fare il Geremia — петь Лазаря, жаловаться на судьбу; conoscere solo San Pio — быть способным только брать, но не давать; San Donato и morto, с'и solo San Pio — хватит раздавать, пора брать (собрать); San Giovanni non vuole inganni — говорится о неудавшемся обмане (Бог правду любит); fare la Santa Susanna — строить из себя недотрогу; andare con il cavallo di San Francesco (букв.: ехать на лошади Святого Франциска) — идти пешком; ti riduco como Santa Lucia — угроза: я из тебя сделаю святую Люцию, то есть вырву глаза. С этим же именем связано восклицание *Santa Lucia!*, которое используется в значении «Неужели ты этого не видишь?, Неужели не ясно?» (*Santa Lucia* — покровительница слепых), а междометное образование *troppa grazia, Sant'Antonio!* означает «слишком жирно!».

В приведенной выше фразеологии нетрудно заметить некоторые малопочтительные по отношению к святым выражения. Имеются и рифмованные пословицы (см. выше), а также выражения, совпадающие по лексическому наполнению и значению с испанскими: estate di San Martino — veranillo de San Martino «бабье лето», mal di San Lazzaro — mal de San Lazzaro «проказа», salsa di San Bernardo — salsa de San Bernardo «зверский аппетит» и другие, но основная масса образований, содержащих имена святых, не имеет таких соответствий.

Часто фразеология на базе имен святых носит региональный характер и распространена в определенной местности (хотя не исключено, что те или иные выражения распространены по всей Италии). Например, San Giovanni покровитель Флоренции, где известно выражение aver parecchi San Giovanni adosso — иметь за плечами много лет; San Gennaro — покровитель Неаполя; раз в году в базилике, носящей его имя свершается чудо, связанное с особыми выделениями на его мощах; отсюда выражение aspettare la grazia di San Gennaro — ожидать чуда, лучших времен; la fior di San Marco — Венеция; San Nicola и amante dei forestieri «Святой Николай любит иностранцев», — с ревностью говорят в Бари о покровителе своего города.

В целом довольно часто библейские имена в испанском и итальянском языках являются носителями иных коннотаций по сравнению с русским языком. Так, имя Магдалины в сознании русского человека, в первую очередь, связано с грехом и с раскаянием в грехе (кающаяся Магдалина: «Но кто не зрел картины — Раскаянья преступной Магдалины?» (Лермонтов)). Кроме того, этот оним может означать «проститутка» (Отин 2004, 214): «Но я влюбился, дочиста обыгранный, вшивыми пьянчужками обыгранный, не в местных Магдалин с их ремеслом, а в гипсовую девушку с веслом» (Евтушенко).

В то время как у испанца в значении этого слова на первом месте выступает сема «безутешность»: имя *Magdalena* входит в состав фразеологизированных выражений *parece una Magdalena* (букв.: похожа на Магдалену), *llegu hecha una Magdalena* (пришла как Магдалена), которые, соответственно, означают «безутешно плачет», «пришла совершенно зареванная» — без малейшего намека на совершение греха.

В испанском языке больше чем в русском активно используемых выражений, пословиц и поговорок, содержащих имена святых. Приведем несколько примеров. Особое место среди святых занимает Сантьяго (Святой Яков) — покровитель Испании. Долгое время день этого святого был самым значительным национальным праздником. Этот факт позволяет трактовать ситуацию, воспетую Лоркой в романсе «*La casada infiel*» (Неверная жена), происходящую в ночь на Сантьяго, как типичную, свойственную испанскому национальному характеру:

Y que yo me la llevй al gно
Creyendo que era mozuela,
Pero tenna marido.
Fue la noche de Santiago...

Имя этого святого входит в военные призывы: *ЎSantiago y cierra Espaca!*, *ЎSantiago y a ellos!* — Вперед! Ура! В атаку! Бей их! [Левинтова, Вольф, Будницкая]. Этот призыв, появившийся во времена Реконквисты, впоследствии «распался на другие устойчивые выражения: *ЎCierra*, *Espaca!*, *dar el Santiago*, при помощи которых отдается приказ вступить в бой» [Сударь 2004, 75]. А фразеологизм «*Como Santiago y moros*» означает «жить в постоянной вражде», «как кошка с собакой».

Имя святого Мартина входит в выражение *A cada cerdo le llega su San Martin* (каждой свинье приходит свой святой Мартин), то есть всему приходит конец, виновник получит наказание; эта идиома объясняется тем, что имен-

но на святого Мартина (11 ноября) забивают этих животных. Имя этого же святого, как и имя Святого Михаила, связаны с обозначением бабьего лета: *veranillo de San Martin / de San Miguel*. Имена святых Бернардо и Лоренсо содержатся в выражениях *comer con salsa de San Bernardo* (буквально: есть с соусом Святого Бернардо) и *asarse como San Lorenzo* (жариться как Святой Лоренсо), которые означают, соответственно, «есть со зверским аппетитом, есть любую пищу» и «страдать от жары». Фразеологические единицы *ir en el coche de San Fernando* (*San Francisco*), *ir en caballo di San Francisco* означают «идти пешком» (в итальянском языке есть выражение с тем же значением: *andare con il cavallo di San Francesco*).

Часто имя святого становится нарицательным и в составе идиомы пишется со строчной буквы и слитно с компонентом *San*: *cargarle un sambenito a uno* — наговорить на кого-либо, оклеветать, *sacarle un sambenito a uno* — оправдать, *librarse de un sambenito* — снять с себя обвинение: *Los juvenes autores quieren librarse de ese «sambenito» que le han cargado y demostrar que...* [ABC, 28, 07, 1997].

Имена святых рифмуются в составе поговорок, присловий: *ЎA San Bruno que da ciento por uno!* (Ищи дурака!); *Santa Rita, Rita, Rita lo que se da no se quita* — что отдал, то не отнимают; *una y no mбs, Santo Tomбs* — одного раза достаточно (разок попробуешь и раскаешься). Ср. также русские пословицы, которые приводит В. Даль: Не для Иисуса, а для хлеба куса; Никола на море спасает, Никола мужику воз подымает [Даль 1994, т. I, 68].

Особенно много фразеологизмов, как и в итальянском языке, связано с именем святого Петра: *bien se estб San Pedro en Roma* (хорошо святому Петру в Риме) — от добра добра не ищут; *las de San Pedro* — слезы; *como San Pedro* (как святой Петр) — лысый; *(estimado) como San Pedro en Roma* (уважаемый как святой Петр в Риме) — почтенный; *tomar el cafй con San Pedro* (буквально: пить

кофе со святым Петром) — выдавать себя не за того человека; *¿Que lo haga San Pedro!* (пусть это делает святой Петр!) — речевой акт отказа (я этого делать не буду). Синонимичным высказыванием является *¿Que lo haga Rita (la santaora)!* (пусть это делает (певица) Рита).

Очень образны и национально своеобразны идиомы-сравнительные обороты с *como* и *más que*. В них зачастую отражаются глубоко народные представления о библейских персонажах и святых: *como maitano de San Antun* — питаться святым духом; *como el perro de San Roque* — болтун, балаболка; *estar como San Jinojo en el cielo* — витать в облаках; *como la capa de San Martn* — рваная, дырявая одежда; *como San Martn* — последнюю рубашку с себя снимет; *como el agua por San Juan* — не ко времени; *como el borrico de San Vicente* — очень рассеянный; *como San Alejo debajo de la escalera* — скорчившись, забившись в угол; *caer como San Juan a veinticuatro* — прийти в самый раз; *más casto que Josif* — целомудренный; *más flaco que el San Jernimo de Mayo* — кожа да кости.

Среди употребительных русских фразеологизмов, содержащих библейские имена, можно назвать «петь Лазаря» — выражение, по всей видимости, возникшее в среде нищих со значением «жаловаться на судьбу, стараться разжалобить» [Бетехтина]. В итальянском языке *lazzaro* — «прокаженный», а также «бездельник, хулиган», *pieno come un San Lazzaro* — очень грязный, навалившийся полные штаны. Выражение *parere un San Lazzaro* «быть очень бледным» связано, по всей видимости, с другим Лазарем — братом Марфы и Марии, воскрешенным Христом на четвертый день (Евангелие от Иоанна, XI, 1–46). К имени святого Лазаря-покровителя прокаженных и заразных больных своеобразным образом восходит слово *lazzaretto* «лазарет». Дело в том, что в 1423 году на венецианском острове *María di Nazareto*, где

находился монастырь с таким же названием, была открыта больница для заразных больных, которая со временем стала называться *Lazzaretto*; таким образом, в *lazzaretto* как бы слились два слова *Lazzaro* и *Nazareto*; впоследствии название *Lazzaretto* перешло и на остров — сейчас он называется *Lazaretto Vecchio* [Colonna, статья «Lazaretto»; Tagliavini, 433].

В испанском же языке имя Лазаря, библейского бедняка, получившего вечное блаженство за все перенесенные тяготы (Евангелие от Луки, XVI, 19–31), входит в терминологическое обозначение проказы — *el mal de San Lbzarzo*; это же имя означает «нищий оборванец», а диминутив *lbzarillo* получил значение «поводырь», в том числе и применительно к собаке (Vox, 215) (от имени героя романа *Lazarillo de Tormes*); в современном языке это слово — ироничное обозначение гида. Ср. заголовок статьи *Lazarillos turnsticos de Cyrdoba*, в которой идет речь об услугах индивидуальных туристических гидов.

Как видим, одно и то же имя, одни и те же исходные семы *бедный*, *несчастный*, *больной* порождают в разных языках различную идиоматику, создающую национально обусловленные образы одних и тех же персонажей.

В России наиболее почитаемый в народе Святой — Николай (Никола). Именно его имя чаще всего упоминается в прецедентных высказываниях — пословицах: Лучше брани: Никола с нами; Проси Николу, а он Спасу скажет; На поле Никола общий Бог; Бог не убог, а Никола милостив; Нет за нас поборника супротив Николы; Со спаса дерет, да на Николу кладет; Никола на море спасает, Никола мужику воз подымает [Даль 1994, т. I, 68].

Используются в русских пословицах и имена других святых: Было Тита (т.е. день), так было и пито; а ныне Карпа — нет ни капли; Далеко кулику до Петрова дня

[Даль 1994, т. 2, 74]; Соловей (кукушка) поет до Петрова дня [Даль 1955, т. 3].

Приведенные пословицы не относятся к активно используемым единицам. Пожалуй, только одна паремия такого типа *Вот тебе, бабушка, Юрьев день!*, используемая для выражения обманутого ожидания, известна всем. По всей видимости, глагольный дериват от имени *Егор* — *объегорить* связан с тем же событием, что и поговорка: с введением режима заповедных лет, положившим начало закрепощению крестьян.

Между тем, пословицы, входившие в традиционный русский месяцеслов — земледельческий календарь, являвшийся, по сути, своеобразной крестьянской энциклопедией, были весьма популярны в народе. Месяцеслов обобщал многовековые наблюдения земледельца над явлениями природы, связывал их с днями поминовения тех или иных святых. В результате имена христианских святых в России часто приобретали уникальные значения и ассоциации, отражавшие картину жизни русского крестьянина.

Приведем несколько пословиц из месяцеслова: *Федосеево* тепло не раннюю весну пошло (24 января); *Афанасий* и *Кирилл* забирают за рыла (31 января, о холодах); Если на *Евдокию* ясно, год прекрасный, если пасмурно, год плохой (14 марта); *Федул* губы надул (ненастье, 18 апреля); Сей морковь и свеклу на *Кузьму* (1 мая); *Федор Стратилат* грозами богат; На *Иванов* день цвет, на *Ильин-то* день хлеб (7 июля, 2 августа); *Петр* и *Павел* час убавил, *Илья*-пророк два уволок (12 июля, 2 августа); Святой *Тит* последний гриб растит (7 сентября); *Иван Предтеча* гонит птицу за море далече (11 сентября); С *Ерофея* холода сильнее (17 октября); *Козьма* и *Демьян* с гвоздем (14 ноября); Пришел *Прокоп* — разрыл сугроб (к 5 декабря устанавливается хороший санный путь); Трещит *Варюха* — береги нос и ухо (17 декабря) [Литература и культура Древней Руси, 266–325].

Как видно из примеров, пословицы месяцеслова кратки по форме, образны, рифма облегчает их запоминание.

Аналогичные пословицы есть и у итальянцев. Т.З. Черданцева приводит следующие (приводятся в ее переводе): Sant' Antonio (17 января) gran freddo, San Lorenzo gran caldura, e l'uno e l'altro poco dura (букв. На день Св. Антония очень холодно, на день Св. Лоренцо очень жарко, но и то другое быстро проходит); A San Mattia (4 февраля) la neve per via (букв. На Св. Маттиа на дороге снег); Se piove per San Barnabб (11 июня), l'uva bianca se ne va; se piove mattina e sera se ne va la bianca e la nera (букв. Если на Св. Барнаба идет дождь, белый виноград пропадает; Если дождь идет с утра до вечера, пропадет и черный, и белый виноград); Per Santa Cristina (24 июля) la sementa saggina — Со дня Святой Кристины собирай сорго (кукурузу) на семена; Per San Cosimo e Damiano (27 сентября) ogni male fia lontano (букв. В день Космы и Дамиана любая болезнь далеко) (эти Святые были врачами и покровителями семьи Медичи); Per San Michele (29 сентября) la succiola (cioi castagna) nel paniero — В день Святого Микеле собирают каштаны; Di San Gallo (16 октября) ara il monte e semina la valle — в день Св. Галло пора пахать в горной местности и сеять в долинах; Per Santa Caterina (25 ноября) la neve alla collina (ovvero o neve o brina) (букв. На Святую Катерину снег на холмах, вернее — либо снег, либо иней); Santa Barbara (4 декабря) sta intorno al fuoco e guardala (букв. В день Святой Варвары стой у огня и смотри на нее); San Tommi (21 декабря) cresce il dm quanto un gallo alza un pie' (букв. На Святого Томми день удлиняется на шаг петуха) [Черданцева 2000, 282–284].

У русских и итальянских пословиц данного типа много общего как в смысле формы, так и содержания, но, главное, они совпадают по духу. Ср. также испанские пословицы: Por San Martin siembra el ruin; Santa Barbara,

doncella, Inbranos del rayo y la centella «Святая Варвара, спаси нас от молнии».

Другой тип прецедентных онимов — имена героев литературных произведений. При определенных условиях они могут трансформироваться в нарицательные и, как уже указывалось, становятся яркими когнитивными концептами. Приведем несколько примеров. Со страниц наиболее любимого итальянцами произведения литературы «Обрученные» (*I promessi sposi*) А.Мандзони (1827 г.) пришли в итальянский язык слова *perpetua* «набожная сплетница, гримза», *azzeccagarbugli* «ловкий адвокат, крючоктвор», зафиксированные словарями. Такие имена носили герои романа *Perpetua*, старая служанка священника, и *Azzeccagarbugli*, адвокат. Интересно то, что слово *perpetua* в известном смысле искажает образ старой преданной служанки, созданный А.Мандзони.

Из персонажей русской литературы назовем имена гоголевских героев *Чичикова*, *Плюшкина*, *Собакевича*, *Манилова*, которые используются, соответственно, для обозначения предприимчивого человека (Я думал, из вас *Чичиков* выйдет, а вы — человек-рубашка (*Боборыкин*)), неразумного скопидама, самодура, беспочвенного мечтателя.

Иногда имена литературных героев «пересекают» границы национальной культуры и становятся нарицательными за ее пределами.

Так произошло с именами *дон Жуан*, *дон Кихот*, которые стали достоянием словарей многих языков; при этом наблюдаются значительные расхождения в их значении и функционировании в разных языках.

Пожалуй, ни один персонаж в мировой литературе не был героем стольких произведений как *дон Жуан* — *don Juan*. Ему посвятили свои произведения Тирсо де Моли-

на, А. де Самора, Х. Сорилья, братья Мачадо, Мартинес Сьерра, Э. Маркина. А. Эрнандес Ката, Х. Грау, Ж. Б. Мольер, Н. Ленау, Дж. Байрон, П. Мериме, А. Дюма, Ш. Бодлер, Л. Украинка, А. Пушкин (и, вероятно, другие авторы). Этому герою посвящены опера *Don Giovanni* А. Моцарта на либретто Л. да Понте (именно эта опера способствовала популярности данного образа в России), симфоническая поэма Р. Штрауса, балет Х. Глюка. Каждый из указанных авторов предлагает свою — часто национально обусловленную — трактовку этого образа.

В России имя этого персонажа известно в необычной огласовке — *дон Жуан*. Так это имя звучит по-каталански, по-испански оно произносится иначе: *Дон Хуан*; своей огласовке в русской культурной традиции это имя обязано французскому посредничеству, хотя и по-французски оно произносится не совсем так: *дон Жюан*. Кстати, А.Пушкин называет своего героя «дон Гуан», следуя русской традиции транслитерации заднеязычного фриктивного западноевропейских языков как «г» (*Hans* — Ганс, *Hegel* — Гегель), но пушкинская огласовка не прижилась. В русском языке этот оним означает «искатель любовных приключений, соблазнитель, обольститель» [Словарь современного русского литературного языка в 20 томах, т. IV]; сходные значения приводит Е.С.Отин («искатель чувственных наслаждений, жуир, повеса, соблазнитель, искуситель, волокита» [Отин 2004, 128]): Даже ее шафер, известный всей губернии бонвиван и *Дон-Жуан*, может пощекотать ее гордость (Чехов)...

В Испании антропоним *don Juan* означает, что к человеку с этим именем относятся с почтением; так в прессе называли покойного отца нынешнего короля Испании. Для обозначения «дон Жуана», то есть соблазнителя и обольстителя используются следующие варианты имени героя: его фамилия *Tenorio*, сопровождаемая неопределенным артиклем (*es un Tenorio*), его имя, тоже в сопро-

вождении артикля (*es un don Juan*), а также полный антропоним: *Es un don Juan Tenorio*. Кроме того, все три образования служат для именованья задиры и драчуна. Деантропоним *donjuón* имеет также ботаническое значение «чудоцвет» (синоним *dondiego*).

В итальянском языке соответствующее имя (вернее, его «перевод» на итальянский язык) полностью лексиколизировалось, превратилось в нарицательное, «приставка» *don* слилась с именем: *dongiovanni*, а к значению «искатель любовных приключений» добавилось «хвастун» [*Devoto, Oli*]. Таким образом, налицо расхождение, как в месте этого онима в разных культурных традициях, так и в его функционировании и семантике в разных языковых системах.

Имя литературного героя Дон Кихота (образ, получивший развитие на русской почве в романе Ф. Достоевского «Идиот»; Дон Кихот — также герой одного из романов Г. Грина и известного балета Л. Минкуса) является одним из самых известных в мировой литературе. В испанской и русской культурах это имя оценивается по-разному. Для испанца с ним связано больше отрицательных коннотаций, нежели положительных (отметим, что в испанском языке оно используется без «приставки» *don*). Деспективный характер нарицательного существительного *quijote* зафиксирован всеми словарями испанского языка; отмечают такие его семы как «тяжелый и мрачный характер, склонность к преувеличениям, вмешательство в чужие дела, отсутствие здравого смысла» [см., например: *Vox mayor*]. Ср. также газетный заголовок «*A quijotes no nos gana nadie*» (= В донкихотстве нам нет равных), за которым следует статья о глупом расходовании средств на сомнительную благотворительность [АВС, 19, 08, 1992]. Между тем, в русской культурной традиции превалируют позитивные семы этого имени: ведет

себя как дон Кихот (донкихот), то есть, бескорыстно, благородно. Соответствующая испанская фраза — *se porta como un Quijote* означает: ведет себя как дурак, вмешивается в чужие дела. Эти данные получены в результате анкетирования 12 испанских студентов и 25 русских студентов-испанистов (опрос проводился в 1996 году). Лишь в ответе двух испанских респондентов — наряду с обязательной отрицательной характеристикой героя — была отмечена сема бескорыстия. У русских же респондентов отрицательных сем в характеристике этого персонажа не было, хотя некоторые отмечали, что фраза «Ведет себя как донкихот» при общей оценке «благородно, великодушно» означает также «не всегда по делу».

В IV томе «Словаря современного русского литературного языка в 20 томах» находим следующее определение слова «донкихот»: «бескорыстный, наивный мечтатель, бесплодно стремящийся приносить пользу людям во имя неосуществимых идеалов». Как видим, трактовка, предложенная студентами, несколько отличается от словарной, но сохраняет соответствие ее «пафосу». Есть целый ряд производных от этого слова как в испанском, так и в русском языках: *quijotada, quijoterna, quijotesco, quijotescaamente, quijotil, quijotismo; донкихотство, донхитский, донкихотствовать*.

В итальянском языке оценка дон Кихота представляется средней между испанской и русской; имя нарицательное *donchisciotte* содержит положительные семы «бескорыстие, геройство», сочетающиеся с семами «наивность, бесполезность, дерзость и наглость». Приведем в качестве примера словарную статью *donchisciotte* из *Dizionario fondamentale della lingua italiana: persona generosa e ingenua che si rende ridicola per la sua spavalderia* «человек великодушный и наивный, который становится смешным из-за своей дерзости». В итальянском языке имя этого персонажа используется с «приставкой» *don*. Ита-

льянский аналог фразы «Ведет себя как донкихот» — Si comporta come donchisciotte итальянские студенты интерпретировали следующим образом: ведет себя как идеалист, романтик (иногда с оттенком настойчивости, упрямства) [Рылов 2000, 148–149].

Имеются следующие дериваты этого онима: donchisciotteria (ingenua o spavalda ostentazione di disinteresse, di abnegazione «наивная или дерзкая демонстрация бескорыстия или самоотверженности») [Devoto, Oli] и donchisciottesco (vistosamente ingenuo o enfaticamente disinteressato nella difesa di veri o presunti diritti «нарочито наивный или подчеркнуто бескорыстный в защите настоящих или вымышленных прав») [ibid.].

В русском языке имеющиеся дериваты от этого слова (см. выше) определяются через слово «донкихот» и не содержат ни семы «дерзость», ни «нарочитость»: «*Донкихоты* встречаются на Руси не только среди культурных людей, у нас в народе, в массе, сколько угодно *донкихотизма!*» (Горький. Жалобы); «Долгин говорил, что это просто идиотство — отказываться от денег, наконец, обвинил его в слонтяйстве, мягкотелости, *донкихотстве* и еще во многом» (Минчковский. Мы еще встретимся). Таким образом, и здесь очевидны расхождения в социокультурных традициях восприятия имени одного и того же литературного персонажа в Испании, Италии и России.

В испанском языке стало нарицательным и имя оруженосца Дона Кихота *Санчо Пансы*. Этот оним — составная часть ряда выражений: como Sancho Panza (как Санчо Панса) — то есть «как практичный человек без идеалов» [Moliner]; encontry Sancho con su gosni (буквально: встретил Санчо свою клячу) — два сапога пара [Левинтова, Вольф, Будницкая]; allb va Sancho con su gosni (буквально: вон идет Санчо со своей клячей) — этих друзей водой не разольешь [там же]; como dijo Sancho: donde yo me sienta, alln estarb la cabezera (буквально: как сказал

Санчо, где я сяду, там и будет главное место за столом) — как он сказал, так и будет [там же]. Санчо Панса может быть также кличкой толстого человека, наряду с *gordito Relleno* (персонаж детского журнала *Tebeo*) [Miranda, 65]. Интересно также отметить, что с именем Дон Кихота не связана такая богатая фразеология, как с именем Санчо Пансы. В русском языке *Санчо Панса* — постоянный спутник, верный друг, слуга (Он его неизменный *Санчо Панса*; Этот *Санчо Панса* его юности вел себя последнее время прекрасно: был постоянно трудолюбив, трезв и даже опрятен и почти что умен (Писемский). Пример из: [Отин 2004, 305]).

Наконец, имя, которое Дон Кихот присвоил объекту своих возвышенных устремлений, — *Dulcinea del Toboso* «*Дульсинея (Дульцинея) Тобосская*», тоже стало нарицательным в трех рассматриваемых языках. (Девушку на самом деле звали *Aldonza Lorenzo*; она была дочерью родителей, которых звали *Lorenzo Corchuelo* и *Aldonza Nogales*; то есть девушка унаследовала имя матери в качестве личного имени и имя отца в качестве дополнительного дифференциатора имени. Отметим, что имя *Aldonza* имело в те времена дурную славу [Avalle-Arce 1997, 156]). В испанском и итальянском языках это имя — шутовское обозначение возлюбленной. В русском языке Е.С.Отин фиксирует сходные значения деантропонима *дульцинея* «возлюбленная, любовница; объект увлечения мужчины» [Отин 2004, 131]; на наш взгляд, нужно отметить также ироничный — как и в романских языках — характер использования этого слова: Я полагаю, всего лучше перевести его в другое место... подальше от *Дульциней!* (Салтыков-Щедрин); Князь пил пиво, его *Дульцинея* — мадеру (Чехов).

Раннехристианское имя *Beatrice* «дающая блаженство», ставшее с течением времени династическим в ряде

европейских домов и распространению которого способствовала «Божественная комедия» Данте, приобрело нарицательное значение «*вдохновительница, идеал*». В близком значении «*муза*» это слово используется в книжном стиле русского языка, особенно в XIX веке, хотя примеры такого использования можно встретить и в современном русском языке. Например, Л.Васильева одну из глав своей книги о Пушкине «Жена и муза» (М., Атлантида — XXI век, 1999) называет *Данте и Беатриче*. Этот заголовок означает *Поэт и муза*. Кстати, самого Пушкина Л.Васильева называет «*нашим русским Данте*» (с. 347), что следует понимать как «*нашим величайшим русским поэтом*». В итальянском же языке слово *Dante* (это, как указывалось не фамилия, а имя) стало производящей основой для целого ряда дериватов, их количество и семантика впечатляют: *danteggiare* «*подражать Данте*», *dantesco* «*дантовский*», *dantismo* «*подражание Данте*» или «*слово, придуманное Данте*», *dantista (dantologo)* «*знарок Данте*», *dantistica (dantologia)* «*дантология*».

Интересна «семантическая судьба» в России некоторых имен, определенным образом связанных с итальянской литературой. Речь идет об именах персонажей сказки А. Толстого «Золотой Ключик, или Приключения Буратино» — своеобразной версии «Пиноккио» (*Le avventure di Pinocchio, storia di un burattino*) К. Коллоди — Буратино и папы Карло, которые благодаря исключительной популярности этого произведения в России стали в русском языке нарицательными. Ю.С.Степанов пишет: «Буратино — не просто кукла, — это концепт русской культуры нашего времени» [Степанов 1997, 699]. Несмотря на «итальянское прошлое» и привязанность к «глубинным мотивам европейской культуры» [там же, 700], имя этого литературного персонажа приобрело значения, совершенно не понятные для итальянцев. Так, идиоматическое вы-

ражение «богатенький буратино» (обратим внимание на то, что слово *богатенький* сочетается преимущественно со словом *буратино*) означает «человек, имеющий деньги, способный платить»: Заставят ли продавцов стучать на «богатеньких Буратино»? (заголовок статьи в «Комсомольской правде», 4 июля 1998 года). После обвала рубля в августе того же года в газетах можно было найти такие заголовки: Куда понесут деньги богатенькие буратино?, Понесут ли богатенькие буратино деньги в банк?

Ср. также:

Проводятся открытые первенства по преферансу, бриджу, покеру — все легально. И богатеньких *Буратин* прибавилось. (...) И вот тут обведенный вокруг пальца «*Буратино*» начинает возмущаться. *Завтра*, № 11 (591), март, 2005 г.

Напомним, что в итальянском языке *Burattino* — персонаж комедии дель арте и кукла-марионетка, отсюда производные значения: с одной стороны, легкомысленный, ветреный человек, с другой — безвольный, находящийся во власти других человек; то есть значения этого слова никак не связаны с платежеспособностью, — в отличие от русского языка: Мне двух *богатеньких буратин* в год вполне хватает (репетитор об учениках — из записи устной речи). Это слово может иметь в разговорной речи и значение *ребенок* с оттенком иронии: Я со своим *буратино* каждый день в парке гуляю. Е.С.Отин приводит также значение «полный дурак, тупица»: — Ты куда? — спросила Вера. — Опять?!.. Вы уж присмотрите за моим *буратиной*. Я кривовато улыбнулся в том смысле, что педагог из меня — никакой (Довлатов) [Отин 2004, 76]. Обратим внимание на то, что грамматические характеристики этого нарицательного существительного еще не «устоялись»: оно выступает то как несклоняемое существительное мужского рода, то как склоняемое существительное мужского рода на *-о* или на *-а* (как в последнем примере).

Исходное же имя героя сказки К. Коллоди Pinocchio в итальянском языке входит в выражения fare il Pinocchio «врать», il naso di Pinocchio «длинный нос, то есть нос вруна». В испанском языке фразеологии, связанной с именами персонажей этой сказки, нами не обнаружено.

Джеппетто, другой персонаж сказки, в версии А. Толстого получил имя Карло, которое в русском языке тоже стало нарицательным: сочетание «как папа Карло» означает «много, в поте лица»: кручусь как папа Карло; работаю как папа Карло; — Ну естественно, некоторые отдыхают дома за вкусным ужином, — слышался ехидный голос Селуянова, — а некоторые как папы Карло ищат, убийцев по всей Москве разыскивают (Маринина. Седьмая жертва); А вот продюсер Бари Алибасов весь вечер пахал как папа Карло: он самолично вылавливал знаменитостей (Комсомольская правда, 13. 04. 2002)...

Вот еще пример из прессы:

С. Миронов, председатель Совета Федерации: «Губернаторы иногда сознательно выдвигают в Совет Федерации опытного политика... И он как папа Карло, в хорошем смысле этого слова, пашет на регион». Если в верхней палате все сенаторы — папы Карло, то в нижней, наверное, все депутаты — Буратино. А кто тогда Карabas-Барабас? Так и договориться можно — в хорошем смысле этого слова... (Аргументы и факты, № 51, декабрь, 2004).

На школьном жаргоне папа Карло означает «учитель труда» [Стернин 1992, 108]. В итальянском языке с именем Carlo подобной фразеологии нет.

Фамилия назойливого журналиста Paragazzi из фильма Ф. Феллини «Сладкая жизнь» стала нарицательным обозначением вездесущего репортера во многих языках. При этом в итальянском языке процесс превращения имени собственного в нарицательное сопровождался «выравниванием» формы имени: словари фиксируют слово

paragazzo; в русском же языке папарацци воспринимается как слово pluralia tantum: Папарацци снабжают жен компроматом (Мегаполис, № 14, 2002); Его выследили и разоблачили любопытные папарацци (там же); Увидев, что за происходящим с интересом наблюдают доморощенные папарацци, Пугачева сделала странный выпад: неожиданно подскочила к незнакомому парню и страстно впиалась ему в губы (Комсомольская правда, 4 апреля 2003).

В испанской огласовке соответствующая фамилия звучит paragachi; это слово изменяется по числам и, как указывалось, в качестве нарицательного имени имеет значение «фотограф, преследующий знаменитостей, чтобы заснять скандальные сцены из их жизни» (в русском языке значение этого деантропонимического образования шире — журналист, репортер): Sin los paparachis las revistas del corazon no ejercegan el terrorismo rosa [Симеонова 2001, 126].

Фамилии знаменитых итальянских кутюрье Armani, Gucci, Versace и др. превратились в названия торговых брендов и, соответственно, изделий, выпускаемых под этими брендами: «У него, чиновника, тоже гардероб набит «гуччами» да «версачами», а лишний раз не надеешь — враги только и ждут повода!» (Ю. Поляков. Грибной царь // Наш современник, № 5, 2005).

Наконец, по-разному функционируют в различных национально-культурных социумах и другие прецедентные имена — имена реальных исторических деятелей. Приведем следующий пример. Имя итальянского политика и писателя Н. Макиавелли (N. Machiavelli, 1469–1527) используется в испанском языке как нарицательное в значении «хитрый, вероломный, бессовестный человек»; то есть суть учения Макиавелли о пренебрежении законами морали в области политики в целях построе-

ния сильного государства экстраполируется на характеристику самого автора учения; его имя образует ряд дериватов, которые входят в выражения, зафиксированные словарями, кстати, с изменением оригинальной орфографии: *maquiavelo*, *obrar como un maquiavelo*, *ser una persona maquiavelica*, *obrar con maquiavelismo*. В русском языке имеются слова «макиавеллизм» (политика, использующая любые средства; коварство, вероломство; вероломное поведение), «макиавеллевский», «макиавеллист» (оба слова определяются в словарях через «макиавеллизм»); это образования, маркированы принадлежностью к книжному стилю и устаревшей лексике и, на мой взгляд, обычно выступают как окказиональные образования, так как известны в целом ряде орфографических вариантов: макиавелизм, маккиавелизм, маккиавеллизм; макиавелевский, макиавелевский, маккиавеллевский, маккиавеллиевский [Словарь совр. рус. лит. языка, т. 6, 1957].

В итальянском языке семантика этого имени развивалась иначе. Имя нарицательное *machiavello* стало обозначением хитроумного плана, махинации [Dizionario fondamentale della lingua italiana]. В этом значении данное слово встречается даже в фольклоре, например, в сказке 'Caroso' (Streghe briganti, diavoli e santi. Racconti e leggende del Lazio. Torino, 1966, 9): «Compare prete, purtroppo papa ha scoperto tutto il *machiavello* che avete montato con mamma e ha detto che se vieni giù ti da un'archibugiata!» — «Падре, к сожалению, отец обнаружил *козни*, которые вы затеяли с мамой и сказал, что если ты еще раз придешь, он тебя пристрелит из аркебуза!». В современном жаргоне *machiavello* означает «следователь» [Lotti]. Производное от этой фамилии существительное *machiavellica* используется в значении «трюк, отговорка, увертка», а также «ловкость, сноровка»: *Si fisst che fosse tutta una mia machiavellica per andarmene via* «Все подумали, что это была моя отговорка, чтобы уйти»;

Lascia fare a me. Ci vuole una certa machiavellica «Дай-ка, сделаю я. Здесь нужна некоторая сноровка». Имеются и другие производные. Прилагательное *machiavellico* используется при характеристике человека, добивающегося своих целей любыми методами и пренебрегающего правилами морали (в сходном значении соответствующее слово используется в испанском языке и — редко — в русском); существительное *machiavellismo* означает «коварный и безжалостный утилитаризм, особенно в политике» (ср. испанское *maquiavelismo*), а *machiavellista* — «коварный и безжалостный политик».

Особое место занимают в итальянском языке имена древнеримских политиков. Стала нарицательной фамилия (*cognomen*) Цицерона. В настоящее время слово *cicerone* означает «гид, проводник», реже оно распространяется и на печатную продукцию — *cicerone* «путеводитель». Данная семантика у рассматриваемого имени появилась благодаря Данте, проводником которого в «Божественной комедии» был именно Цицерон. В России Цицерон — прежде всего образец красноречия (русским Цицероном иронично называли в прессе известного политика В. Черномырдина за косноязычие), слова «чичерон, чичероне» (проводник, дающий объяснения при осмотре достопримечательностей; вообще спутник, указывающий дорогу: «[Я] заставил проводить меня в отель... надеюсь, что он и впредь не откажется быть моим чичероне») (Станюкович. В море!) в 17-томном Словаре Академии наук снабжены пометкой «устаревшее», при этом первое слово определяется еще и как «разговорное» [Словарь совр. рус. лит. языка, т. 17]. В итальянском языке сема «красноречие» у данного имени сохраняется, но с отрицательной коннотацией: *fare il cicerone* — строить из себя всезнайку, умничать. На тюремном римском жаргоне это слово означает *chiacchierone insopportabile* «невыносимый болтун» [Ferrero, 294]. В испанском языке

слово *сісегун* применяется, как и в русском, по отношению к красноречивому человеку без дополнительных коннотаций, а слово *сісегоне* (довольно редкое) означает «гид». Одному итальянскому слову, таким образом, соответствуют три русских и два испанских.

Стало нарицательным и имя другого политика и военачальника — Марка Антония, кстати, санкционировавшего в 43 г. до н. э. убийство Цицерона. Слово *marcantonio* приобрело значение «человек исключительных физических данных, здоровяк, крупный мужчина» (с несколько шутивным оттенком), от этого слова образовано существительное женского рода: *marcantonia* «крупная, дородная женщина». Ни в испанском, ни в русском языках это имя не стало нарицательным.

Имя супруги императора Клавдия I *Мессалины* в итальянском языке — обозначение распущенной женщины: *questa donna* и *una vera messalina*. В русском языке у этого деантропонима значения «ветреная, чувственная женщина; жрица любви» и «продажная женщина, проститутка» [Отин 2004, 237]: Ильина была типичной мещанской *Мессалиной*, которая обворожила подсудимого масивностью и выпуклостью своих форм (И.Ильф. Из записных книжек); Все что ему нужно (и по заказу, и даже сверх того), он получает от общения с юными *мессалинами* из фирм нежными, источающими тревожащий аромат порока, названиями (Труд, 24.03.1994). На наш взгляд,

Cognomen политика, стратега и писателя Гая Юлия Цезаря и его приемного сына, первого римского императора Гая Юлия Цезаря Октавиана Августа, становится нарицательным — символом единоличной власти — уже в Древнем Риме; *Caesar* является титулом римских императоров и входит в состав латинских идиоматических выражений. В ряде языков этот оним тоже стал обозначением суверена: *Kaiser* — в немецком языке; цар —

в болгарском и украинском языках; кесарь, царь — в русском [Фасмер, т. 4]. В русском языке имеется и слово «цезарь» со значением «римский император; вообще самодержец, неограниченный монарх, римский цезарь»: «Искусство (цирковое)... почти не двигается вперед, оставаясь и теперь чуть ли не в таком же виде, в каком оно было при *римских цезарях*» (Куприн. В цирке) [Словарь совр. рус. лит. языка, т. 17, 1965]. Словари фиксируют дериваты от этого слова: «цезарист» (единоличная диктатура в сочетании с формальным признанием прав народа, демоса); «цезаристский» (относящийся к сезаризму) [там же], а также слова «цесарь (то же самое, что кесарь, цезарь), цесаревич (звание наследника царского престола в России), кесарев (кесарево сечение)». Таким образом, одно латинское имя породило в русском языке несколько слов с разным звучанием (царь, цезарь, кесарь, цесарь).

Фразеологизмы *avere cuore di Cesare* (быть великодушным), *essere come la moglie di Cesare* (быть вне подозрений), *A Cesare quel che* и *di Cesare, a Dio quel che* и *di Dio* (Кесарю кесарево, Богу — богово) пришли в итальянский язык из латыни. На итальянской же почве появилось выражение *O Cesare o Niccolt* (ср. латинское *Aut Caesar, aut nihil*). Из производных от этого имени наиболее распространено прилагательное *cesareo*: *poeta cesareo* «придворный поэт»; *taglio cesareo* «кесарево сечение» (по преданию, Цезарь-старший появился на свет в результате именно этой операции).

В испанском языке слово *caesar* сохраняется в значении «кесарь» в книжных оборотах типа *dar a Dios lo que es de Dios* и *al caesar lo que es de caesar*; *O Caesar, o nada*; а также в дериватах *cesarismo* (авторитарная система правления), *cesarista*, *cesariano*; (*operaciyn*) *cesarea*. Сохранилось это имя и в топонимии; например, название города *Zaragoza* восходит к *Caesar Augusta*.

Имеются в итальянском языке и выражения, связанные с Карлом Великим: *farne piú di Carlo in Francia* — смешивать цвета, продукты, перебарщивать; *alla Carlona* — кое-как, небрежно (*Carlo Magno* в поздних рыцарских поэмах предстает как символ грубости и простоты). В русском же языке к этому имени восходит слово «король» [Фасмер, т. 2, 333], в испанском — название монеты *carlino*, которая чеканилась в его честь [Diccionario de la lengua española].

Еще один пример различного восприятия одного и того же имени в разных культурах. Династическая фамилия *Бурбон* стала нарицательной в Испании, Италии и России, но в совершенно разных значениях. В русском языке *бурбон* — *солдафон, самодур*; в Словаре современного русского литературного языка в 20 томах существительное «бурбон» с пометкой «разговорное» определяется следующим образом: «о грубом, невежественном человеке, первоначально офицере (обычно в функции сказуемого): — Вы мужик! Грубый медведь! Бурбон! Монстр!» (Чехов. Медведь) [т. 1, 1991].

В испанском языке *borbun* — человек, умеющий устроить дела (без отрицательных коннотаций), от этого существительного происходит глагол *borbonear* (умело устроить свои дела), который в полной мере применим в отношении к нынешнему представителю данной династии в Испании. Вот что пишет по этому поводу испанский журналист и литератор Х. Кобо, долгие годы проживший в России: «В испанском языке слово «бурбон» имеет совсем иной смысл, чем в русском. Это не синоним человека грубого, солдафонистого, а человека гибкого, ловкого, не без коварства, хотя в этом слове и нет особого негативного оттенка. Ведь оно прилагается только к королям из династии Бурбонов, а им позволено то, что другим запрещено. Отсюда же и труднопереводимый на другие языки глагол *borbonear* — «бурбонить», то есть

с королевским изяществом обводить соперника вокруг пальца, стараясь при этом не обидеть его» [Литературная газета, 29. 01. 1997].

В Италии иное восприятие этой фамилии: например, прилагательное *borbonico* — синоним *retrogrado* «ретроградный», а *borbonismo* используется в политическом языке для обозначения реакционных методов в современной политике и менталитете, что является отражением характера правления Бурбонов в неаполитанском королевстве [Enciclopedia italiana, t. 1].

Можно отметить активное вхождение испанских прецедентных имен в нарицательную лексику. Например, имя журналистки, ставшей супругой принца Астурийского, — *Letizia* — мгновенно стало нарицательным «золушка; простая девушка, превратившаяся в принцессу». Ср.: *El 19 de julio de 1976, se celebraba en Estocolmo una de esas bodas reales de verdad ya que el novio, Carlos Gustavo de Suecia, era rey reinante y la novia, una de las primeras letizias europeas, la azafata alemana Silvia Sommerlath (печь идет о свадьбе шведского короля) (El Mundo, 22. 08. 2004).*

Легко становятся нарицательными имена кумиров, например футболистов: *Aunque tenemos tóbs pavones que ronaldos y zidanes* (ABC, 30.12.2002). Рональдо и Зидан — олицетворение игроков экстракласса, в то время как Павон — игроков заурядных.

Прецедентные имена, например имена известных политиков, становятся основой для целого ряда дериватов: *felipismo, felipista, felipesco; aznarismo, aznarista, aznarizar*, что свидетельствует о том, что соответствующие онимы (имя *Felipe* — *Felipe González* — и фамилия *Aznar* — *José María Aznar*) превратились в имена нарицательные, часто с отрицательными коннотациями: при этом *felipismo, felipesco* связывается в сознании испанцев с коррупцией,

а *aznarismo*, *aznarizar* — с приватизацией государственной собственности.

Итак, в каждом национально-культурном социуме складываются не только свои собственные традиции именования людей, предопределяющие особенности функционирования имен, но и образуется особое отношение имен собственных с языком в целом. Так, русский язык менее восприимчив к трансформации обычных личных имен и особенно имен святых в обозначения предметов окружающего мира, чем испанский язык, хотя в диалектах (территориальных и социальных) можно найти достаточно примеров подобных трансформаций. В литературном итальянском языке вхождение имен собственных в сферу имен нарицательных менее активно, чем в испанском, но эти процессы становятся активными в арго, где имена святых легко переходят в обозначения явлений криминального и околокриминального мира. При этом сакральные образы часто предстают в итальянском языке в непочтительном, а и иногда в вульгарном виде (ср.: *Cristo!*; *ti riduco come Santa Lucia*; *fare San Pietro*; *pieno come un San Lazzaro* и др.).

Имена собственные — как и другие существительные — участвуют в создании национально-языковой картины мира. Дело в том, антропонимические системы эволюционируют и их эволюция отражает изменения в общей картине мира. Особенно бурно они реагируют на кардинальные изменения в жизни общества, явившиеся результатом определенных событий. Такими событиями явились *grasso modo* принятие христианства, переход к буржуазным отношениям (с этим процессом, как было показано, связано становление фамилий), общественные потрясения: петровские реформы, отмена крепостного права, Октябрьская революция в России; Рисорджименто в Италии, установление фашистских диктатур в Италии и Испании; наконец, демократизация общественной

жизни и процессы глобализации. В результате изменяется не только состав именника, но и правила функционирования антропонимов и этикетные формулы.

Более того, имена собственные связаны с лексической системой языка и взаимодействуют с ней. Одни и те же прецедентные имена (имена библейских персонажей, христианских святых, литературных героев, исторических личностей) образуют в разных языках совершенно несхожие центры ассоциативных созвездий, что объясняется различиями в традициях и культуре народов, и образуют лексические единицы, восполняющие в языке определенные семантические лакуны. Часто на основе имен — имеются в виду также и обычные имена — способны возникать яркие национально обусловленные когнитивные концепты, отражающие особенности этнической картины мира. В целом проблемы функционирования имен в языке — их отношение к фразеологии и взаимоотношения с нарицательной лексикой — требуют более пристального рассмотрения, в том числе в рамках сопоставительного изучения.

ЛИТЕРАТУРА

Бартминский Е. Денотация и коннотация имен собственных // Ономастика в кругу гуманитарных наук. Материалы международной научной конференции. Екатеринбург, Уральский университет, 2005.

Бельчиков Ю.А. Культуроведческий аспект филологических дисциплин // ФН, 1998, № 4.

Березович Е.Л. Теория коннотации в современной лингвистической семантике и ономастика // Ономастика в кругу гуманитарных наук. Материалы международной научной конференции. Екатеринбург, Уральский университет, 2005.

Берестнев Г.И. О «новой реальности» в языкознании // Филологические науки, 1997, № 4.

Бетехтина Е.Н. О лингвистических источниках библеизмов // Вестник СПбГУ, серия 2, 1944, 3.

Болотов В.И. Социальные поля и энциклопедическое значение антропонимов в речи // Actes du XI-e Congrès international des sciences onomastiques. I, Sofна, 1974.

Бондалетов В.Д. Изучение ономастической лексики методами лингвистической географии и лингвистики (преимущественно на материале русской антропонимии) // II Actes du XI-e Congrès international des sciences onomastiques. I, Sofна, 1974.

Бондалетов В.Д. Русский именник, его состав, статистическая структура и особенности изменения (мужские и женские имена) // Ономастика и норма. М., 1976.

Васенко И.С. Динамика женского именника г. Барнаула в XX в. // Ономастика в кругу гуманитарных наук. Екатеринбург, Уральский университет, 2005.

Гак В.Г. Особенности библейских фразеологизмов в русском языке (в сопоставлении с французскими библеизмами) // ФН, 1997, № 5.

Ганжина И.М. Словарь современных русских фамилий. М., АСТ АСТРЕЛЬ, 2001.

Даль В.И. Толковый словарь. М., 1955.

Даль В.И. Пословицы русского народа. В 3 томах. Москва, 1994.

Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания, 1994, № 4.

Ермолович Д.И. Имена собственные на стыке языков и культур. М., Р.Валент, Москва, 2001.

Калакуцкая Л.П. Склонение собственных имен (фамилий) в отношении к норме // Ономастика и норма. М., 1976.

Калакуцкая Л.П. Склонение фамилий и личных имен в русском литературном языке. М., Наука, 1984.

Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. Лекционный курс. М., Гнозис, 2002.

Кубрякова Е.С. Парадигмы научного знания в лингвистике и ее современный статус // Известия РАН. Серия литературы и языка, 1994, № 2.

Лаенко Л.В. Пословица есть прецедентное высказывание? // Феномен прецедентности и преемственность культур. Воронеж, ВГУ, 2004.

Левинтова Э.И., Вольф Е.Н., Мовшович Н.А., Будницкая И.А. Испанско-русский фразеологический словарь. М., 1985.

Лыков А.Г., Чабанец Т.А. Русское личное имя собственное // Филологические науки, № 1. 1999.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. XVII.

Мед Н.Г. Гендерные стереотипы в оценочных номинациях (на материале русской разговорной речи) // Вопросы иберо-романского языкознания. Выпуск 7. М., МГУ, 2005.

Моммзен Т. История Рима. СПб., 1993.

Никонов В.А. Русская адаптация иноязычных имен // Ономастика. М., 1969.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., Советская энциклопедия, 1964.

Ономастика в кругу гуманитарных наук. Материалы международной научной конференции. Екатеринбург, Уральский университет, 2005.

Пеньковский А.Б. Русские личные именованья, построенные по двухкомпонентной модели «имя + отчество» // Ономастика и норма. М., 1976.

Рассел Б. Человеческое познание. М., 1957.

Рылов Ю.А. Очерки романской антропонимии. Воронеж, ВГУ, 2000.

Рылов Ю.А. Аспекты языковой картины мира: итальянский и русский языки. Воронеж, ВГУ, 2003.

Рылов Ю.А., Смирнова Г.М. Имя и общество (на материале русского и итальянского именников) // Известия Тульского госуниверситета. Серия Филологические науки, 2003, № 3.

Санчурский Н.В. Римские древности. М., 1995.

Симернова С. Словарь испанской разговорной речи. Москва, УРСС, 2001.

Скрозникова В.А. Испанцы и испаноязычные народы // Системы личных имен у народов мира. М., 1986.

Словарь современного русского литературного языка в 20 томах. М., 1993, т. IV.

Смольников С.Н. Антропонимия в системе модальных отношений // Ономастика в кругу гуманитарных наук. Екатеринбург, Уральский университет, 2005.

Сударь Г.С. Топоним в составе испанской фразеологии // Актуальные проблемы современной иберо-романистики. Лингвистика. Литературоведение. Культурология. М., Гнозис, 2004.

Суперанская А.В. Имя через века и страны. М., 1990.

Суперанская А.В., Сулова А.В. «Нестандартные» русские фамилии // Ономастика и норма. М., 1976.

Суперанская А.В. Словарь русских личных имен. М., ЭКСМО, 2003.

Тихонов А.Н., Бояринова Л.З., Рыжкова А.Г. Словарь русских личных имен. М., 1995.

Толстая С.М. К понятиям апеллативизации и онимизации // Ономастика в кругу гуманитарных наук. Екатеринбург, Уральский университет, 2005.

Унбегаун Б.О. Русские фамилии. М., 1995.

Успенский Б.А. Социальная жизнь русских фамилий (вместо послесловия). В: Унбегаун Б.О. Русские фамилии. М., 1995.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 2, т. 4, 1986, 1987.

Фирсова Н.М. Испанский речевой этикет. М., 1991.

Фразеологический словарь русского литературного языка (под ред. А.И.Федорова). М., 1995.

Черданцева Т.З., Рецкер Я.И., Зорько Г.Ф. Итальянско-русский фразеологический словарь. М., 1982.

Чесноков П.В. Слово и соответствующая ему единица мышления. М., 1967.

Чеснокова Л.Д. Имена числительные и имена собственные // Филологические науки, 1996, №1.

Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.

Albaigis Olivart J.M. El libro de los nombres. Barcelona, 1984.

Albaigis J.M. Enciclopedia de los nombres propios. Planeta, 1995.

Albertos Firmat M.L. La onomástica personal primitiva de Hispania Tarraconense y Bética. Salamanca, 1966.

Alcina Franch, J., Blecha J. M. Gramática española. Barcelona, 1989.

Blvarez G. Toponimos en apellidos hispanos. М., 1983.

Barrell J.A. El nombre y los apellidos. Su cambio, adición y modificación. Madrid, 1953.

Beinhauer W. El español coloquial. Madrid, 1991.

Bortolami S. L'onomastica come documento di storia della spiritualità nel medioevo europeo // L'Anthroponymie. Document de l'histoire sociale des mondes méditerranéens méditerranéens. Roma, 1996.

Bortolozzo K. Il grande libro dei nomi. Milano.

Buesa Oliver T. Recursos fonéticos en la afectividad de los antropónimos // Actas del I Congreso internacional de historia de la lengua española. T. II, М., 1988.

Calabrese A. I dimostrativi // Grande grammatica italiana di consultazione. Vol. 1, Bologna, 1988.

Cano González A.M., Kremer D. Estudio de los nombres propios // Lexikon der Romanistischen Linguistik (LRL). Band I, 1, Max Niemeyer Verlag, Tübingen, 2001.

Carnicer R. Tradición y evolución en el lenguaje actual. M., 1977.

Cascyn Martn E. Español coloquial. Rasgos, formas y fraseología de la lengua diaria. Madrid, 1995.

Casado M. El castellano actual. Usos y normas. Pamplona, 1993.

Cattabiani A. Introduzione // Cepeda Fuentes M., Cattabiani S. Dizionario dei nomi. Roma, Newton, 2003.

Cepeda Fuentes M., Cattabiani S. Dizionario dei nomi. Roma, Newton, 2003.

Cepellini V. Dizionario pratico di grammatica e linguistica. Novara, 1999.

Chambon J.-P., Swiggers P. L'apport de l'onomastique a la philologie romane. Histoire et perspectives // ACILFR, 1993.

Colonna B. Dizionario etimologico della lingua italiana. Newton, 1997.

Corominas J., Pascual J.A. Diccionario crítico etimológico castellano e histórico. Madrid, 1983, T.V.

Avall-Arce J.B., de. Enciclopedia Cervantina. Universidad de Guanajuato, 1997.

Dauzat A. Les noms de personnes. Paris, 1946.

Devoto G., Oli G. C. Dizionario della lingua italiana. Firenze, 1989.

Diccionario Corona Everest. Leyn, 1978.

Diccionario de la lengua española. Real Academia Española. M., 1984.

Diccionario enciclopédico Espasa t. I., Madrid, 1984 (статья Apellidos).

Dictionnaire historique de l'antroponymie romane. Tübingen, 1997.

Dizionario ecclesiastico. Torino, 1955.

Dizionario fondamentale della lingua italiana. Novara, 1999.

Díez Melcyn P.G. Apellidos castellano — leoneses (siglos IX — XIII, ambos inclusive). Granada, 1957.

Dolz M. Antroponimia latina // Enciclopedia lingüística hispanica. Vol. I a, Madrid, 1960.

Dunkling L. The Guinness Book of names. London, 1993.

Enciclopedia italiana. Milano, 1986.

Enciclopedia Universal Ilustrada Europeo-Americana. Madrid-Barcelona, 1924.

Esbozo de una nueva gramática de la lengua española. Madrid, 1995.

Fernández Ramírez S. Gramática española. 3. 2. El pronombre. M., 1987.

Ferrero E. Dizionario storico dei gerghi italiani. Milano, 1991.

Freud S. Totem e tabù. Torino, 1989.

- Gaperini B. Il galateo. Milano, 1998.
- Godoy Alcántara J. Ensayo histórico, etimológico, filológico sobre los apellidos castellanos. Madrid, 1871.
- Gran diccionario general de la lengua española. Vox, 1995.
- Gran enciclopedia Larousse. 1990.
- Gray L.H. L'origine de la termination Hisp. portg. ez / Bulletin de la Société de linguistique de Paris, XXXVI, 1935.
- Hernando Cuadrado L.A. Aspectos gramaticales del español hablado. Madrid, 1994.
- Jespersen O. La filosofía de la gramática. Madrid, 1968.
- Junceda L. Diccionario de refranes, dichos y proverbios. Madrid, Espasa, 1998.
- Kremer D. Onomástica e historia de la lengua // Actas del I Congreso internacional de historia de la lengua española. T. II, M., 1988.
- Lessico universale italiano. T. V, XV, XVII, Roma, 1970, 1975, 1977.
- Lopez García B. Gramática del español. III, Las partes de la oración. Madrid, Arco Libros, 1998.
- Lorenzo E. El español de hoy, lengua en ebullición. Madrid, 1971.
- Lotti G. Le parole della gente. Milano, 1992.

- Lucas Gil F. El nombre civil de las personas naturales en el ordenamiento jurídico español. Barcelona, 1978.
- Marcantonio A. Il nome // Grande grammatica italiana di consultazione. Vol. 1, Bologna, 1988.
- Marsó F. Diccionario normativo y guía práctica de la lengua española. Barcelona, 1986.
- Martín Alonso. Manual del escritor. Madrid, 1981.
- Martín Martín J. Diccionario de expresiones malsonantes del español. M., 1974.
- Mastrelle C.A. Предисловие к Dictionnaire historique de l'anthroponymie romane. Тьbingen, 1997.
- Matte Bon F. Gramática comunicativa del español. Madrid, 1995.
- Mill J.S. A system of logic, ratiocative and inductive. London, 1843.
- Miranda J. A. Usos coloquiales del español. Salamanca, 1992.
- Moliner M. Diccionario de usos del español. Madrid, 1987.
- Moya V. La traducción de los nombres propios. Madrid, 2000.
- Nebrija A. de. Gramática de la lengua castellana. Madrid-16, 1981.
- Nespor M. Il sintagma aggettivale // Grande grammatica italiana di consultazione. Vol. 1, Bologna, 1988.

Pastrana Garcia J. Los Guzmanes en el mundo. Madrid, 1983.

Piazza A.. Il cognome somiglia a un gene e aiuta a capire le migrazioni // La Stampa, 4. 11. 1987.

Renzi L. L'articolo // Grande grammatica italiana di consultazione. Vol. 1, Bologna, 1988.

Rhos y Rhos A. de los. Ensayo histyrico, etimolygico, filolygico de los apellidos castellanos. Madrid, 1979.

Salv6 V. Gram6tica de la lengua castellana. T. 1, M., 1988.

Sanmartn Sbez J. Diccionario de argot. M., 1998.

Santano y Leyn D. Diccionario de gentilicios y toponimos. Paraninto, 1981.

Seco M. Diccionario de dudas y dificultades de la lengua espacola. Madrid, 1993.

Sotis L. De buen tono: breve diccionario de cortesna actual. Barcelona, 1991.

Tartamella V. Nel cognome del popolo italiano. Viennepierre, 1955.

Thayer Ojeda T. iDeben de pluralizarse los apellidos? Discurso lendo en la Academia Chilena. Sgo de Chile, 1934.

Tibyn G. Onom6stica hispanoamericana. Mйxico, 1961.

Tierno B., Velasco R. Dudas y errores del lenguaje. Madrid, 1993.

Vocabulario della lingua italiana. Roma, Enciclopedia italiana, 1986 — 1994.

Vox mayor. Bologna, 1989.

Woods R.D. Hispanic first names. A comprehensive Dictionary of 250 years of Mexican-American Usage. Green Wood Press, 1984.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 3

ЛЕКЦИИ I – II

Антропонимы как особый класс слов 4

ЛЕКЦИИ III – IV

Из истории становления итальянской,
испанской и русской антропонимических систем 34

ЛЕКЦИИ V – VI

Итальянский и русский именники:
состав и типология имен 70
 Вариативность имен 70
 Дериваты имен 75
 Двойные имена 80
 Истоки итальянского
 и русского ономастикона 84
 Парные имена 90
 Имя и общество 92
 Литературные имена 100
 Основные тенденции в развитии
 итальянского и русского именников 105

ЛЕКЦИЯ VII

Испанский именник: истоки,
типология имен, прагматический аспект 125

ЛЕКЦИИ VIII – IX

Итальянские и русские фамилии:
типология, словообразовательный аспект,
частотность 163

ЛЕКЦИЯ X

Формальный и прагматический
аспекты испанской фамилии 193

ЛЕКЦИИ XI – XII

Прагматический аспект функционирования
итальянских и русских антропонимов 209

ЛЕКЦИЯ XIII

Некоторые грамматические и сочетательные
особенности испанских антропонимов 234

ЛЕКЦИИ XIV – XV

Антропонимы в лексической системе языка 251
 Антропонимы как
 нарицательная лексика 251
 Антропонимы в составе
 прецедентных
 высказываний 262
 Антропонимы-прецедентные имена:
 нарицательная лексика, фразеология,
 прецедентные высказывания 265

ЛИТЕРАТУРА 300